



БИБЛИОТЕЧКА  
СЕМЕЙНОГО  
ЧТЕНИЯ

А. Маркуша

# ВНИМАНИЕ- ДЕТИ!



Издательство  
политической  
литературы

БИБЛИОТЕЧКА  
СЕМЕЙНОГО  
ЧТЕНИЯ

---

**А. Маркуша**

# **ВНИМАНИЕ- ДЕТИ!**

МОСКВА  
ИЗДАТЕЛЬСТВО  
ПОЛИТИЧЕСКОЙ  
ЛИТЕРАТУРЫ  
1979

74.9

М27

**Маркуша А. М.**

**М27**      Внимание — дети! — М.: Политиздат, 1979.—  
160 с., илл. — (Б-чка семейного чтения).

«Эти короткие истории — серьезные и веселые, поучительные и просто забавные, заимствованы из подлинной жизни» — так представляет свою новую книгу известный детский писатель Анатолий Маркуша.

Автор стремится помочь родителям лучше понять своих детей, найти с ними общий язык, избежать многих ошибок, совершаемых взрослыми в таком тонком и деликатном деле, как воспитание. Ведь взаимопонимание в семье — первая гарантия всех воспитательных начинаний.

Книга адресована массовому читателю и главным образом родителям.

М  $\frac{10508-271}{079(02)-79}$  315—79 0302030800

74.9

371.018

© ПОЛИТИЗДАТ, 1979 г.

Выдающийся педагог современности В. А. Сухомлинский справедливо писал, что воспитание личности в основном завершается к трем годам, потом, в большей или меньшей степени, это уже перевоспитание. Не трудно понять, сколь велика ответственность всех пап и мам не только перед собственными детьми, но и перед народом, перед обществом за успешность незаметной, ежедневной воспитательной работы в семье.

Вырастить ребенка не эгоистом, научить его любить труд, уважать старших, сознательно относиться к общественному долгу, то есть вырастить его человеком нравственным, — задача, можно сказать без преувеличения, государственной важности. Но вот как решать ее, об этом стоит задумываться. И чем чаще, тем лучше. Говорю это, исходя из собственного родительского опыта, из общения с другими родителями.

Каждое дело должно выполняться как можно лучше. Тем более это относится к воспитанию подрастающего поколения. И для этого нужно, в общем-то, немного — внимание к детям, понимание их ребячьего мира. Книга писателя А. М. Маркуши, не претендующая на теоретическую глубину, не дающая готовых рецептов и «патентованных средств», безусловно, поможет родителям задуматься над некоторыми трудными случаями в воспитании. В ней автор ненавязчиво делится собственными наблюдениями и богатой житейской мудростью. Множество примеров и историй, из которых состоит книга, рассказаны автором в расчете на читательскую заинтересованность, книга приглашает к раздумью, к спору и обмену опытом — ведь наука воспитания постигается каждым самостоятельно.

Мне представляется чрезвычайно важным подчеркнуть, что автор печется о том, чтобы наши дети, которым предстоит продолжать работу отцов — строить



коммунизм, были нравственно достойны высоких коммунистических идеалов. В связи с этим хочется вспомнить несколько положений, высказанных М. И. Калининым сорок лет назад и прошедших проверку временем: «У нас создается новый человек социалистического общества. Этому новому человеку надо прививать самые лучшие человеческие качества.»

И далее М. И. Калинин называет эти качества:

«...Во-первых, — любовь, любовь к своему народу, любовь к трудящимся массам. Человек должен любить людей... никто не живет так худо в мире, как мизантроп-человеконенавистник...

Во-вторых, — честность. Приучить ребят к честности... Не врать, не обманывать, а вести себя честно.

В-третьих, — храбрость. Социалистический человек—человек труда, он хочет завоевать мир, и не только мир, существующий на земном шаре, но и вселенную раздвинуть разумом человека.

В-четвертых, — товарищеская спайка... СССР будет еще сильнее, если у советских людей товарищеская спайка с малолетства будет воспитываться, — действительная, крепкая товарищеская спайка...

В-пятых, — это надо любить труд. Не только любить, но и честно относиться к труду...»

Эти простые и столь убедительные слова М. И. Калинина я привел здесь потому, что они в полной мере нашли отражение в книге.

*В. ИЛЬЮШИН*  
*Герой Советского Союза,*  
*заслуженный летчик-испытатель СССР*



## ПОЖАЛУЙСТА, ИЗВИНИТЕ...

Утро солнечное и тихое, еще прохладно, небо бледно-синее — день обещает быть жарким. Иду по Большой Садовой и близ площади Маяковского вижу: стройной колонной выравнялись в затылок друг другу большие автобусы, на головном плакат: «ВНИМАНИЕ — ДЕТИ!»

Нарядной колонне придан милицейский эскорт — желто-голубая «Волга» с мигалкой на крыше и еще такой же желто-голубой «уазик».

От станции метро к автобусам живым, бойким ручейком вьется детвора.

Очень они разные, ребяташки: и совсем карапузики, и акселерированные долговязые подростки; одни радостно возбужденные, другие — надо думать, перво-разники — робеющие. И всех сопровождают взрослые, большей частью мамы, хотя попадаются и папы, реже — бабушки и дедушки...

Смотрю на веселое это шествие и не сразу понимаю, почему во мне начинает расти какое-то неприятное беспокойство, еще не совсем осознанная тревога?

Постепенно доходит: все — за исключением одного-единственного мальчонки — решительно все ребята идут вольно, размахивают руками, а сопровождающие их взрослые волокут чемоданы, сумки, рюкзаки...

Так ли велика беда, если родители помогают детям? И почему в моих глазах вроде и день тускнеет и неодолимо хочется подойти к симпатичной бабушке, бодро несущей клетчатый рюкзак на спине, и сказать:

— Пожалуйста, извините... Что ж вы делаете? Ваш прелестный внучек, такой крепко сбитый мальчик, вполне мог бы справиться со своей ношей сам; подумайте, бабушка, к чему вы приучаете человека?.. Но я не подхожу и ничего не говорю.

А почему?

Конечно, не принято вступать на улице в разговоры с незнакомыми людьми, совать нос в чужие заботы.

А если честно?

Увы, я этого не делаю по обыкновенному малодушию и только спустя какое-то время придумываю себе более или менее убедительное оправдание: неудобно, дескать, делать замечания бабушке при внуке, это не педагогично!

А потом электричка рассыпает задорную дробь колес, и солнце озорно расцвечивает вагон, и на глаза мне попадает чудесная пара — мама и дочка.

Мама сама почти еще девочка, а дочка, малышка лет трех-четырех, будто с рекламного плаката — видели такой? — «А я ем повидло и джем!»

Смотрю, люблюсь, радуюсь: такие дети — праздник на земле, праздник не только родительский — общий...

И тут симпатичная мама достала здоровенное красное яблоко из сумки и заговорила, пренепрятно сюсюкая и придыхая:

— А вот какие мамочка купила своей Натусеньке яблочки. Ешь, моя радость, ешь, моя маленькая. Яблочки сладенькие, в яблочках витаминчик.

Мама старалась, уговаривала, хотя в этом не было никакой необходимости: Натусенька сразу же и весьма деловито принялась за яблоко.

Кстати, ни само яблоко, ни мамины речи никаких эмоций у девочки не вызвали. Она схватила яблоко с обезьяньей проворностью, не сказав даже спасибо...

Очень скоро от первого яблока не осталось и следа. Девочка вытерла руки о платишко и потребовала: — Еще.

Пока мы доехали до остановки Кратово — это около сорока километров от Москвы, — она управилась с четырьмя отборными яблоками. И всю дорогу мама умиленно, с нескрываемым обожанием, даже с гордостью смотрела на свою доченьку: глядите, люди добрые, вот у нас какой замечательный аппетит!

И снова я не сказал случайной своей попутнице:

— Пожалуйста, извините, но ничего бы с вашей прелестной доченькой не случилось дурного, предложи она вам хоть откусить от одного из яблок... Конечно, витамины полезны телу, но они могут серьезно повредить душе...

Уже очень давно автор «Кодекса природы» Морелли писал: «Единственный порок, какой я знаю во вселенной, — это жадность, все другие, какое бы название им ни давали, представляют собой только его тона, степени...»

Я вовсе не стараюсь выискивать огорчительные картинки, так сказать, коллекционировать людские недостатки. Но когда живешь среди людей, невольно замечашь не только хорошее, но и промахи, и ошибки.

Известно выражение: на ошибках учатся. Можно ли сомневаться, что учиться на чужих ошибках не так обидно, как на собственных? Вероятно, потому меня и занимают взрослые с детьми, когда они встречаются в парке, на улице, в скверике; я ощущаю себя «скрытой камерой», стараюсь зафиксировать то, что вижу. И давно уже не покидает меня надежда, что придет день, когда я смогу сказать читателю: пожалуйста,

извините, сейчас я покажу вам, как мы выглядим рядом с нашими детьми.

Не все, о чем вы читаете, доставит вам удовольствие, но не сердитесь и не спешите осуждать: дескать, а ему-то что за дело? Конечно — дело: ведь дети — наша общая забота. И вам, глубокоуважаемый читатель, чужие ошибки я предлагаю, так сказать, исключительно для ознакомления, а практические выводы вы либо сделаете, либо не сделаете, как сами найдете нужным...

Он такой красивый, такой модный, такой современный, этот незнакомый мне папа.

На нем джинсовые брюки, рубашка в широкую полоску, у него хорошо уложенные, в меру длинные волнистые волосы.

Встретил я его на Кузнецком мосту, он шел неторопливо и уверенно, встречные обтекали его. А рядом с папой семенил маленький мальчуган, тоже красивый и благополучный.

Папа подбадривал сына весьма решительно и громко:

— Давай, Димка, топай, не отставай, оборотки прибавь, сынок...

Мальчик старался, все прохожие одобрительно улыбались маленькому человечку: детская самостоятельность всегда вызывает приязнь и умиление посторонних взрослых.

И вдруг — будто с другой пленки пошел текст: и голос папин изменился, и ударения стали иными, и сами слова...

— А сейчас, Димка, — объявил папа, — мы зайдем с тобой в магазин. Топ-топ ножками... И купим бутылочку бяки. От нашей мамы, сынок, ни за что не дожидаться бяки.

Они скрылись в дверях специализированного торгового заведения, из которого разило, как из пивной бочки.

Ушли. Но не исчезли из памяти.

Скорее всего, модный джинсовый папаша никакого серьезного значения своим словам относительно «бутылочки бяки» и не придавал, так сказанул, не более...

Да и то подумать: ну что такой клопишка, как Димка, может понять и запомнить из отцовских слов?

Не скажите! Малыши, разумеется, не все понимают и не все запоминают, но чувствуют они куда больше, чем мы можем предположить.

Возможно, вы замечали: стоит отцу с матерью изменить дружелюбный тон и обменяться несколькими колючими словечками, чуть повысить голос, и пятимесячный несмышлёныш выдает вдруг такой рев, будто он расслышал и оценил первые раскаты грома и испугался приближающейся грозы. К тому же я совершенно не могу поручиться, что винный дух специализированного магазина непременно произведет на мальчика отрицательное впечатление и что нотка пренебрежения, прозвучавшая в адрес мамы, не оставит следа...

Папа — сыну:

— Саша, пойдёшь скажи маме, что не вредно бы пообедать, шестой час.

Сын — папе:

— Па-а-а, мама велела передать, что она ещё стирает и, если ты находишь, что пора обедать, можешь разогреть суп и котлеты, они на окне стоят в кухне.

Папа — сыну:

— Если на то пошло, то я могу и обождать ещё. Говорят, голодать даже полезно, кто-то где-то голодом даже лечит, и вроде помогает...

Мама — сыну:

— Это папа велел мне сказать или ты сам додумался?

Сын — маме:

— Сам. Я ведь тоже есть хочу, а потом — скоро хоккей начнется, какой тогда обед...

Мама — сыну:

— Удивительно! Есть хотят все, а разогреть готовый обед не может никто. Просто удивительно! Или вы с папой ждете Восьмого марта?..

Папа — сыну:

— Про Восьмое марта мама велела сказать или ты сам придумал? Господи, до чего мне надоела вся эта самодеятельность.

А времени без четверти шесть.

Скажите, вам не приходило в голову — даже у самых лучших, самых редкостных часов нет заднего хода?..



Стенд приподнят над землей тонкими, трубчатыми ногами. За стеклом газета. Почтенный старец, седой и благообразный, читает «Вечерний Ленинград», а внук изнывает от скуки. И просто так, от нечего делать, без злости и без азарта, тыкает прутиком собачонку другого дедушки, который тоже читает газету, но по ту сторону стенда...

Собачонка с осуждением взглядывает на мальчишку и бесшумно переходит от левой ноги своего хозяина к правой. Ушла бы и дальше, да поводок не пускает.

И мальчишка тоже переходит, приседает и шкодливо тыкает собачонку снова. Так продолжается долго, пока дедушка с собачкой не начинает испытывать неудобства — поводок обкрутился вокруг ног и тянет. Сперва хозяин цыкает на собачонку, но тут же, взяв в толк, что к чему, обегает стенд и набрасывается на почтенного старца.

Боже милостивый, на каком лексиконе изъясняются убеленные почетными сединами, вероятно, уважаемые в миру люди! Попытайся я передать даже самый сокращенный текст их диалога, я бы тут же захлебнулся в совершенно неизбежных многоточиях.

А внук — рядом! Внук слушает и радостно улыбается, когда, по его разумению, верх берет его дедушка, и сокрушается, когда на высоте оказывается дедушка чужой.

Надо ли делать выводы?

Если разрешите, приведу слова народного артиста СССР, прекрасного знатока детской души, С. В. Образцова: «Всякий взрослый отвечает за любые слова, произнесенные в присутствии детей, и за любые поступки, совершенные при детях».

Люблю я наш старый невзрачный двор, может быть потому люблю, что в нем растут липы. Мы сами их сажали лет сорок пять назад, мальчишками, еще до войны. Давным-давно деревья стали большими, тенистыми, и всякий раз, взглядывая на них, я думаю: что бы ни случилось на свете, а им — жить!

И вот, замечаю, повадились под нашими липами сиживать чужие тети. Женщинам этим за сорок, может даже и больше, объединяет их дворовая скамейка и какие-то общие беды...

— Ладно, пусть я буду плохая свекровь. Пусть! Это ж закон: все свекрови худы! А я как говорила Петьке, так и буду говорить: куда ты смотришь, дурак, она ж под носом у тебя хвостом крутит, телок ты незрячий...

— Да что там, все они телки, все они незрячие. Эти, теперешние. А мой — ну, Петьки твоего портрет. Она в вечерний техникум, она на собрания бегаёт, она утомленная, а он — в магазин, в садик детский, в прачечную...

— И никакой мужской гордости. Я так говорю: ну ладно ты бы сам себе позволял хвостом крутить. Все-таки ты мужчина! Но как такое от жены терпеть, этого я не понимаю, нет.

— Вот именно! Я в таких делах, хоть и женщина, к мужчинам снисходительная. Тут уж сама природа поставила: мужчине что — отряхнулся и поскакал...

И катится этот пошлейший разговор по хорошо наезженной дорожке. Видно, сладостно женщинам слушать и поддерживать друг друга. И все бы, может, не так и страшно — в конце концов каждый судит о жизни в силу своего понимания, — если б рядом не вертелись их внуки.

А у этой истории совсем иной ракурс.

Двенадцатилетний Сережа явился домой, лопаясь от счастья, и, не переступая порога, объявил во всеуслышание:

— Я тете Саше из сто четырнадцатой утюг починил! Она мне за это дело рубль кинула...

И был предприимчивый Сережа папой выпорот.

Незамедлительно. Обстоятельно. С полным сознанием необходимости столь крутой меры.

— Не срами отца, не срами, — приговаривал принципиальный родитель, оглаживая Серегу задубевшим от старости офицерским ремнем. — Я не какой-нибудь проходимец, а инженер все-таки, и тебе, дураку, ни в чем не отказывают...

Но потом папу одолели, видно, сомнения, и он пришел ко мне, так, по-соседски, запросто, то ли посоветоваться, то ли излить переполненную душу.

— Извините, пожалуйста, — сказал я Серегиному отцу, — но сын-то ваш ничего не украл, он честно зара-

ботал свой рубль. И потом — не скажи он о своем заработке сам, вы бы никогда ничего и не узнали. Так разве же можно наказывать за труд и за откровенность?

— Сговорились вы, что ли? — почему-то обозлился сосед. — И жена тоже плешь переела. Разве нас так пороли? И ничего, выросли. Нежности. Психология кругом. Глаза бы мои на эту психологию не смотрели.

Кстати, последнее замечание — относительно психологии — совершенно верное: действительно, никуда от нее не денешься, правильно, психология кругом. Судите сами.

У Лехи есть твердый и постоянный заработок: он сдает пустые бутылки и все, что выручает, — его. Так заведено в доме.

И Леха точно знает, сколько стоит пол-литровая бутылка из-под молока и сколько другая поллитровка, с горлышком потоньше.

Лучший день недели, в представлении одиннадцатилетнего Лехи, понедельник. Спросите его, и он вам охотно пояснит:

— За пятницу, субботу и воскресенье знаете сколько бутылок собирается?! Ого-го!..

Не знаю, как по-вашему, а по мне, пусть бы Леха чинил электрические утюги соседкам, выбивал ковры, относил белье в прачечную, и не бесплатно, или сотрудничал в ближайшем почтовом отделении, чем считал пустые бутылки в собственном доме, с вожделением ожидая конца недели.

И еще об одном дедушке и одновременно еще об одном соседе.

Его я знаю лет сто. Прекрасный дедушка, достойнейший человек, просто язык не поворачивается хоть в чем-то упрекнуть его. Пожалуй, то, что происходит в их доме, не вина, а несчастье старика: видно, сносились уже какие-то колесики в мудрой дедушкиной голове и из-за этого рассогласовалась управляющая схема...

А происходит вот что: дедушка демонстрирует своего любимого внука публике, он просто не может упустить случая, чтобы не показать, какой у него растет чудо-внук. И делается это так:

— Мишенька, скажи, что лежит у дедушки в портфеле? — небрежно, вроде бы через плечо, спрашивает дедушка.

— Диссертация,— заученно отвечает двухлетний Мишенька и смотрит на людей победителем.

— Во! Слыхали? Каков парень? — захлебывается восторгом дедушка.— Скажи, объясни этим людям, Мишенька, кто твой дедушка?

— Кандидат тех или иных наук! — бойко выкрикивает Мишенька и явно ждет привычных аплодисментов.

— А? Тех или иных!.. Вы обратили внимание? — радуется дедушка и продолжает демонстрировать своего вундеркинда...

Мне жаль Мишу, мне очень жаль дедушку, и я решительно не могу понять, куда смотрят Мишины родители, о чем они думают?

Наши дети должны уметь ЛЮБИТЬ ЛЮДЕЙ, быть безукоризненно ЧЕСТНЫМИ, ХРАБРЫМИ, отличаться крепкой ТОВАРИЩЕСКОЙ СПАЙКОЙ, ЛЮБИТЬ ТРУД, говорил М. И. Калинин. Вот так поставлена задача, и едва ли она может вызывать сомнение. Другое дело, как достигнуть этой цели с наименьшими усилиями и без существенных потерь. Вот здесь наверняка возникает множество вопросов и сомнений.

Едва ли сыщется на свете такой мудрец, который сумеет предложить нам универсальные, пригодные на все случаи жизни рецепты. Тем и сложна всякая воспитательная задача, что каждый раз, в каждом отдельном случае она требует особого подхода, новых усилий ума и непременно — сердца. И ничего не поделаешь: все родители разные, и все дети тоже разные, и жизнь ежечасно предлагает нам столько неожиданных ситуаций, что спрогнозировать их с полной достоверностью не представляется возможным.

Как же быть?

Я думаю, что каждый человек, всякая семья, коллектив непременно вырабатывают свою воспитательную тактику, свои каждодневные приемы, опирающиеся, разумеется, на основные принципы нашей морали, на главные положения современной педагогической науки. Эта тактика складывается не сразу, она

постоянно обогащается, выверяется своим и чужим опытом. Воспитание требует терпения, любви, сил и времени. Если ты щедр и не жалеешь себя, урожай непременно будет богатый; разумеется, не через день и не через неделю после посева — в свой срок будет, но будет непременно!

В доме появилось удивительно забавное и совершенно беспомощное существо — ребенок. И странное дело: существо это не научилось еще толком глядеть на белый свет, а уже подчинило себе всех окружающих.

— Не открывайте окно! Лялю продует.

— Завесьте лампу! Нашей кисаньке прямо в глазки светит...

— Курить, папа, марш на кухню!

Пока все правильно: малютку, действительно, недолго и простудить, новорожденному нужны покой, и чистый воздух, и стерильная соска, и двадцать пеленок на день, еда вовремя, и много-много чего еще...

А время идет, накручиваются дни в недели, недели — в месяцы, и Лялечка уже сидит, уже лопочет что-то бессвязное, но весьма трогательное... смотрите, смотрите, она уже делает первые робкие шаги!

**ОСТОРОЖНО!**

Нежные, славные, любящие мамы и папы, добровольные рабы своих ребятишек, не прозевайте момент, не упустите рубеж, будьте наготове!

У Лялечки ведь не только зубки прорезываются, но еще и характер! Прорезывается, крепнет, развивается — и все это происходит с прямо-таки космической скоростью, именно не по дням, а по часам изменяется ваш ребенок.

Помню, маленькая Оля, усевшись на полу, смешно раскинула свои кукольные, в перевязочках, ножки и принялась деловито выколупывать из паркета какие-то микроскопические крошки. Эту работу она выполняла с завидным упорством. И, будто голодная, запихивала крошки в рот.

Рядом с девочкой примостилась на корточках ее мама и тихим, ровным голосом говорила:

— Ляленька, ты умная девочка, и я тебе уже объясняла — нельзя кушать грязь. Где грязь, там микробы, Ляленька...

— Микробы,— согласно повторила Оля и как ни в чем не бывало продолжала свое занятие.

— Если микробы попадут Ляле в животик,— упорно объясняла мама,— Ляля заболит... бо-бо будет.

— Бо-бо,— словно эхо отозвалась девочка.

Удивительно рассудительная мама была у девочки Оли и терпеливая. У нее хватало выдержки буквально часами растолковывать дочери, что такое хорошо и что такое плохо, и почему хорошо — это хорошо, а плохо — это плохо, и как сделать, чтобы было хорошо. Фантастически терпелива была эта женщина!

И вот минуло десять лет.

Пришел я в знакомый дом и с порога услышал: девочка-школьница, длинноногая и некрасивая — они почти все в этом возрасте такие,— капризно объявляет матери:

— Ну и зануда ты! Хватит... ну хватит мне вычитывать...

А мама?

Мама очень спокойно, словно метроном, отщелкивающий свое, возражает:

— Ты нехорошо говоришь, Ольга. Зануда — грубое слово. И умная девочка не должна употреблять таких слов, особенно в обращении с матерью. Это стыдно, Ольга...

Спору нет, и нежность, и терпение родителей, и всегда ровный доброжелательный тон, и стремление все объяснить, как говорится, довести до ума — качества безусловно положительные. Но без чувства меры тоже нельзя. И может быть, великое искусство воспитания отличается от обыкновенного воспитательного умения именно превосходно отточенным чувством меры, тем самым «чуть-чуть», на котором держится всякое настоящее искусство.

Ребенок растет, делается все подвижней и шумней. И, что таить, он приносит вам не только радость, но и множество забот, он вас утомляет. Впрочем, это совершенно естественно, по-другому быть не может, и не стоит мучиться угрызениями совести, если даже вам нет-нет и придет в голову: «Ох-хо-хо, как он мне надоел».



Как убедительно показывает практика, без неприятностей — больших и маленьких — ребятишки не вырастают.

Костик знает уже достаточно много, но, естественно, далеко не все. И на его жизненном пути постоянно случаются оказии и чрезвычайные происшествия.

Вот он ворвался резвым галопом на кухню и... схватил яйцо. А оно — круглое и гладкое — выскочило из маленькой ручонки, трах об пол и потекло! Костик потрогал, попробовал — вкусно... И, конечно, перемазался человек, пока знакомился с желтком и белком...

— Сколько раз можно говорить: не хватай! Или тебе игрушек мало, наказание ты мое! — возмущается мама.

И мне и вам совсем нетрудно понять маму. Но вот беда: Костик ее понять не может, в его не окрепшем еще сознании яйцо и игрушка — предметы не противостоящие, и откуда он мог знать, что это круглое яйцо вдруг упадет? Оно само, понимаете, само упало!..

А как часто случается — большие, умудренные жизнью мамы и папы жалуются на своих Костиков:

— Он делается невозможным. Он все ломает и портит...

— Ему говоришь: отойди, а он, будто нарочно, лезет обязательно туда, куда не надо.

И хочется спросить родителей: а куда надо лезть, вы ему растолковали, вы направили его энергию в нужное и дозволенное русло?

Пусть Костик, едва научившись ходить, «помогает» маме подметать маленькой щеткой пол (и это неважно, что пол чище от его робких усилий не станет, важно правильно нацелить малыша), пусть в три года он под руководством кого-то из взрослых поливает цветы (и не сердитесь, когда вода попадет не только в цветочный горшок, но и на подоконник тоже), пусть ребенок приучается делать нехитрые, но безусловно полезные дела и пусть у него, когда он чуть повзрослеет, будет круг своих обязанностей в семье. Словом, пусть он «лезет», вы только помогайте ему, деликатно подсказывайте, куда лезть не только можно, но и нужно!

Если труд сделал из обезьяны человека, то можно не сомневаться — из человека-несмышлениша он непременно сформирует Человека с большой буквы.

И пусть никого не сбивает с толку затхлая мещанская формула: «Нарабатывается еще, успеет!»

Приучать человека к труду никогда не рано. Искусство воспитателя в том и состоит, чтобы постоянно давать ребенку посильные задания и обставлять их таким образом, чтобы малышу хотелось работать, чтобы ему было интересно и радостно исполнять поручения взрослых, чтобы его усилия казались ему и игрой, и делом одновременно, чтобы они позволяли малышу отличиться.

С виду женщине было лет тридцать с небольшим. Я обратил внимание на ее хорошую фигуру и ухоженное лицо. Да и вся она, как бы точнее сказать... была отмечена печатью благополучия. Несколько аккуратных наводящих вопросов, и предположение подтвердилось: муж — любимый и любящий, работа — интересная, квартира — хорошая...

И все-таки, и все-таки — тревога. Так отчего?

— Дочь меня беспокоит, — говорит женщина. — Нине девять лет. В школе у нее все в порядке, но вот беда — сутулится и вообще растет какой-то скованной, жизни в ней не чувствуется.

— Скажите, пожалуйста, вы на лыжах ходите? — спрашиваю я.

— Я? — женщина нескрываясь удивлена, будто я поинтересовался, не крутит ли она сальто под куполом цирка.

— Вы.

— Не-е-ет... когда-то, в школе, бегала... и даже на районных соревнованиях, помнится, выступала.

— А теперь что же?

— Да не получается.

— А почему все-таки?

— Без особых причин, наверное. Просто не тянет. И времени нет.

— Может, найдете все-таки время? Вам это не во вред, а девочке уж точно на пользу...

Признаюсь, мне стоит некоторого усилия удерживаться в рамках: не может человек не понимать и, конечно, отлично понимает — ребенку нужен свежий воздух, движение, физическая нагрузка...

Но не стоит возмущаться, необходимо как-то дове-

сти до сознания женщины, что воспитание — это меньше всего слова, то есть слова в последнюю очередь, а прежде — поступок, действие, пример.

Как объяснить моей встревоженной посетительнице, что если ей, взрослому человеку, лень пройтись на лыжах, то можно ли ожидать от девятилетней, неспортивной Нины собственной инициативы?

Думая об этом, спрашиваю маму:

— А физзарядку по утрам вы делаете?

— Какая зарядка, на работу бы не опоздать...

Чувствую, мои вопросы раздражают женщину. Кажется, она разочарована и мысленно клянет себя за даром потерянное время.

Но я продолжаю гнуть свою линию:

— И муж ваш тоже спешит по утрам?

— Муж не так спешит, но тоже.

— Ясно,— говорю я.— Вынужден вас огорчить: само собой ничего не изменится. Если вы на самом деле хотите помочь дочери, заставляйте ее двигаться, двигаться, двигаться! Лучше всего — рядом с собой, вместе!

И пока вы не приучите Нину потеть, не станет она, я уж не говорю — балериной, но просто складной девчушкой. И торопитесь: Нине уже девять лет, это много!

Была и такая встреча, на этот раз с папой.

— Представляете, Лаврику моему двенадцать, и паренек он как паренек. Голова работает, за себя постоять умеет. Конечно, и мы с женой ничего для него не жалеем. Это уж, будьте уверены, точный факт: если там брючата по моде или трешник на развлечение — с дорогой душой. Закурить разрешите?

Получив разрешение, папа закуривает, и только тут я замечаю — а родитель-то, как бы по деликатнее выразиться, слегка «на взводе»: глаза у него подозрительно блестят и руки неестественно напряжены.

— Повторяю: мне для сына ничего не жалко. Один у меня! Надо если, всю кровь готов каплю за каплей ему отдать. Это первое положение. Теперь положение второе: давеча мне соседка представление делает, будто она собственными глазами видела, как Лаврик покуривает с ребятами, значит, во дворе. И я не знаю, как мне быть, чтобы... решительно и кардинально...

На этом он замолкает и смотрит на меня выжидательно.

— Бросьте курить,— советую я,— и пусть ваш Лаврик об этом узнает.

— Как, то есть, бросить?

— Обыкновенно. Сказать: больше не курю — и не курить.

— Допустим. Предположим,— глаза у родителя недовольно щурятся, он торопливо что-то соображает. А остальные?

— Кого вы имеете в виду? — спрашиваю я.

— Ну-у-у... миллионы граждан, которые курят?

— В данном случае вас не должны заботить миллионы, речь ведь идет о вашем сыне...

— Не логично рассуждаете,— перебивает меня папаша. Я брошу, а они нет. И что получится? Плохих примеров у Лаврика все равно полно будет. Или не так?

— Так, да не совсем. Вы бросите курить на глазах у сына, и это будет поучительным примером для мальчика, прежде всего примером сильной воли. Лаврик поймет, какой у него исключительный отец — другие не могут, а он может! Сказал — сделал! И авторитет ваш в глазах сына не просто возрастет, а, можно сказать, высоко подпрыгнет!

— Да-да. А ежели я не выдержу? С детства все-таки курю, лет, пожалуй, с одиннадцати баловаться начал.

— Позвольте, но вы же говорили, что готовы для сына отдать всю кровь каплю за каплей? Так пожертвуйте такой малостью, как сигареты. И вам лично этот подвиг тоже вреда не принесет.

— Ох, дети, дети... Сколько с ними неприятностей,— философически замечает папаша.— И еще совершенно ведь неизвестно, какая будет отдача, с каким знаком?

Он откланивается и поспешно уходит.

Думаю: бросит курить папаша или не бросит? Сомневаюсь. Ведь найдет себе миллион оправданий. Оправдываться всегда легче, чем принуждать себя. Но что делать — без проявления воли воспитания, увы, не бывает.

И еще: воспитание — это тактика. Тактика в том смысле, что мало знать, чего ты хочешь добиться от

ребенка, необходимо еще уметь находить лучшую, кратчайшую дорогу к достижению поставленной цели. Тактика вырабатывается не вдруг, но выработать ее можно.

Мой первый тактический совет мамам, папам, вообще всем взрослым, имеющим дело с детьми:

**НЕ БОЙТЕСЬ ХВАЛИТЬ РЕБЕНКА!**

Замечайте каждый успех малыша и поощряйте — улыбкой, добрым словом, ласковым прикосновением. Поощряйте! Когда маленький человек слышит, понимает, чувствует себя вашим помощником, когда он сознает: хорошая работа замечена — он правильно убрал свой уголок, быстро накрыл на стол, справился с огородной грядкой или починкой электрического утюга (разумеется, каждому возрасту должно соответствовать свое задание — трудное, но посильное), — в нем растет уверенность в собственных силах, возникает желание сделать больше, быть полезным, быть всем нужным и хорошим.

Ведь ребенок, особенно маленький, только-только осваивает великие сложности взрослого мира и не может все делать хорошо, у него не всегда с первого же раза все получается. Это же очень трудно зашнуровать ботинки, не пропустив и не спутав ни одной дырочки, или застегнуть пуговицу, попав в нужную тугую петлю курточки.

Поэтому не говорите малышу:

— Ах ты безрукий, неумеха косолапый! И ничегошеньки ты у меня еще не можешь...

Услышав, что он неумеха и растяпа, косолапый и бестолковый, раз, другой, третий, ребенок легко может утратить всякий интерес к окружающим его вещам, ему быстро надоеет стараться овладеть нужными навыками, и тогда вам придется сначала долго и мучительно вселять в него желание и надежду освоить мир, и только потом поощрять его робкие и вялые попытки.

Что говорить — конечно, быстрее и легче застегнуть Вовке все шесть пуговиц, чем дожидаться, пока он справится с одной. Только признаемся честно: спеша помогать, мы ведь не сыну, а себе облегчаем жизнь.

Один мой добрый приятель постоянно повторяет: «Терпение во мне воспитали дети!» У него их трое.



**НИКОГДА НЕ ПУГАЙТЕ ДЕТЕЙ** ни темнотой, ни милиционером, ни страшным дедушкой с мешком, ни отцом, который-де скоро придет с работы и все ему «объяснит», как надо.

Если вы сначала пугаете, а потом пытаетесь на самом деле исполнить вашу угрозу, ну, скажем, сажаете своего сына в темную кладовку или запираете в ванную комнату, то вы далеко не лучшим образом воздействуете на неокрепшую нервную систему мальчика, и чем завершится такая, с позволения сказать, воспитательная мера, предположить трудно. Лично я думаю, что ничего хорошего ждать не приходится.

Ну а если вы только пугаете: вот придет милиционер, вот дождешься деда с мешком — и ни милиционер, ни мифический дед не являются, ребенок перестает вам верить. А это уже никуда не годится.

Воспитывать человека, не пользуясь его доверием (даже если человеку три года от роду!), невозможно.

Позволю себе еще один практический совет. Всем нам будет много легче жить, если мы приучим себя к мысли: **РЕБЕНОК ВСЕ ПОНИМАЕТ!** А это значит, что успешное воздействие на малыша возможно только при полной искренности. Если вы притворяетесь, что дочка очень вас обрадовала своим трудолюбием, а на самом деле едва замечаете, как она разодела и вымыла своих кукол, будьте уверены: очень скоро ее «хозяйственный раж» и старание иссякнут.

Разумеется, тремя тактическими советами не исчерпывается, а лишь обозначается арсенал средств, овладеть которыми предстоит каждому воспитателю. Хочу заметить, что примеры, которые я привожу, будут иметь смысл при одном обязательном условии — они должны сопровождаться обязательным читательским размышлением. Все, о чем я поведу речь дальше, лишь материал для сравнения, обсуждения и, я надеюсь, спора.

Единственное, что представляется мне абсолютно бесспорным, и хотелось бы, чтобы читатель тоже так считал: воспитание нельзя откладывать на завтра, на послезавтра, словом на потом. Упустить время — значит упустить все.





## ШАГ ЗА ШАГОМ

Она явилась внезапно, как смерч или снежный обвал. Небрежно представилась корреспондентом молодежного журнала и, что называется, с порога объявила:

— А что касается современных проблем воспитания, то тут нужен абсолютно новый подход, а не косметические поправки. Вот вы, например, согласны? — и, не дожидаясь моего ответа, который, как я успел понять, был ей совершенно не нужен; пояснила:

— Почему не решаются «вечные» проблемы? Только потому, что те, кто воспитывает, стареют раньше, чем научаются понимать воспитуемых. Впрочем, это тоже так, шорох! И к вам у меня другой вопрос. Мне сказали, что вы получаете много писем от ребят. Это соответствует?

Сраженный таким напором, я покорно подтвердил:  
— Соответствует.

— Если не секрет,— о чем они пишут?

Я стал отвечать, но очень скоро почувствовал: содержание ребячьих писем посетительницу не занимает, и потому, как принято говорить, поспешил закруглиться.

— Прекрасно! — одобрила она мою оперативность.— А теперь скажите: вы отвечаете на все письма?

— Стараюсь, хотя, как вы, вероятно, можете понять, задача эта далеко не простая.

— Еще вопрос: а, собственно, для чего вы им отвечаете? Только, чур, откровенно!

— Как для чего?..— несколько растерялся я.— Раз люди обращаются, они, надо думать, ждут ответа, рассчитывают получить или совет, или какую-то информацию, бывает, нужна человеку помощь...

— Теперь последнее: много ли материала для своих книг вы извлекаете из ребячьих писем? Вы понимаете, о чем я?

Нет, я не рассердился, просто мне сделалось вдруг смешно, и я постарался ответить самым серьезным образом:

— Ну как вам сказать... почти все, что я написал за последние двадцать с лишним лет, так или иначе подсказано ребятами. Прежде всего — факты...

Только теперь посетительница начала записывать. Она не поднимала головы, не поправляла волос, спадавших на лицо, карандаш ее веселой птицей порхал над блокнотом.

А я продолжал:

— Из детской почты я постоянно извлекаю занятные ситуации, характерные словечки и, разумеется, идеи.

— Как вы сказали? Идеи? — Она смотрела на меня откровенно подозрительно.— Но какие, собст-

венно, у этих недорослей могут быть идеи? Идеи — это же о-го-го какой масштабчик!..

Пожалуй, здесь я могу со спокойной совестью расстаться с самоуверенной девицей-репортером, предварительно поблагодарив ее за нечаянный подарок, — она надоумила меня на разговор об идеях, занимающих ребячьи головы.

Прежде и чаще всего ребят интересует проблема взаимоотношений коллектива и личности.

Пусть шести-семиклассники не всегда четко формулируют свою мысль в письмах, но мы вполне можем и должны понять, что же скрывается за такими, например, строчками:

*У нас в классе все какие-то очень уж недружные собрались. Станешь им что-нибудь интересное предлагать, сразу поднимают на смех: что, тебе больше всех надо? Чего лезешь? А может, мне и правда больше, чем другим, нужно, разве это плохо? (Чебоксары. Саша К., 6-й класс)*

Другое письмо:

*Был у нас большой спор. Спорили мы, спорили, и все говорили одно, только я — другое. И Анна Павловна велела мне замолчать. Она сказала так: «Ты обязательно хочешь быть умнее всех...» Так вот, скажите, правильно я сделал, что замолчал, «заткнулся», если все равно думаю — а прав-то я, я, а не другие? И вообще, почему считается — все вместе говорят обязательно правильно, а тот, кто сам по себе, — только глупости? (Брянск. Витя Р., 7-й класс)*

И еще:

*Мой отец ругается, когда я задерживаюсь в школе и прихожу домой позже других. А чем я виновата? У нас в зоокружке все сначала дружно работали, а потом перессорились. Понимаете? Но ведь зайцы, белка и другие животные не виноваты... Ребята не желают выполнять график дежурств, вот и приходится мне. Остаюсь и кормлю зверье и убираю клетки. Жалко ведь их. А отец ничего не желает слушать...*

*Как мне быть дальше? Не могу я животных бросить. Это будет предательство. (Житомир. Таня Л., 6-й класс)*

Как видите, за повседневными, будничными эпизодами скрываются далеко не пустяковые проблемы, которые беспокоят и нас, взрослых.

Воспитатели любят толковать о личности ребенка, о сложности ее формирования, о болезненном порой возмужании. Все это верно, и ребячьи письма тому подтверждение.

*Вы пишете: надо быть мужественным, волевым и сильным. Согласен, конечно надо. И хорошо было тем, кто попал в свое время на войну — они сразу могли проверить себя, совершив подвиг или если не подвиг, то хотя бы смелый поступок. А нам как быть? Как в обыкновенной жизни, в этой скучнотище, узнать, на что ты годишься? Ведь не каждому так повезет, что он сумеет спасти тонущего в реке товарища или, допустим, вытащить из горящего дома ребенка? (Саратов. Слава П. 6-й класс).*

За великолепной наивностью этих слов не только ребячье беспокойство, но и упрек нам, взрослым. Не слишком ли часто мы изображаем человеческое мужество неременной чертой лишь военного времени, выражавшееся полнее всего в актах высокого, исключительного, сознательного самопожертвования?

Может быть, следовало бы больше и, главное, убедительнее рассказывать ребятам о проявлении сильной воли, упорства, настойчивости — об этих неременных компонентах мужества в условиях обыденных, не подсвеченных пожарами боевых действий, не сопровождаемых громом артиллерийских батарей и томительным воем штурмующих самолетов?

Мне всегда представлялось, что, рассказывая ребятам о людях исключительной судьбы, героях, не стоит упускать каких-то мелких бытовых черточек, их повседневных привычек, привязанностей... Ребятам очень важно ощущать: герои наши не витают в облаках славы, они — земные, такие же, как ты, как он. Только таким образом мы сумеем поселить в ребячьих душах уверенность: подняться на вершины отваги и мужества способен и ты, и твой сосед Ваня, и твоя одноклассница Люся.

Отвечая на письма, в которых авторы тоскуют по возможности проявить удаль, отвагу, я не устаю повторять замечательные слова художника Александра

Дейнеки: «Спорт — начало героического». И всячески стараюсь подтолкнуть моих корреспондентов к занятию слаломом, альпинизмом, боксом...

Человеку, в совершенстве владеющему своей волей, уверенно управляющему своим телом, куда легче бывает в жизни, когда наступает миг исполнения ответственных решений... Вот почему я за спорт.

Приглашаю в союзники заслуженного мастера спорта Д. Рудмана — в недалеком прошлом одного из выдающихся самбистов мира, ныне тренера и воспитателя будущих самбистов.

С удивительной любовью и пониманием говорит он о своих подопечных мальчишках: «Я хочу им помочь понять ценность человеческого труда, силу мужской дружбы. Я хочу, чтобы они стали мужественными людьми. Имели бы свою точку зрения, даже если им сегодня всего по одиннадцать лет.

Понимаю: не станут все они чемпионами. Не все будут мастерами спорта. Но я знаю, что всем им спорт поможет найти и оценить себя. Ведь только в спорте можно увидеть маленького человека, который ежедневно заставляет себя делать зарядку, который три раза в неделю, самоотверженно трудясь, теряет за тренировку килограмм-полтора веса, который заставляет себя выучить уроки, потому что с двойкой его не допустят до соревнования или отстранят от тренировки. Он с отвращением смотрит на пьющих в подворотне людей и, став старше, не будет этого делать, потому что ему это не надо. Спорт учит уже в одиннадцать лет понимать слова «надо», «можно», «нельзя».

Маленький человек трудно воспринимает абстрактные требования взрослых: учись хорошо, слушайся старших, имей цель в жизни.

В спорте все не абстрактно: надо хорошо учиться — и тогда можно тренироваться. Одержал десять побед — получай юношеский разряд. Регулярно тренируйся — станешь мастером спорта».

Я постоянно толкую моим корреспондентам о мужестве врачей, вынужденных принимать на себя ответственность за чужие жизни, рассказываю о труде цирковых артистов, ежедневно демонстрирующих людям, на что способен человек. Стараюсь знакомить



ребят с работой шоферов на заполярных трассах. Наконец, пытаюсь им доказать, что говорить правду, отстаивать свою точку зрения, даже в условиях 6-го «б» или 8-го «а» класса — это сплошь и рядом проявление самого настоящего высокого мужества...

Но есть еще и такое, о чем бы я очень хотел сказать взрослым.

— Коньки — это прекрасно, но ведь и ногу сломать ничего не стоит!

— Я боюсь этого дурацкого увлечения Кольки штангой. Надорвется еще...

— Родителей, покупающих своим детям двухколесные велосипеды, я бы лично сажала в тюрьму! Да-да. И не спорьте: велосипед в городе — верное самоубийство...

Эти родительские сентенции можно продолжать бесконечно. Дело, однако, не в числе, разнообразии высказываний и даже не в их обоснованности.

Жить, товарищи родители, трудно, жить, если угодно, опасно. И от этого не уйти. И если бы вам удалось вырастить свое чадо под стеклянным колпаком, изолировав его ото всех истинных и мнимых бед, инфекций, огорчений, влияний — риск все равно не был бы исключен.

Почему?

Потому что раньше или позже человеку все равно выходить в большой мир, в общество самостоятельных, взаимодействующих и противоборствующих людей.

Не исключать риск, а вводить его в воспитательный процесс, вводить в допустимых, осторожно увеличиваемых дозах, вводить, ожидая, что со временем в маленьком человеке, испытанном возрастающими трудностями, должен, просто не может не выработаться иммунитет к опасности. Вот так я представляю себе нашу родительскую задачу.

*Когда взрослым выгодно, они говорят: ты еще маленький, не лезь! А когда им так говорить невыгодно, они злятся: в твои годы я уже пахал, а ты даже в магазин сбегать не желаешь... (Курск. Валя Ф., 7-й класс)*



Проблема «взросления» тоже одна из самых горячих проблем, волнующая многих подростков.

Проблема эта имеет великое число оттенков, она касается всех и каждого и, к сожалению, нами, родителями, почти не решается.

«Человек не рождается ни злым, ни добрым. Он вырастает таким, каким делает его жизнь,— утверждает С. В. Образцов.— Конечно, не всякий мальчик, который ломает деревья или истязает животных, непременно станет бандитом. Но всякий бандит начинает с этого. Воспитание злобы, как и воспитание добра,— процесс длительный и начинается с детства, в раннем детстве. Когда ребенок только-только учится ходить».

Не ограничивайте маленького ребенка ни в доброте, которую он «впитывает,— по выражению доктора Спока, автора всемирно известной книги «Ребенок и уход за ним»,— как губка», ни в доверии. Он вырастет, впитав ваше доброе к нему отношение, привыкнув к тому, что его не проверяют на каждом шагу, это, я думаю, облегчит решение многих подростковых проблем, в том числе и такой: «Ну, когда же, когда же они станут считать меня взрослым?!»

Одних больше, других несколько меньше, но практически всех ребят тревожит проблема выбора профессии.

И вот какую странную закономерность я обнаружил в ребячьих письмах, затрагивающих эту тему. Мальчишки и девчонки с куда большим знанием дела рассуждают о труде космонавтов, летчиков-испытателей, полярных исследователей, чем, скажем, о работе медицинской сестры, механика гаража, строителя-высотника, рядового инженера-производственника.

Они проявляют просто-таки поразительную неосведомленность, когда речь заходит о работе их собственных родителей и ближайших знакомых.

Чья же тут вина? Увы, начинать длинный перечень «ответственных» надо с родного папы...

Я, конечно, не против романтики и некоторой идеализации жизни на первых порах становления человека, но романтика, подобно лесу, поднимающемуся на обычной, подзолистой, совсем невзрачной с

виду почве, должна всходить на самом будничном «ежедневье».

Кому, как не родителю, главе семьи, и вводить сына в курс дела? И ничего худого в том нет, если папа разъяснит ему, как складывается семейный бюджет, что такое заработок...

О личности ребенка написаны тома. И тем не менее очень многие еще относятся к этому понятию с каким-то сомнением: «Ну какая там личность, когда он еще и в школу не ходит?»

Разумеется, личность не «прорезывается», подобно зубу мудрости, в какие-то определенные сроки, скажем, ко времени, когда ваш любимый сын или ваша любимая дочка переступают порог шестого или седьмого класса. И пусть никого не введут в заблуждение приведенные на этот счет выдержки из ребячьих писем. Большинство их заимствовано из писем ребят постарше, просто потому, что первоклассники не умеют еще излагать свои мысли достаточно ясно.

Личность созревает, складывается и начинает проявляться с того момента, когда новорожденный человек вступает во взаимодействие с окружающей его трехмерностью, когда он еще слабыми ручонками пытается изловить солнечный луч, впервые потянется к яркому шарiku, рыбке или колечку, качающимся над его колыбелькой...

Присматриваясь, как складываются взаимоотношения вашего ребенка с окружающим его миром, вы непременно узнаете много неожиданного, обязательно ощутите, как формируется, как начинается личность, и эти наблюдения сослужат вам позже хорошую службу, не говоря уже о том, что маленький человек, входящий в большую жизнь,—это всегда поэма. Поэма, порой веселая, улыбчивая, порой грустная, но никогда не оставляющая взрослого равнодушным.

«Ребенок не созерцатель, а деятель,—писал К. И. Чуковский в своей книге «От двух до пяти» (Кстати, я бы рекомендовал всем будущим родителям непременно прочесть эту книгу),—и все предметы для него такие же деятели».—Это очень важное наблюдение! Его необходимо понять, и понять правильно, если только мы хотим избежать многих конфликтов с детьми.

Старшая сестра Валя жалуется на младшего брата Сережу:

— Он сломал игрушку, он нарочно испортил автомобиль.

Нет, Сережа ничего не ломал. Он только открыл капот. Все шоферы открывают капот, когда им надо чинить мотор...

Кто говорит, что Митя разбил тарелку? Неправда!

Было как? Сначала мячик совершенно ни за что ударил Митю прямо в живот, и тогда Митя дал мячику сдачи. И мячик испугался, отпрыгнул от Мити, он даже вскочил на стол. Да, тарелка упала на пол и разбилась, только Митя тут ни при чем, виноват мячик...

Добрняк и тихоня Алеша выловил из пузатого аквариума маленького золотистого карасика и... почистил его, живьем. Когда Алешку принялись нещадно ругать и обвинять в живодерстве, он со всей своей младенческой непосредственностью искренне возмущался и возражал:

— Так ведь жарко! Жарко! Он даже рот разевал...

Я сам рубашку тоже снял: жарко невозможно...

Не трудно понять — жаль сломанной новенькой игрушки, жаль разбитой сервизной тарелки и тем более жаль безвинно умерщвленного карасика, но смею уверить — потери эти не бессмысленные.

Возможно ли познать мир без потерь?

За познание людям всегда приходилось платить, и большей частью немалую цену.

Сережа, Митя и даже Алеша никакие не злоумышленники. Ими руководили самые благородные намерения, самые честные порывы. И если взрослые не поняли мальчишек, виноваты не Сережа, и не Митя, и не Алеша, а тети и дяди, так часто забывающие, что дети мыслят иными категориями, чем они сами.

А чтобы вполне естественная ребячья любознательность не оплачивалась слишком высокой ценой, особенно при первых самостоятельных шагах, непременно соблюдайте правила «техники безопасности»:

Ручки кастрюль должно поворачивать внутрь плиты.

Скатерть стелить так, чтобы она не свисала со стола.

Место чайников, кофейников, горячих сковородок — подальше от края.

Двери держать плотно закрытыми.

Все острые предметы убирать в ящики, недоступные детям.

Электрические розетки заклеивать пластырем.

Мусор держать под плотно закрытой крышкой.

Лекарства и всю «домашнюю химию» прятать возможно надежнее.

Книги на нижних полках ставить так плотно, чтобы ребенок не смог их вытащить.

И если, невзирая на все предосторожности, в вашей квартире все-таки произойдет небольшой погром и вы услышите звон разбитой посуды, грохот падающего стула, — а такое просто не может не случиться, — постарайтесь быть снисходительными.

И не опасайтесь этого слова: снисходительность во все не всепрощение, а, скорее, производное от понимания: маленький хоть и очень желает, но никак не может вот так взять и сделаться сразу большим! Он карабкается по крутой лестнице — случается, не берет очередной ступеньки, бывает, срывается. Поймите, как ему трудно, малышу, и не сердитесь — он и сам переживает каждую свою неудачу.

Личность ребенка особенно бурно развивается в играх. И тот, кто считает игру пустой забавой, препровождением времени, глубоко ошибается. Игра — начало творчества.

Вы только присмотритесь, как Витя, расставив деревянные брусочки из конструктора, присваивает им самые неожиданные функции. Слушайте внимательно Витю!

— Я — космонавт! Я готов... Ракета, ты готова? — и другим голосом. — Я готова! — И снова первым голосом: — Космонавт вышел один на один... Запуск!!!

Это ничего, что в неокрепшем еще мозгу смешались слова из космического и хоккейного телерепортажей, важна увлеченность, с какой маленький человек оживляет деревяшки, важна неудержимость его фантазии, буйство свободного воображения.

И если Витя станет вдруг рассказывать вам о своих лунных воспоминаниях или делиться впечатлениями о другом мире, не спешите его одергивать и уличать во лжи. Вы же взрослый, мудрый человек; так постарайтесь отличить игру воображения от злого вранья и лукавства.

Вообще ребячьи игры, даже если они порой действуют на нервы, утомляют, вносят беспорядок в дом, лучше не пресекать, особенно грубым, безапелляционным окриком-запретом.

Ребенок играет — ребенок совершенствуется, растет и делается лучше. Не мешайте ему! А еще того лучше — помогайте!

Чем?

Прежде всего вашим личным участием. Если бы вы только знали, как это важно для Витюшки, Танечки, Бори — видеть играющую с ним маму и тем более всегда занятого, строгого папу! Ведь родители-то не станут заниматься ерундой!..

«Будем развивать природную фантазию или, по крайней мере, не будем мешать ей свободно развиваться,— писал семьдесят пять лет назад профессор В. Л. Кирпичев, автор известных в свое время трудов «Основания статистики» и «Курс сопротивления материалов». — Для маленьких ребят очень важно в этом отношении чтение волшебных сказок. Теперь нередко можно встретить родителей, восстающих против сказок. Они не дают их детям, стремясь воспитать трезвых деловых людей. Я всегда предсказывал таким родителям, что из этих детей не выйдут ни математики, ни изобретатели».

На разных этапах развития ребенка родительский авторитет укрепляется в сознании детей по-разному. Малыши особенно легко поддаются спокойной, благожелательной твердости, проявляемой родителями. И в этом отношении весьма полезно внушить ребенку ряд запретительных императивов.

Сейчас я постараюсь пояснить, о чем речь.

Нельзя ложиться спать неумытым. Это аксиома. Она не подлежит обсуждению. Не надо объяснять, почему нельзя и что будет, если нарушить это правило. Мыться! И никаких разговоров...



Нельзя оставлять куски хлеба и тем более бросать хлеб... И это аксиома. Не доел — доешь. Пока не доешь, из-за стола не встанешь. И снова — без лишних слов.

Нельзя перебивать говорящего, особенно, если он старший. Ребенок пытается вклиниваться в ваш разговор, он повышает голос, а вы не замечайте этого. Перебивать старших нельзя!..

Число императивов может быть бóльшим или меньшим, но без категорического, безусловно действующего «нельзя» процесс воспитания сильно затрудняется. Правда, пользоваться этим «нельзя» приходится достаточно осторожно и расчетливо.

Скажем, ребенок вошел в комнату и вы, упреждая его действие, строго говорите:

— Не подходи к телевизору, нельзя!

Можете быть уверены, малыш, словно назло вам, тут же направится именно к телевизору. И не потому, что у вашего ребенка «ужасный характер», а потому, что вы сами привлекли его внимание к «запрещенному объекту»...

Мне рассказывала женщина, растившая двоих ребят без мужа:

— Прихожу с работы во втором часу ночи, ребята спят, разметались, видно набегались, а в комнате черт ногу сломит — как играли, так все бросили. Вообще-то они у меня были приучены и всегда все прибирали. А тут — форменный погром. И будить жалко, и поощрять такое нельзя. Стала их поднимать. Леночке шесть тогда было, а Володе четыре с половиной. Я их на ноги ставлю, а они падают. Смотрю на ребятшек и чуть не реву — жалко. Все-таки растолкала и заставила все убрать.

Меня соседка потом упрекала: «Ты не мать, — говорит, — ты им мачеха!»

На своем я настояла, но, если признаться, до сих пор нет-нет и засомневаюсь: была я права или не была? Вот вы что думаете? — и женщина с тревогой заглядывает мне в глаза.

— Вы были правы, — говорю я, — не волнуйтесь. В системе вашего воспитания имелся такой, уже усвоенный ребятами императив: нельзя ложиться спать, пока не убрана комната. Он был нарушен, и вы разумно проявили настойчивость.



Кстати, раз уж разговор зашел на эту тему, особенно подчеркну: настойчивость необходима воспитателю, как музыкальные данные солисту, как физические данные спортсмену.

Быть всегда справедливым, выдержанным и настойчивым, что говорить, трудно, и дается такая линия поведения не всем даже хорошим людям и прирожденным воспитателям. Но, может быть, если чаще заглядывать вперед и стараться себе представить, какими наши ребята станут, скажем, лет этак через десять, оставаться на высоте нам будет легче?

Неприятно, а надо признать: не всегда мы бываем на высоте, не каждый час и не в любой обстановке.

Как-то я прочитал в приложении к «Вечерней Москве»: «Срочно куплю дешевое коричневое пианино». Никаких требований, кроме цвета, к инструменту не предъявлялось, лишь бы коричневым оно было и дешевым! С ужасом подумал: а ведь не исключено, что в этом доме, где пианино покупают для интерьера, под цвет уже имеющемуся гарнитуру, растут дети...

И сразу вспомнился другой дом, где родители заботливо вставили зеркала в задние стенки сервантных отсеков, чтобы удвоить переливчатое сияние рюмочек, фужеров и бокальчиков, свезенных со всего света. При этом к столу у них подавалась исключительно пластмассовая небьющаяся посуда: настоящий хрусталь берегли...

Не ради отвлеченного осуждения взрослых пишу я здесь об этом, а единственно чтобы предупредить: если вы молитесь на барахло, если ваше божество — имущество, у детей два пути: они могут вырасти в вашей вере и приумножить, подобно вам, клан стяжателей или из чувства протеста сделаться «атеистами», и тогда плакали ваши рюмочки, резные зеркала и дешевые пианино непременно коричневого цвета...

Воспитывать детей трудно. И бывает такое чувство, будто вы в тупике и не видите никакого выхода, обращаетесь за советом и...

— Обязательно давайте вашему ребенку по яйцу в день. Яйца укрепляют... способствуют... помогают...

Это, так сказать, одна точка зрения.

— Только не перекармливайте Федю яичками. Яйца — это холестерин! Яйца вызывают диатез. Раз в неделю еще куда ни шло, а больше — ни в коем случае!

— Гуляйте с вашим парнем по часу перед сном. Очень это успокаивает, и засыпать он у вас будет моментально, и спать всю ночь спокойно...

— За часок до сна посадите Федю на диванчик, сказочку расскажите, снимите напряжение. И когда после этого вы отнесете его в кроватку, он снопиком рухнет и проспит свои десять часов...

— Помягче, помягче разговаривайте с сыном, в таком возрасте ребенка все возбуждает, все на него действует.

— Э-э, мамашечка несмышленная, да кто же так перед дитем пресмыкается? Он же подрастет — на голову вам сядет. Твердость нужна, и ремешок не мешает, чтобы чувствовал, чья над ним власть.

И вот что любопытно: все, дающие столь противоречивые советы, совершенно искренне убеждены в своей правоте и непогрешимости. И все исходят из лучших побуждений — помочь, облегчить труд воспитания!

Так как же быть? Кого слушать? И слушать ли?

Слушайте, благодарите за участие, по возможности, не спорьте с вашими доброжелателями, но прежде всего полагайтесь на свой собственный здравый смысл.

Матушка-природа, наперед зная, что всем нам проходить испытание родительством, заложила в каждую потенциальную маму и каждого потенциального папу какой-то запас воспитательных приемов. По идее этот запас не должен вам позволить натворить слишком больших глупостей и слишком опасных ошибок. Но только при одном непременном условии: если вы будете наблюдать за ребенком любящими, но ни в коем случае не восторженными глазами. Восторженный взгляд делает родителей слепыми, лишает их возможности видеть недостатки, а следовательно, не дает им информации, необходимой для исправления каких-то дурных черт характера, привычек их ребенка.

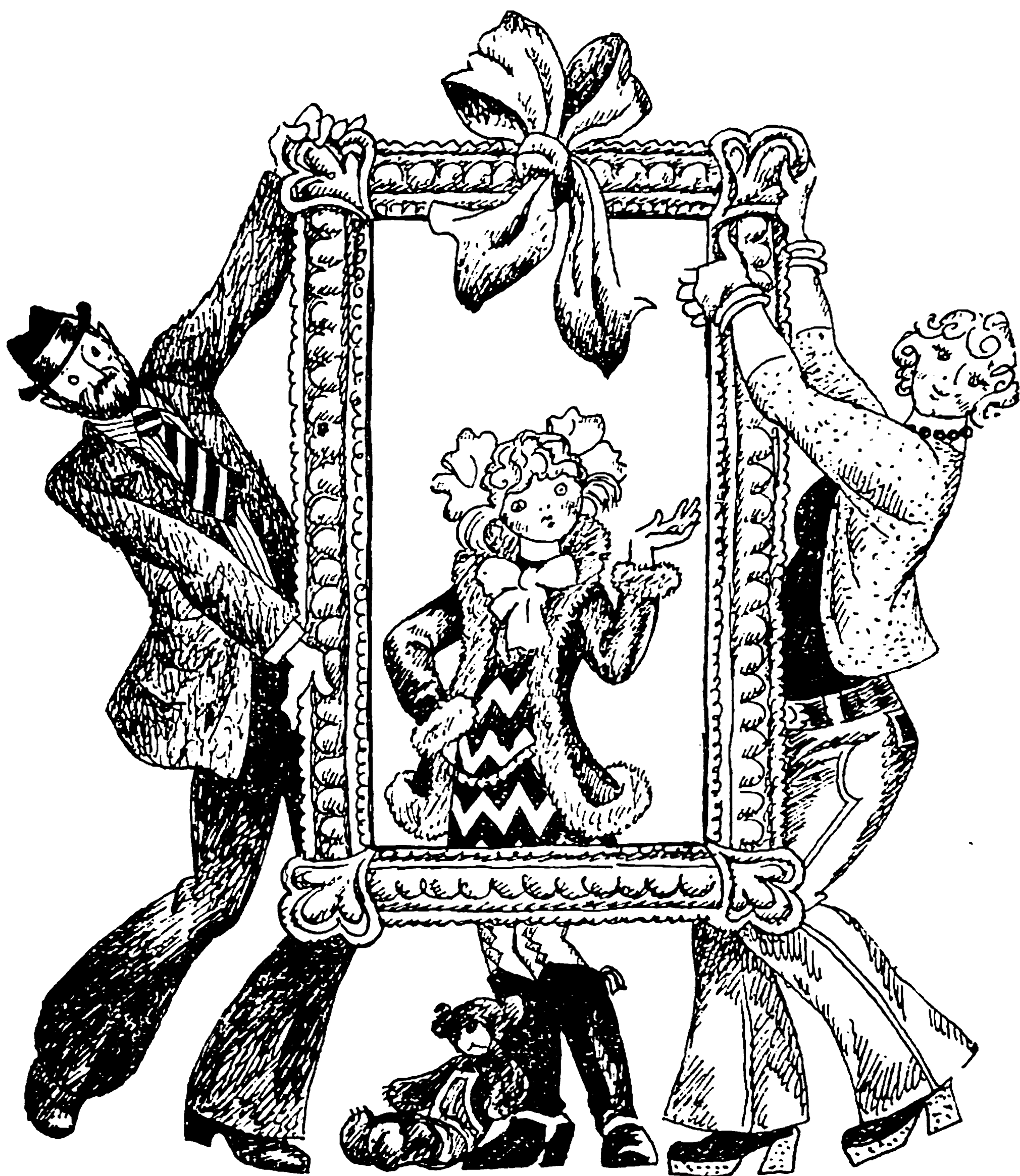
В наиболее трудных случаях самый надежный советчик — детский врач. Он, врач, специально обучен не только лечить болезни, но и распознавать характер ребенка, его склонности, различать капризы и недомогания, делать заключения о возможностях малыша на основании его поведения. Врач заслуживает доверия!..

Попытаюсь подвести итоги.

Не будем жалеть времени на общение с собственным Колей, даже если ему пока еще только три годика, проявим снисходительность к наивным вопросам пятилетней Люды, будем терпеливы в своих усилиях разговаривать молчуна Диму.

И что бы ни случилось, какие бы трудности ни возникли — сохраним уважительное отношение к собственному ребенку.

Это не все, но это уже весьма многое на пути к успеху.



## МЫ И ДЕТИ

Войну он закончил бравым полковником военно-воздушных сил, Героем, сорокалетним, весьма уверенным в себе, сильным мужчиной. Он любил повторять:

— Что у меня их десять?! Всего-то одна дочка, есть возможность, так почему не одеть девочку как следует?

— Но, позволь, «как следует» — понятие растяжимое, — возражал я, — и каракулевая шуба на восьмикласснице — это слишком.

— Почему? А если вопрос повернуть иначе: собственно, для чего, мы, и я в том числе, воевали? Разве не для того, чтобы наши дети жили лучше, чем довелось нам? Ты ведь знаешь, я в армию пришел в начале тридцатых. Кем я тогда был? Деревенским парнем. Что я до того дня видел? У меня, можно сказать, детства вообще не было. Срочную служить в лаптях явился. И теперь я законно хочу, чтобы у моей дочери все было, пусть даже, как ты выражаешься, «с перебором»...

И вот минуло тридцать с лишним лет. Полковник превратился в отставного генерала. Оля — дама в годах. Каракулевая шубка давно-давно сносилась.

Пожалуй, я бы не стал ворошить столь отдаленные воспоминания, если бы не случайный разговор, невольным свидетелем которого мне пришлось оказаться.

Ехали в троллейбусе две женщины, одна помоложе, другая постарше, и громко, нисколько не заботясь о том, что их слышат пассажиры, обсуждали свои личные дела. В частности, женщина помоложе говорила и такое:

— А пусть мне кто угодно и что угодно проповедует, я все равно на своем поставлю: наш Сева будет как куколка одет! Пусть и Левчуки, и Шарановы, и Ревичи полопаются от зависти. В конце концов, какое кому дело, сколько я трачу на своего ребенка?! Было бы что тратить...

Женщина говорила вдохновенно, с полной убежденностью в своей непогрешимой правоте. Тут-то мне и вспомнился давний спор с моим другом авиационным полковником и я подумал: вот и сегодня находятся родители — и, боюсь, их не так мало, — откровенно стремящиеся одевать ребенка как куколку. И дело тут не только, может быть даже не столько в нарядах, а в стремлении фетишизировать детей. Дорогие игрушки, шикарные одежки — это все лишь первые ступеньки, ведущие к более серьезным последствиям.

Бытует и другая, куда более стойкая и во много раз более вредная крайность.

«Дети стали совершенно невозможными! Грубые, невоспитанные, для них нет ничего святого... Вот в наше время...» — и дальше рисуется картинка, в которой детки даже не детки, а чаще всего этакie ангелочки, тянущие, впрочем, тяжкую трудовую лямку, способные безропотно спать на голом полу, есть что попало, при-

ходящие в восторг от замусоленного кусочка сахара, понятия не имеющие ни о кино, ни о телевидении и прочих благах нынешней цивилизации.

Знакомо? Слыхали?

И невдомек брюзжащим, как они неоригинальны!

Можете убедиться: «Наша молодежь любит роскошь, она дурно воспитана, она насмехается над начальством и нисколько не уважает старших. Наши дети стали тиранами, они не встают, когда в комнату входит пожилой человек, перечат своим родителям». Этим огорчениям без малого две с половиной тысячи лет, они принадлежат Сократу.

И так столетие за столетием не прекращаются στε-  
нания старших.

«Футбольный мяч вышиб книгу из рук нашей молодежи!» — сетовал спортивный журнал 1914 года и перечислял кучу несчастий, неизбежно ожидавших нас впереди.

Так ли уж «безнадежны» все молодые? И неужели все? И всегда?

Переубеждать, особенно людей немолодых, — дело трудное, если не бесполезное. И все-таки попробую.

О чем мечтают наши дети, чего они хотят, как представляют себе будущее?

Я задал ребятам вопрос: «Как бы ты использовал пятнадцать минут полного, абсолютного всемогущества, предоставленного тебе однажды в жизни?» Вот некоторые их ответы:

● *Наверное, я бы полетела на планету, где есть жизнь, но сначала сделала бы так, чтобы американцы забыли, как устроена нейтронная бомба. И еще хорошо бы прибавить здоровья моим родителям, минут на пять вернуться бы в детство.*

● *Прежде всего я бы сделал всех здоровыми, даже цветущими! А Землю превратил в общий дом. Каждому подарил своего Маленького принца, навсегда уничтожил бы ложь и эгоизм, всем-всем прибавил доброты. И раз в месяц устраивал бы праздники типа новогодних, но более необыкновенные и удивительные, в этот день люди стряхивали бы с себя деловитую суетливость и могли свободно смеяться.*

● *Сначала я бы восстановила полный мир на земле и уничтожила бы все виды оружия, чтобы люди даже*



забыли, какое оно бывает. Всю землю засадила бы цветами, чтобы города превратились в сплошные парки. Уничтожила бы заборы, ворота и замки — каждый заходи к каждому. Ты друг, и тебе верят! Из существующих пороков в первую голову уничтожила бы равнодушные, пусть бы люди не могли проходить мимо чужого горя, отвернув голову и закрыв глаза. Еще бы я сделала так, чтобы на свете не было одиноких и ни один человек не тосковал бы по человеку. И помирила бы всех поссорившихся, и даже больше — сделала всех влюбленными!..

Забывая, что всемогущество отпускается всего на пятнадцать минут, ребята, как видите, замахиваются широко и мечтают вольно. Первые три анкеты принадлежат шестнадцатилетним. Какой уж эгоизм и ограниченность, когда речь идет о всеобщем счастье, о всеобщей открытости и даже всемирной влюбленности...

- Все должны стать счастливыми, жить без войн, без государств, без полиции и милиции — исключительно за счет высокого сознания!
- Пятнадцать минут не так-то много времени, поэтому я бы поубивал фашистов на свете и заодно укоротил бы нашу шпану тоже, а родителей отправил на хороший курорт.
- Я бы, пожалуй, изобрел космический корабль и облетел на нем всю Метагалактику... открыл какие-нибудь новые виды энергии и овладел бы процессом управления в микромире, а еще покончил бы с классовыми различиями. Слишком много? Но уж если всемогущество, то — всемогущество! А иначе не стоит и начинать...
- Сначала я бы обеспечила, чтобы на земле никогда больше не было войн, а потом сделала бы так, чтобы у меня была живая лошадь и я могла бы на ней кататься...
- Вот пусть пятнадцать минут, что мне даны, и не было бы нигде войны, не раздалось ни одного выстрела. Сколько б людей осталось в живых!

● *А я бы сделал так, чтобы на всю остальную жизнь остаться волшебником и творить для всех добрые чудеса.*

Первые две сотни анкет не принесли никаких неожиданностей. И хотя ребята были из разных городов и сел, хотя отвечали они на мой вопрос, ясное дело, не сговариваясь, удивительно единодушными оказались в одном — всех заботили в первую голову проблемы глобальные, перспективные, выходящие даже за рамки земного шара: жизнь без войн, расселение на другие планеты, победа добра над злом... И не прозвучало ни одного диссонирующего голоса.

Правда, двое четырнадцатилетних решили использовать свое четвертьчасовое всемогущество несколько неожиданно:

● *Сделал бы так, чтобы в школе никогда ничего не задавали на дом и спрашивали на отметку один раз в конце года.*

Это один. И другой:

● *Сделался бы взрослым, взорвал все школы и устроил бы так, чтобы все учителя испарились...*

Слова из песни не выбросишь, даже если это слово портит песню. Были такие заявления. Два на две сотни! Стоит ли морализировать? Не лучше ли узнать, что пишут ребята в новых анкетах?

● *Покончил бы с войнами, очистил бы океан от отходов, поборол бы все главные болезни, всех людей сделал бы братьями, а сам остался волшебником и наблюдал незаметно: все ли правильно происходит, если где-то не так, сразу бы принимал исправительные меры.*

● *Я бы начал хорошо учиться, чтобы мои родители были наконец счастливы, а то пока, за те тринадцать лет, что я у них есть, от меня одни неприятности...*

● *Мне ничего не надо, кроме одного — оживить бы брата Андрея.*

● *Надо начинать вот с чего: сделать всех родителей справедливыми, молодыми и добрыми...*

Это из ответов ребят помоложе, главным образом тринадцатилетних. Опустимся по возрастной лесенке еще чуть ниже и послушаем малышей.

- *Всем дал бы хороших друзей и подруг, которые бы никогда не ссорились. И потом сделал бы так, чтобы одна девочка смотрела только на меня.*
- *Устроил бы людям бессмертие и радостную жизнь каждый день. Чтобы не было плохой работы. Чтобы заработки были всегда хорошие. И чтобы люди не пили вина до того, что падают...*
- *Моментально так научился бы играть в хоккей, что меня взяли бы в сборную страны и я стал играть вместе с Якушевым!*
- *Я бы придумал машину, которая вставляет ум в голову. Себе бы вставил и вылечил всех других дураков тоже. Большая могла бы получиться польза от этого.*
- *У меня хорошие родители, но я бы все равно сбежал от них и заглянул бы в... тридцатый век!*

Вот уже полторы тысячи анкет просмотрены. Вот уже прошли передо мной самые разные, порой неожиданные ответы очень непохожих друг на друга ребят — девочек и мальчиков, подростков и третьеклассников, городских и сельских. Удивительно единодушными я бы назвал ребячьи высказывания. И только один листок, будто из другого мира, затесался среди них:

- *Сделал бы себя богатым, сильным и счастливым, а на остальное — плевать с девятого этажа...*

Мне дороги откровенные высказывания ребят, дороги прежде всего потому, что они подлинные, и еще потому, что позволяют с полной уверенностью заключить: наши дети нисколько не хуже нас, и не будем возводить на них напраслину.

При этом я вовсе не собираюсь идеализировать ребят, изображать их безгрешными и безупречными. Но к одному призываю всех решительно родителей: разбирая неизбежные конфликты с дочерьми и сыновьями, не столько думайте о мерах пресечения и до-

стойном возмездии, сколько старайтесь понять перво-причины разногласий, спрашивайте и себя тоже: а нет ли в данном происшествии, неприятности, недоразумении и моих если не вины, то упущения, недосмотра, близорукости?

Когда-то, теперь уже очень давно, мне случилось видеть водевиль, прямо скажу, нехитрого содержания и невысоких литературных достоинств, однако — и это интересно — представление запомнилось.

Все начиналось с того, что грозный муж возвращался домой в нансквернейшем настроении — на работе его одолели неприятности и неудачи. А жена, разумеется, ничего о мужниных неприятностях не ведавшая, встречала супруга радостно-бессмысленным щебетанием и даже предлагала ему спеть дуэтом какую-то развеселую песенку.

И... муж обрушивался на свою легкомысленную спутницу жизни с громоподобными обвинениями и руганью. Словом, на сцене разворачивался грандиозный скандал из тех, когда только перья в разные стороны летят...

В конце концов муж без сил падал на диван. А вострепанная жена молча скорбела о загубленной молодости и непонятой душе.

Тут на эстраду вылетала лучшая травести того времени, изображавшая десяти-одиннадцатилетнего мальчишку — сына; она пела, кувыркалась, поднимала невообразимый шум, долженствовавший, вероятно, демонстрировать публике, что как бы там ни было, а радость жизни существует и несут ее в наш несправедливый мир дети.

Дальше все происходило по законам водевиля: мама сгребала в охапку сына и драла ему уши за все те огорчения, что ей, маме, доставил папа. Следом в дело включался вострепенувшийся родитель, и вместе с родительницей, в четыре руки, они принимались выбивать пыль из своего жизнерадостного отпрыска..

Глупейший был водевиль.

Но зал сотрясался от хохота.

И мне вот помнится все увиденное спустя сорок с хвостиком лет...

Почему?

Не потому ли, что перекладывание вины на детей — характернейшая, веками повторяющаяся ошибка очень многих родителей? Что греха таить, ведь с детей куда проще и безопаснее спрашивать, чем со взрослых.

Множество конфликтов возникает между родителями и детьми из-за денег: без спросу взял, не на то истратил, не донес до дому сдачи, и так далее, и так далее, и так далее...

За небрежное и тем более нечестное обращение с деньгами гладить по головке, разумеется, нельзя, тут бескомпромиссная требовательность и принципиальная строгость естественны и закономерны.

И все-таки позвольте спросить: всегда ли разумно мы, мамы и папы, приучаем своих детей к обращению с деньгами? Давайте припомним, что и когда мы говорим по этому деликатному поводу? Всегда ли бываем правы?

Вот одна весьма распространенная позиция: мал еще про деньги знать. Пусть сначала вырастет. (Кстати, было бы полезно уточнить, до каких лет надо дорасти — до десяти, пятнадцати или, может быть, двадцати?)

Вот другая, не менее широко встречающаяся позиция: если их с малых лет к обращению с деньгами не приучать, то потом и не научишь... (И снова остается неясным, с каких лет приучать — с двух, с пяти?)

Между этими крайними взглядами десятки промежуточных, но вполне ясной картины, увы, нет.

Моей внучке было два года, когда она очень серьезно предложила:

— А давай пойдем в магазин и купим денег.

Я спросил:

— Зачем?

— Будем играть, все покупать будем...

Под рукой оказалась пестрая оберточная бумага, я взял ножницы, нарезал небольшие прямоугольники и вручил пачечку Наде:

— Вот, держи.

И мы целый вечер прекрасно и увлеченно играли:

покупали продукты, вещи, дома, автобусы, деньги — да-да, деньги тоже,— и даже облака с дождем и снегом...

В тот день мне вспомнилось: лет, вероятно, в шесть я спросил маму:

— А что все-таки такое деньги?

И мама, она была совсем молодая, и теперь я просто удивляюсь, откуда ей достало мудрости, ответила мне:

— Деньги — это вещи и удовольствия, которых у тебя нет, но которые, раз есть деньги, могут быть...

Вероятно, с точки зрения экономической науки ответ не очень точен, но я понял, и понял на всю жизнь: главная сила денег лишь в одном — они способны превращаться в желаемые предметы, они приносят удовольствие, исчезая...

В моем детстве не было копилки. Мне не разрешали копить деньги. Никто и никогда не дарил ни рублей, ни тем более десяток. Родители не выдавали «премий» за школьные успехи и не «штрафовали» за домашние провинности.

А вот зарабатывать мне не возбранялось.

В четырнадцать лет я чинил звонки, электропроводку, плитки; мог при случае врезать замок в соседские двери или выбить ковер на снегу. В шестнадцать, учась в школе, исполнял чертежи, печатал фотографии, ездил разгружать баржи в речной порт...

И я благодарен родителям: они дали мне возможность уже в мальчишеские годы понять: деньги — эквивалент честного труда. Больше, лучше поработаешь — получишь больше, меньше — и получишь соответственно.

Своим детям я тоже старался внушать: не в деньгах счастье, во всяком случае не в их накоплении, деньги должны приходить и уходить, не молитесь на них!

От одного хотелось бы мне предостеречь родителей: нет ничего безнадежнее, чем делать вид, будто мы живем вне материальных зависимостей; это так же глупо, как рассказывать современному ребенку, что его сестренку Катю притащил в дом аист...

«Финансовые проблемы» приобретают особый накал по мере того, как наши ребята взрослеют, в пору, когда ребячьи потребности обгоняют, и порой весьма



существенно, их возможности. Тут-то чаще всего и случаются совершенно неожиданные повороты судьбы, изменяется отношение к окружающим людям и ценностям нашего взрослого мира, и повороты эти бывают куда более сложными, чем на первый взгляд кажется.

Подросток, почти юноша, должен просить «финансовой поддержки» у родителей, чтобы пригласить девочку в кино. Легко ли? И унинительно, особенно когда тебе пятнадцать лет...

Девушке дают какую-то сумму на традиционный школьный завтрак, а потом, может быть и без задней мысли, интересуются: что ты купила? Ей же слышится в этом вопросе недоверие, оскорбительное сомнение, не потратила ли она деньги на «неположенное»...

Однажды мне случилось выслушать горькую исповедь шестнадцатилетней Зои К.

— Ненавижу я отца, и ничего не могу с собой сделать. Ненавижу! Ну подумайте, он каждую копейку всегда считает. Попросишь на кино, и сразу: а ты, мол, уже брала... у тебя-де с той недели пятак оставаться должен... Если у него настроение хорошее, шутить начинает: разоришь ты меня со своим кино, давай посчитаем — раз в неделю тридцать копеек, в месяц — рубль двадцать, в год — четырнадцать сорок... И пойдёт, и пойдёт... Ненавижу! А еще хуже у него привычка все цены помнить. Я тебе к маю, — говорит, — тренировочный костюм купил за четырнадцать тридцать пять и спортивные туфли за шесть семьдесят... И ведь сам не жадный. Вот что удивительно! И прогуляет, и раздаст, и с должника не спросит. Но помнит все копейки, помнит за всю жизнь.

Мы не выбираем родителей. Не дано. Это — как в беспроигрышной лотерее: выиграть выиграешь, только что — неизвестно. И родители, разумеется, бывают всякие — достойные и, увы, недостойные уважения...

Хотим мы того или не хотим, дети судят нас.

И случается, что оправдываться нам бывает весьма трудно. Пример тому — случай Зои К.

Отмахиваться от мнения ребят о нас мне представляется просто неразумным. Человек всегда вправе судить о человеке. Вот послушайте, как рисуют

наши сегодняшние мальчишки и девчонки идеальных родителей: Может быть, в их «диагнозах» вы найдете кое-что небезынтересное и для себя.

- Идеальные родители должны быть умными, добрыми, честными, справедливыми, физически развитыми, начитанными и, конечно же, умеющими любить людей.

- Кто его знает, могут ли родители быть идеальными? Не уверен в этом, но если могут, пусть будут щедрыми, чуткими и обязательно с хорошей памятью — чтобы никогда не забывали собственного детства!

- Должны быть душой близки своему ребенку, держаться с ним дружески, никогда не бить его. Главное для них — сделать своего ребенка Человеком. Отношения с ребенком у них строятся на доверии, справедливости и равенстве. Они ни в коем случае не должны отставать от современной жизни — много читать, ходить в театры, на выставки, и, по возможности, с детьми, чтобы потом обсуждать все увиденное...

- Доброта, понимание, дружелюбие, спокойный характер и никакой вспыльчивости — вот совершенно необходимые качества, я думаю, не только для идеальных, но и вообще для родителей, достойных уважения со стороны своих детей.

- Идеальными родителями можно считать только таких, которым удастся воспитать идеальных детей. А это можно сделать только при условии полного взаимного понимания, если в семье царит атмосфера доброты и не пахнет даже грубыми наказаниями. В таких семьях детей прежде всего учат любить и уважать мать. И, ясное дело, отец не берется вправлять мозги детям, когда сам находится в пьяном виде. К этому надо добавить: в хорошей семье ощущается общая сердечность, все умеют веселиться и награждать друг друга улыбками.

Это были высказывания старших ребят — шестнадцати-семнадцатилетних. Забегая несколько вперед, скажу: подсчитав все ответы — а их было в моем распоряжении больше тысячи — я обнаружил: первым качеством идеальных родителей большинство детей — и старших и младших называют доброту!

Очень высоко оценивают дети справедливость.

Ребята горячо мечтают о понимании и доверии со стороны взрослых...

Впрочем, послушаем их самих, я думаю, нам важны не только детские представления об идеальных родителях, но еще и слова, и даже интонации, звучащие в ребячьих строчках. Ведь недаром говорится: тон делает музыку!..

● Они должны быть настоящими друзьями своим детям. С такими родителями можно говорить обо всем на свете и не бояться, что тебя обсмеют...

● Идеальные родители — добрые и справедливые, они относятся к своим детям совершенно так же, как и к другим людям, конечно взрослым...

● Добрые, уступчивые, хотя, когда надо, могут становиться и строгими. Они должны уметь все делать и помогать детям. А мама должна быть молодой и очень красивой. Папа пусть будет и не очень красивым, но готовым починить аквариум, смастерить скворечник, наладить велосипед и проехаться со мной на лыжах...

● Идеальные родители это вот какие: веселые, легкие, они не задают лишних вопросов, не лезут с лишними советами и указаниями, не придираются по мелочам, умеют танцевать и никогда не ругаются между собой!

● Я пока еще не видела идеальных родителей в жизни. Но думаю, что такие люди, если они существуют, умеют разговаривать с провинившимся сыном без крика и, чуть что, не хватаются за ремень. Они стараются уважать в своем сыне или дочери человека.

● Идеальные родители у меня. Они ругают только за дело! Изредка обещают выдрать, выпороть, дать ума, но никогда меня пальцем не трогают.

● Я себе так это представляю: не ругают, все разрешают, то есть предоставляют полную свободу действий, если чего попросишь у них, дают или делают для тебя, вот приблизительно в таком духе...

● Идеальные родители не должны задавать глупых вопросов, вроде того: «Почему ты получила двойку?» Как будто я могу объяснить, почему я получаю иногда

*плохие отметки; не потому же, что мне это доставляет удовольствие или мне так хочется...*

● *Может быть, это нехорошо, но я скажу: они должны быть дружными между собой, любить детей и не только кричать и возмущаться, когда воспитывают нас, но еще видеть, признавать и исправлять свои недостатки, показывая пример детям. Тогда их будут уважать, а может быть, даже гордиться: вот у меня какие родители!*

Этими выдержками из ребячьих ответов я, пожалуй, и ограничусь. Хочу надеяться, что, включив в наш взрослый разговор и другую «заинтересованную сторону» — ребят, я хоть на какое-то время отвлек вас от накатанной колеи, помог задуматься над нашими взаимоотношениями с детьми, над тем, как вернее оценить их, как надежнее укрепить наш союз.

Союз, товарищеское равноправие, приятельство с подрастающими, еще не вполне самостоятельными, но уже почти взрослыми детьми — это ведь идеальная форма сосуществования, и создаваться она может только двусторонними усилиями.

Очень серьезное испытание наступает для нас, взрослых, когда подходит ребенок, протягивает задачник и просит:

— Вот тридцать вторая задачка, папа, что-то с ответом не сходится... Помоги.

Как мы ведем себя в таком случае?

Мой отец, например, считавший в уме, как хороший арифмометр, взглядывал мельком в задачник и говорил особым, каким-то брезгливо снисходительным тоном, обычно совершенно ему не свойственным:

— Четырнадцать и три четверти (или, в классах постарше, «пи» «эр» деленное на два), что тут может не сходиться?

И я чувствовал себя униженным и жалким. Я пытался над тетрадкой битый час, и все без толку, а он даже карандаша в руки не взял...

Объяснять, если только это не наша профессия, мы чаще всего не умеем. И, честно говоря, когда нам все-таки приходится этим заниматься, стараемся отделаться побыстрее. Проще всего решить за Гену.

Между прочим, и Генка только об этом и мечтает: реши, папа, реши, умоляют его глаза. И ничего не рассказывай, папочка. Скорее реши, и будем вместе смотреть хоккейный матч....

Конечно, решить самолично легче и много быстрее. Но метода честного партнерства лучше не нарушать, иначе ребята не усвоят такой важной мысли: во взрослой жизни никто ничего никогда за них делать не будет. Поэтому решайте вместе с Геной, и объяснение старайтесь вести бодрым тоном, желательно с юмором.

Тонкий психолог Анатолий Франс писал: «Учиться можно только весело. Искусство обучения есть искусство будить в юных душах любознательность и затем удовлетворять ее; а здоровая, живая любознательность бывает только при хорошем настроении».

Если ваша дочь никогда не спрашивает у вас совета в своих школьных делах, если ваш сын никогда с вами не делится своими затруднениями — это худо. Это тревожный симптом.

Невозможно поверить, чтобы даже очень способный человек мог завершить школу без единой заковыки. Значит, если дети не обращаются к вам за помощью, одно из двух — или боятся вас, или сомневаются в вашей компетенции. Не знаю, что хуже...

Задание — ответственное, решение — развернутое, край — необъятный, стройка — грандиозная... — это тоже накатанная привычная колея, следуя по ней, непременно скажешь: подросток — трудный! А нынешний — особенно трудный. Допустим, что так оно и есть, что все их недостатки — истинные и мнимые, взятые в масштабе один к одному и преувеличенные — нам удалось бы тщательно выявить и свести в подробнейший, исчерпывающий перечень. А что дальше?

Ведь сколько ни ругай, сколько ни поноси их, все равно толку чуть, а нам, благоразумным и благополучным, утихомирленным и благонамеренным, сдавать свою вахту им. Чуть раньше или чуть позже именно эти, сегодняшние трудные, будут и министрами, и мастерами, и Архимедами двадцать первого века.



И они, а не мы, перекроют этот век по своим понятиям и меркам, взглядам и вкусам. Только по одному этому соображению, я думаю, нам надо попытаться понять: чем подростки бывают недовольны, чего они ждут от нас, о чем мечтают.

Каких-нибудь двадцать лет назад мы толковали своим чадам: «Учись, Ваня, учись, старайся, сыночек, а то в институт не попадешь...» и нынче продолжаем (по инерции, что ли?) уверять молодых: без вузовского диплома грош тебе цена, хотя сами точно знаем: и половине не только не кончать, а и не начинать в институте...

А подросток чувствителен к фальши, он слушает такое и теряет в нас веру: «Говорят одно, думают другое».

Поступит Ваня в вуз или нет — разговор особый. Важнее другое: кривя душой, мы рискуем утратить контакт с Ваней, лишиться его доверия.

Да, мы кормим, одеваем, учим, по мере необходимости лечим наших Вань, а вот уважать их считаем не обязательным... Пусть сначала вырастут.

И это ошибка.

Когда они вырастут, наша готовность их уважать может оказаться несколько запоздавшей...

Дети постоянно задают нам вопросы. Кстати, вопросы эти бывают весьма разные. Одни продиктованы чистым любопытством, такие чаще всего и упорнее задают малыши; другие вопросы ребята, случается, подбрасывают, чтобы испытать папину осведомленность и эрудицию и бывают чрезвычайно довольны, получив толковый и незамедлительный ответ; а есть еще, я бы их назвал «вредные», вопросы, рассчитанные на то, чтобы смутить, поставить в тупик родителя, — это занятие особо любо подросткам.

Убежден: отвечать необходимо на все вопросы, удовлетворяя любопытство ребят — чем бы оно ни диктовалось! — на уровне их ребячьего понимания.

Если, скажем, пятилетний Игорек вдруг потребует объяснить ему, в чем особенность двигателя внутреннего сгорания — обычный уровень любопытства для современного ребенка детсадовского возраста, — я бы не рекомендовал начинать с диаграммы Карно и зам-

кнутого цикла Отто, а ответил бы приблизительно так: бензин сгорает в большом металлическом стакане — цилиндре, и газы, выделяющиеся при этом, крутят вал... Уверяю вас, скорее всего, такое объяснение покажется Игорьку вполне достаточным, ну а если последуют дополнительные вопросы: откуда газы, что за вал, почему он начинает крутиться, — придется рассказать и об этом, но все равно схематично, в общих чертах.

Распространенную же формулу «вырастешь — узнаешь!» — лучше всего из употребления исключить. Для ребенка любого возраста нет ничего более оскорбительного, чем предложение сначала подрасти, а потом чем-то интересоваться. Уж лучше, ответив на его вопрос приблизительно, сказать так: к сожалению, более подробно я не сумею тебе пока объяснить.

Особенно вредна детям неправда. И на этот счет имеются две главные причины: у неправдивых родителей непременно вырастают неправдивые дети, и — всякая ложь взрослых, чуть раньше или чуть позже, обнаруживается, и тогда к нам приходит неизбежное недоверие детей. Случается, особенно у впечатлительных ребят, оно разрастается, пускает корни и со временем приводит к полному крушению родительского авторитета.

Хочу подчеркнуть — процесс укореняющегося недоверия младших членов семьи к старшим чаще всего необратимый.

А что касается «вредных» вопросов и как на них отвечать, скажу: по-разному. Иногда честным «не знаю» (от этого авторитеты не рушатся и уважение не убывает!); иногда откровенно юмористически, чтобы перевести все в шутку (большинство детей, даже маленьких, понимают и ценят юмор); а порой приходится взять себя в руки и отвечать серьезно, четко, старательно следя за тем, чтобы не переступить спокойный эмоциональный уровень...

Чем незаметнее будет грань, разделяющая нас, взрослых, и детей, тем меньше огорчений достанется и на нашу, и на их, ребячью, долю.



## БИТЬ ИЛИ НЕ БИТЬ?

Наблюдал я это в вестибюле метро «Смоленская»: разгневанная мамаша влепила своему сыну одну за другой пару звонких пощечин и, кажется, намеревалась добавить еще, но мальчишка заорал истошным голосом:

— Да не бей ты по морде, мне же выступать сегодня!

Кто-то из невольных свидетелей этой мгновенной сцены засмеялся, а у меня, признаюсь, зашло сердце.

Если бы вы слышали, с какой покорной безнадёжностью, с каким горьким отчаянием мальчик, признавая право мамы лупить его, старался обречь только лицо...

Покорность его была такой красноречивой и потому такой страшной: ты, бей, бей, мама, но понижее.

Чехов, Горький, вся старая российская литература свидетельствует — детей били, били жестоко и непременно, видя в этом если не благо, то освященную традицией неизбежность. Вроде бы для пользы самих детей их лупили.

Как ни странно, но и сегодня проблема «силового воздействия» — бить или не бить? — до конца не решена, во всяком случае, не решена в повседневной практике.

«Бить или не бить?» — вопрос, задаваемый родителями чаще других вопросов, так или иначе относящихся к воспитанию детей.

И вот что интересно: спросят, а сами, не дожидаясь ответа, как бы авансом начиная оправдываться, напоминают:

— Хе-хе-хе, а ведь не зря, я полагаю, в старину говаривали: «За одного битого двух небитых дают...» — дескать, если надумаете отрицать «силовые приемы», так вы уж поосторожнее, потому как мудрость-то что говорит? И не чья-нибудь персональная это мудрость, а народная!

И еще очень любят родители козырять великим педагогическим авторитетом, он-де сказал однажды:

— Без наказания нет воспитания!

Ну что ж, мудрость «побивается» мудростью же: «Кто не возьмет лаской, не возьмет и строгостью» — и так народ говорит!

А на всякий авторитет, если постараться, можно, вероятно, найти еще больший авторитет: «...не оттого ли люди истязают детей, а иногда и больших, что их так трудно воспитывать — а сечь так легко? Не мстим ли мы наказанием за нашу неспособность?» — спрашивал у современников один из умнейших людей России — Александр Иванович Герцен...

Едва ли стоит выяснять, чей «козырь» выше и кого кого побьет народной ли мудростью, авторитетом ли великого предшественника; может быть, и проще и

лучше подойти к этой поистине болезненной проблеме иным, самым прозаическим способом: взять да и посчитать, чего от рукоприкладства больше — вреда или пользы?

Как посчитать?

Ну хотя бы таким примитивным способом: опросить сто, тысячу, десять тысяч — сколько удастся — поротых ребятишек, пусть скажут, что они испытывали во время наказания, о чем думали после и как оно в конце концов повлияло — исправило их, не исправило, на сколько хватило «слового воздействия»?

Конечно, битые не могут быть объективными, и я отлично понимаю, предлагаемый метод не идеальный, и все-таки мы ничем не рискуем, если послушаем ребят.

● *Когда меня лупят, я рычу от злости и ненависти, потом мечтаю умереть, чтобы они поплакали и помучились.*

● *Всегда, когда бьют, испытываю страшную обиду. Это для меня — огромное горе. От одного воспоминания об этом унижении меня трясет спустя несколько лет. Иногда я думаю: если меня сейчас кто ударит, я тут же уйду из дома, наделаю страшных глупостей и, может быть, даже совершу преступление. (Автору этих строчек 16 лет.— А. М.)*

● *Когда наказывал отец, ненависть застилала глаза, я не признавала его права меня трогать. Если наказывала мама, задумывалась, а иногда, не часто, правда, даже соглашалась с ней. Но вообще я скажу: лучше бы как-то иначе учить детей уму — без ремня и палки...*

● *Пороли меня в детстве очень часто, лет до 14. Бил отец. Мать обычно воздерживалась. За что били? За то, что воровал у отца деньги и покупал игрушки, книги, радиодетали. За то, что иногда поздно приходил домой. За то, что много дрался. За двойки в школе. За то, что взял сигарету в рот (впервые). Когда меня били, я всегда думал о мести. Иногда мне казалось, что я им не родной сын, а взятый из детдома.*

● *О страшной мести я думал долго, неделями... Теперь (автору этих строчек 18 лет.— А. М.) это чувство прошло, и мне просто жаль отца, жаль, что он был та-*



ким неразумным. Своих детей, когда они появятся, я бить ни за что не стану.

● Меня лупили раза два как следует. Первая мысль: за что, за что? Весь мир представлялся черным, одолевала ненависть к родителям, хотелось убежать из дома, умереть... А потом все проходило, между прочим довольно быстро, и забывалось и за что били, и о чем думалось во время наказания...

● Пока бьют, соображаю, как бы улизнуть, и ору, чтобы они думали: вот сейчас он умрет... А потом, как вырвусь от них, мечтаю навредить им еще хуже. Когда-нибудь я все-таки сожгу их дом! Если, конечно, они не одумаются и не перестанут меня бить.

● Ненавидел, ненавижу и буду ненавидеть всех, кто прикладывал ко мне руки. И вырасту не забуду.

● «Хоть бы он поменьше меня бил» — так я думаю во время порки. А сразу после — думаю: «Смогу или не смогу сесть?»

● Во время порки я, само собой, притворяюсь и стараюсь изображаться совсем доходящим. И ору, и визжу, и плачу, и даже вою, как зверь... А после... убил бы их всех, да боязно... за такое спасибо не скажут.

● Я испытываю чувства злости, ненависти, бешенства и больше всего презрения, как к фашистам...

● При порке и вообще когда наказывают, я не о себе думаю, а о родителях. Подлецы вы! И за что вы мне такие достались? Куда от вас деваться? Ну, вырасту — поплачете вы у меня тоже...

● Когда бьют, реву и проклинаяю все и всех на свете. И стыдно, что реву, и не могу удержаться... Нет, от битья я не становлюсь ни умнее, ни лучше, только злее и очень хочется на ком-то отыграться...

Остановимся. И постараемся хотя бы приблизительно оценить высказывания пострадавших.

Если верить ребятам — а почему, собственно, им не верить? — от порок они делаются только злее, мечтают о мести, думают, как бы «отвести душу» на ком-то другом.

Так стоит ли бить?

Над этим надо задуматься. Это не такой уж риторический вопрос! Ведь бьют не ради собственного родительского удовольствия и не ради утверждения своей неограниченной власти над Петей или Колей, а в надежде чего-то от них добиться либо прекратить неуютное поведение.

Порка ничего к лучшему не изменяет. Даже не вдаваясь в моральную, этическую и прочие стороны проблемы, а рассуждая примитивно прагматически, пожалуй, целесообразнее отложить ремень и поискать какие-то другие средства воздействия...

А теперь попробуем взглянуть на предмет с иной точки. Дети единодушны, а взрослые?

Прежде всего я хотел бы познакомить читателей с письмом, присланным незнакомой женщиной со Львовщины. Письмо это посвящалось главным образом безобразиям, чинимым ее соседом по дому. Письмо чрезвычайно пространное, поэтому я приведу только те выдержки, которые имеют непосредственное отношение к нашему разговору.

«...Особенно отвратительно и постыдно ведет себя этот тип, когда наказывает своего десятилетнего сына — уверяю вас он не такой уж плохой мальчик! — Тараса. Он никогда не бьет ребенка в квартире, за закрытыми дверьми, а выволакивает для этой цели во двор, чтобы собрать «зрителей» и тем самым еще больше унижить сына. Он заставляет плачущего мальчика раздеваться — стаскивать не только штанишки, но и трусики (даже в холодное время)... Порет он сына на садовой скамейке старым ремнем, нанося удары пряжкой...»

Излив свой вполне справедливый гнев на истязателя, женщина резко обрушивается на тех, кто молчаливо мирится и скорее с одобрением, чем осуждающе наблюдает за действиями соседа. А дальше спрашивает, каким образом можно привлечь родителя к ответу, какие органы должны заниматься охраной интересов Тараса, что они могут сделать, и пишет:

«...Вы только не подумайте, что я против наказания вообще!

Нет, конечно, строгость необходима. Как без строгости воспитать ребенка в твердых правилах поведения, не хулигана и не безобразника? Но для чего

унижать и публично? Для чего десятилетнему выдавать норму, вполне подошедшую бы для взрослого парня, сильного и закаленного?

И самое главное — какой это кошмар, когда наказание производится при посторонних, да еще с постыдным оголением...

Мне тоже случается наказывать свою дочь. Но, во-первых, я делаю это только дома. Во-вторых, могу дать ей шлепка, два-три подзатыльника, хотя предпочитаю ставить на колени в угол или лишать чего-нибудь вкусного — мороженого, конфет, сладкого, на время конечно...»

Вот такое это было письмо.

Хочется верить, что отец Тараса — редкостное исключение, осколок давно умерших ныне домостроевских традиций, ну а как быть с автором письма? Спорить? Скорее всего, это бесполезно: человек стоит на твердых позициях — наказывать надо, без физического воздействия нельзя, главное только — сохранять «разумную» меру... Знаю: разговоры о дозировке наказаний, способах, о более или менее гуманных приемах ведутся от Белого до Черного моря и от Карпат до сопки Ключевской...

А ведь мальчишки и девчонки, которые поведали о своих переживаниях во время порки и после, ни один и ни одна, не горевали о том, что ремнем больнее, чем рукой, а линейкой еще хуже, — их не боль угнетает, а пренебрежение, сам факт насилия. Больнее боли — обида, страшнее страха — унижение! Вот что надо понять взрослым.

У меня были мягкие родители, они считали себя принципиальными противниками грубых методов воспитания и в обычном понимании слова не наказывали меня — не давали подзатыльников, не избивали, даже не шлепали.

Но когда я совершал очередное «правонарушение», а это случалось не так уж редко, на середину комнаты выставлялась высокая табуретка, я получал приказание водрузиться на неудобное это сидище, мне давалась в руки книга — «Приключения Тома Сойера» — и назначалась «мера пресечения»:

— Десять страниц вслух! С выражением...

Это звучало как десять лет строгой изоляции с последующим поражением в правах...

Что сказать теперь, спустя пятьдесят лет? Я возненавидел Тома Сойера, возненавидел Марка Твена, возненавидел чтение вообще; в те годы я искренне просил: отлупите лучше! Признаюсь, осмысленно «Приключения Тома Сойера» я прочел двадцатилетним, будучи военным летчиком; прочел на боевых дежурствах, сидя в тесной кабине И-16, похихатывая и поражая этим моего механика: надо же, командир до таких лет дожил, а «Приключения Тома Сойера» не читал?..

К чему это воспоминание здесь? А очень просто: бить или не бить — вопрос, конечно, требующий вдумчивого изучения и непременно строго принципиального ответа. Но не будем сужать проблему и сводить все дело к тому: рукой — можно, ремнем — нет, розги оскорбительнее линейки, а вымоченные в соленой воде — это уж вообще из арсенала профессиональных палачей...

Наказание — всякое наказание — непременно связывается в сознании абсолютного большинства людей с унижением.

Вот что вспоминает о начале своей жизни известнейший летчик нашей страны, Герой Советского Союза Михаил Михайлович Громов: «Мне повезло в детстве. Вся атмосфера в семье располагала к тому, чтоб я рано почувствовал себя самостоятельным. Меня уважали, мне доверяли. Отец не побоялся подарить мне, шестилетнему, перочинный нож. Я выточил лук, стрелы, чижику для лапты. Это было упоение творчеством. Меня никогда не наказывали. Я считаю, что наказание может воспитать в человеке двойную натуру: он будет бояться не дурного поступка, а только наказания. Станет обманывать, ловчить. Зато поощрением можно воздействовать не только на сознание, но и на чувства. Воспитание чувств — вот толчок к самовоспитанию. Главное, чтоб человеку не нравилось делать плохо, чтоб это было ему отвратительно».

Увы, не каждому везет в детстве так, как повезло Громову, и даже хорошие люди, случается, бывают изобретательны на наказания-унижения.

Дело происходило в скверике. Мальчик лет четырех заупрямился и никак не хотел уходить домой.

— Алик! — строго сказала мама. Но мальчик никак не реагировал на ее оклик. — Смотри у меня, Алик! — еще грознее повторила мама, а сама, не спуская глаз с сына, стала медленно открывать объемистую свою сумку.

Это движение произвело на мальчонку странное действие — он весь сжался и, вцепившись ручонками в край скамейки, не сводил глаз с маминых рук.

Признаться, я с недоумением ожидал, что же последует дальше.

— Алик! — в третий раз произнесла женщина. — Будет хуже...

Я взглянул на малыша, и мне сделалось просто страшно — он стал похож на кролика, замершего перед змеей, — оцепеневший, жалкий, с обреченными глазами.

И тут красивая мама движением фокусника выдернула из сумки... складной зонтик, щелкнула им под носом у мальчонки, и тот, закатившись в плаче, мгновенно сделался покорным, ручным, на все согласным...

Мама принялась утешать его:

— Я же тебя предупреждала, не надо быть таким упрямым, надо слушаться маму. Хватит, перестань реветь и пойдем...

И они вполне мирно удалились.

А у меня и сейчас начинает колоть сердце, когда я вспоминаю этот эпизод. Почему?

Малыш Алик боялся зонтика. С равным успехом он мог бояться пылесоса, половой щетки, вентилятора — с детьми это случается: какие-то, на наш взрослый взгляд безобидные, бытовые предметы вселяют в них панический ужас. Со временем страх проходит. Обычно сам собой. Мама, разумеется, знала об этом. И вместо того, чтобы осторожно постепенно отучать сына от неоправданного страха, подло эксплуатировала пугало-зонтик в своих эгоистических интересах...

А теперь выдержка из письма другой женщины, воспитательницы детского сада. Человек этот много и интересно поработал с детьми, казалось бы, все зна-



ет, все умеет, сама может научить любую мамашу, как подобрать ключик к трудному малышу. И вот поди ж ты — и она не избавлена от сомнений, от тревог...

«...Давно уже мне не дает покоя эта установка — без наказания нет воспитания... Как ее понимать? Может быть, пока это еще в какой-то мере справедливо.

Вообще в этой области у нас царит невероятная неразбериха. Если я, частное лицо, Анна Матвеевна, жена своего мужа и мамаша своей дочери, найду нужным отшлепать нашу девчонку, никто с меня, как говорится, не спросит и, скорее всего, никто не осудит. Согласны? Но если я, Анна Матвеевна, воспитательница детского сада № 983, отшлепала свою воспитанницу, хотя бы она была той же самой моей дочерью, скандал и неприятности обеспечены!..

Воспитательница — представитель общества. И я полагаю, если чего-то нельзя, справедливо, разумно нельзя этому представителю, то почему то же самое можно частному лицу?

Кто это придумал, будто родители пользуются особыми правами по отношению к своим детям?..

Убеждена — всякого, кто бьет детей, надо привлекать к ответственности, а родителей просто лишать родительских прав.

В этом я уверена.

А вот в чем сомневаюсь и хотела бы услышать ваше мнение: все мы стараемся, и это чрезвычайно важно, воспитать в каждом маленьком человеке отзывчивость, прочно привить ему это чувство, чтобы оно поселилось в ребенке навсегда и росло и развивалось вместе с ним. Ради этого я стараюсь быть с моими малышами ласковой, терпеливой, делаю им всякие приятности и сюрпризы, отзываюсь на каждую, даже мельчайшую их невзгороду...

Коллеги мне говорят: перебарщиваешь, Анна Матвеевна! Так нельзя, они тебе скоро на голову сядут.

Что касается головы — это, конечно, преувеличение, никто мне на голову не садится пока, но порой я и сама беспокоюсь: доброта, доброта, доброта... как бы не перекормить их добротой, как бы не забаловать, не изнежить.

Пожалуйста, поделитесь — что вы об этом думаете?..»



Подлинная отзывчивость развивается, во всяком случае мне так кажется, только в атмосфере спокойной доброжелательности. И я не думаю, что добром можно кого-нибудь испортить. Другое дело — одного добра, только ласки и терпимости для воспитания прочных навыков поведения мало. И без спроса нам не обойтись! А спрос требует своих усилий, своих воспитательных действий.

Каждый день пятилетний Вася кормит рыбок в аквариуме. Он уже хорошо усвоил, как и чем надо потчевать своих подопечных, он знает — кормежка не игра, не развлечение, а серьезное и ответственное дело.

Но если, исполняя свою обязанность, Вася делает что-то не так, как надо, ну, скажем, оставляет ненакормленными порученных ему рыбок, я думаю, будет вполне правильно заставить поголодать и Васю хоть полдня... Пусть почувствует.

Мне очень близка идея смешанных пионерских отрядов и вообще ребячьих сообществ — спортивных, рукодельных да и любых других, — где малыши взаимодействуют с ребятами постарше и старшие опекают младших, передают им свое умение, сноровку, знания...

Эта идея должна бы, на мой взгляд, получить самое широкое распространение и поддержку, потому что многодетных семей делается, увы, не больше, а меньше. И что там греха таить, единственный ребенок чаще всего бывает ребенком избалованным и predisposed к эгоистическим замашкам.

Да и отдельные односемейные квартиры, все шире входящие в нашу жизнь, квартиры, приносящие столько радости взрослым, отнюдь не способствуют сплочению ребят и их взаимопониманию.

А о какой отзывчивости можно говорить, если ребенок изолирован от других детей? Только в общении с ними появляется настоящая душевность.

Хорошее сообщество ребят должно бы и, я уверен, может весьма действенно предотвращать детскую жестокость,

Нет числа нареканиям, которые приходится слышать: там гнездо разорили, там котенка до полусмерти замучили, а там и вовсе бессмысленно, зверски надругались над собачьей жизнью. И это при том, что миллионы ребят вовлечены и увлечены делом охраны природы, с огромной охотой заботятся о животных, о лесе, о водоемах — словом, вносят свой весомый вклад в сбережение среды обитания, как теперь стало принято называть окружающий нас мир.

Что же получается? Одни — союзники меньших наших братьев, другие — гонители...

Думаю, для того чтобы союзников день ото дня делалось больше, а гонителей — все меньше и меньше, ни в коем случае нельзя серьезное дело превращать в игру. И вот почему:

во-первых, сохранять природу им надо прежде всего для себя — пусть поймут это сразу;

во-вторых, пример «своего брата» — мальчишки, девчонки — действует на ребят убедительнее самых умных разговоров на заданную тему;

в-третьих, идея любого опекунства имеет тем больше смысла, чем крепче она «заземлена» на конкретные, жизненные, будничные дела.

Лично я не верю в существование прирожденной, а потому якобы и неизбежной детской агрессивности. Какие бы гены ни «выскакивали» вдруг в озорнике Вовке или тихоне Гале на передний план, я знаю: не зря обливалась потом, слезами и кровью наша цивилизация — обуздать «дремучий ген» мы можем! Если, конечно, будем заботиться о профилактике жестокости с самых первых шагов маленького человека.

Кстати, давно стало расхожим понятие: хороший он человек, не пройдет мимо чужого горя, не разделив его с другом, с приятелем, даже с малознакомым соседом. Все верно, и ничего исправлять не надо. Только, воспитывая ребенка, приучать его сочувствовать чужим неприятностям — мало.

Если вы хотите вырастить еще одно по-настоящему чуткое сердце, старайтесь научить своего малыша радоваться чужому успеху, чужому счастью. Это трудно. Больше того, это не всякому вообще доступно. Но уж если вы сумели научить человека такому ценнейшему проявлению душевного таланта — ликуйте!

Так все-таки бить или не бить?

Нет, я вовсе не ушел от разговора на эту тему. Ведь бьют не только ремнем — и словом, и даже взглядом...

Все, о чем у нас до сих пор шла речь, имеет поэтому самое прямое и самое непосредственное отношение к вопросу, вынесенному в заголовок этой главы.

Вы замечали, вероятно, как часто и охотно взрослые люди поддразнивают ребятишек. Так, не злобно, не очень всерьез, между прочим...

Спросишь:

— Что вы делаете? Объясните, почему дразните маленького?

— А знаете, очень уж на них смешно смотреть, когда они злятся... Ну прямо щенки, — ответит иной седоголовый, добродушного вида дядя.

Не улыбайтесь этому человеку в ответ, не качайте понимающе головой! У него тупое сердце. Разве такое поддразнивание достойно сочувствия и понимания? Взрослый заведомо пользуется своей безнаказанностью, ну что скажет ему тот малыш, которого он доводит до слез? Ничего!

Вы, наверное, обратили внимание: большинство хамов, позволяющих себе распоясываться при детях, куражиться дома над женами, очень вежливы и даже подобострастны с начальниками, представителями милиции, со всеми, кого они сами побаиваются...

Так еще раз — бить или не бить?

Нет! И прежде всего потому, что, как мы уже убедились, так называемые сильные способы воздействия не дают результатов, на которые они рассчитаны, и порки, шлепанья, подзатыльники ничего не улучшают, ничего не исправляют и не налаживают, вызывая озлобление, нарушая естественный процесс формирования личности, — словом, портят.

Но пусть меня упрекнут в известной нелогичности, все равно скажу: бывают особые, из ряда вон выходящие обстоятельства, когда все слова бессильны. Если ребенок обрывает крылышки бабочке, если он истязает щенка, мучает котенка — словом, причиняет

боль живому ни в чем не повинному существу, не церемоньтесь, дайте по рукам мучителю!

Только не символически, а как следует дайте!

Боль — за боли! Может, воспоминание о справедливом возмездии остановит, сдержит в другой раз маленького садиста и тем самым спасет его...

А вообще — не бить!

Здесь уместно привести слова доктора юридических наук, генерал-лейтенанта милиции И. И. Карпеца: «Жестокость воспитывает трусость, пренебрежение к людям, просто элементарную подлость. Жесткие меры для социалистического общества неприемлемы».

А какие, спрашивают родители, наказания все-таки допустимы, если допустимы?

Если вы сумели установить хорошие, прочные отношения с ребенком, если пользуетесь его уважением, если он тянется к вам, — нет меры воздействия эффективнее, чем ваше временное пренебрежение общением с ним, лишение своего доверия.

— Ты сделал то-то и то-то, хотя прекрасно знал: так нельзя, и разговаривать мне с тобой не о чем... — Далее следует полоса отчуждения. Будто его и нет рядом. Его слова пропускайте мимо ушей, его искательные улыбки не замечайте.

И выдержите характер! Пусть попереживает.

Иногда бывает полезно сказать маленькому человеку и так:

— Ты меня разочаровал потому-то и потому-то, придется мне одному поехать — на выставку или в лес, в гости или на рыбалку. — И выдержать характер, не брать с собой провинившегося. Весь фокус тут не в лишении ребенка чего-то желанного (без компота и при царе Горохе оставляли!), а в том, что вы, уважаемый им человек, отказываетесь разделить с ним радость!

Дети, особенно маленькие, очень быстро усваивают: чем они громче и назойливее кричат: «Мама, я больше не буду... Прости меня, мамочка, я никогда больше так не буду!», тем быстрее им отпускают грехи. Есть даже такие ребята, у которых это причитание превращается, можно сказать, в условный рефлекс — шкодит и кричит, кричит во все горло: «Больше не буду, прости, больше никогда не буду!..»

Не советую торопиться с прощением. Раз, два, три поторопитесь, а там, глядишь, ваш сообразительный малыш, не успев выпутаться из одного проступка, будет смело вламываться в новый, совершенно точно зная: стоит только попросить о прощении — и прощение будет получено.

Что касается меня, я никогда не требовал словесных извинений от своих детей. Искупать вину, как, впрочем, и вообще самоутверждаться в жизни, можно и нужно только делами. Поступками.

Сломал — почини.

Не исполнил — исполни.

Шумел, мешая другим, — покажи, и не в течение пяти минут, а какого-то достаточно продолжительного времени, что ты научился считаться с удобствами других и можешь, когда надо, ходить на цыпочках и разговаривать шепотом...

— Ну а если я сорвался? — тревожно спросил меня один симпатичный папаша. — Знаете, как оно в жизни бывает: на работе неприятности, домой пришел — жена взвилась: где был, да то, да се, а тут он под руку подвернулся. Ну и врезал... Понимаю, зря. Однако так вышло. Как быть?

— А так и быть: не делать вид, что вы правы, не придумывать вину, которой не было, а признать: виноват, ошибся, и попросить прощения.

Искренность всегда извинительнее любого хитроумства.

Проблемы воспитания неисчерпаемы, как море. И никому не дано предусмотреть все возможные повороты, варианты, тонкости, какие могут возникнуть в наших отношениях с детьми. И если даже вы придерживаетесь другого мнения о наказании, чем изложенное мной, прошу вас:

первое. Не спешите наказывать. Горячность — плохая помощница воспитателя;

второе. Не откладывайте наказание на слишком дальние сроки, иначе наказание превращается в месть. А месть всегда недостойна человека.





## ОНИ СМОТРЯТ НА НАС

Много лет назад мне случилось приехать в авиационный городок, где тогда жил и работал известный летчик-испытатель Г. Знакомы мы были шапочно, и о семье Г. я не знал решительно ничего. Приехав, помнится, несколько раньше условленного срока, я завернул в местный чахлый скверик. И сразу в поле зрения попали мне две девчушки лет восьми-девяти, чинно сидевшие на зеленой лавочке, и белоголовый мальчонка их же, приблизительно, возраста, что петушком



вертелся перед скамейкой, «подавая» себя обоим подружкам сразу.

В поведении мальчика была какая-то, я бы сказал, азартная отчаянность: ну, смотрите, смотрите же, какой я молодец, какой я ни на кого не похожий!..

Понаблюдав за ребяташками минуту-другую, я окликнул белоголового жуира и спросил:

— Ты сын Г.?

— Да, — настороженно ответил он, — а как вы узнали? Я вас никогда не видел...

Внешне, портретно, парнишка очень мало походил на отца, про него никак нельзя было сказать: как две капли... Но он так точно копировал манеру своего папы держаться, двигаться, склонять голову к плечу, что порой, сам того, конечно, не сознавая, достигал просто-таки карикатурного эффекта (и отнюдь не в ключе дружеского шаржа).

Думаю, что своему отцу юный Г. подражал наполовину бессознательно. Это приходит мне в голову теперь, после того как я наблюдал отца и сына рядом и спустя десять, и спустя двадцать лет и чем дальше уходило время, тем меньше похожести замечалось в их поведении. А между тем уже взрослым мужчиной Г.-младший как-то признался: «Если бы вы знали, как мне в детстве хотелось быть похожим на отца! Это сидело где-то внутри меня и преследовало...»

Сегодня мне представляется бесспорным — абсолютное большинство детей, во всяком случае в раннем детстве, хотят походить на родителей и частью сознательно, а частью бессознательно подражают мальчики своим отцам, а девочки — своим мамам.

Умиляться этому, радоваться, млеть?

Можно, разумеется, и радоваться, почему бы нет? Только нельзя забывать, какую дополнительную ответственность взваливают на нас дети этим своим подражанием! Взваливают, даже не спросив нашего согласия.

Ангелочек Зиночка (ей три годика) говорит своему хмурому папе, одиноко обедающему на кухне (мама ушла и неизвестно когда вернется):

— А кушать надо с закрытым ртом и не чавкать. Понятно?

Этому Зиночку учат в детском садике. Судя по интонации девочки, у нее настойчивая воспитательница, не устающая повторять основополагающие истины противно-въедливым голосом. И ребенок — это, конечно, совершенно естественно — старательно копирует ее.

— А чавкают за столом только свиньи. Вот! Понятно тебе?

Не хотелось бы мне оказаться за столом перед Зиночкой, выслушивать ее указания, видеть ее безмятежные глаза и притворно строгие морщинки на лбу. Но спокойно, папа!

Да-да, правильно, яйца курицу не учат! И совсем не обязательно устами младенца глаголет истина.

Девочка добросовестно повторяет преподнесенный ей в детском садике урок хорошего тона. Она совершенно бессознательно старается быть похожей на Авторитет, на Взрослого. И только!

Ее текст — без подтекста. Зиночке, в ее три годика, подтекст еще недоступен...

Спросите у ста только-только начавших покуривать шпингалетов, чьи сигареты сгорели в мальчишеских зубах при самых первых затяжках? Половина признается — отцовские, и чаще всего, заметим, взятые тайком.

Дети курящих родителей, это установлено с полной достоверностью, как правило, начинают тянуться к табаку раньше своих сверстников, растущих в некурящих семьях...

На одной из встреч с воспитателями интернатов мне был задан такой вопрос:

— Вот вы утверждаете, что все дети непременно подражают родителям, вообще взрослым. Если это так, то почему они норовят подражать только плохому — курить, пить, ругаться? А чтобы хорошему подражали, это что-то не очень заметно? Почему?

Вопрос закономерный, хотя, я думаю, и не совсем точно отражающий истинную картину. Попробуем, однако, разобраться.

Маленькому человеку, чтобы пройти хотя бы «первоначальный курс» воспитания, постигнуть только основы, требуется очень много узнать, понять и усво-

ить... И одни элементы поведения, одни навыки ребенок схватывает, перенимает от взрослых легче, а другие труднее.

Вот тут-то каждому из нас есть над чем подумать!

Папа грубо разговаривает с мамой, разговаривает в повышенном тоне. Ребенок слышит, запоминает слова и интонации. В смысл речей родителя он особенно и не вдается. Пробует подражать, и подражание дается легко, оно не требует ни особых навыков, ни усилий, ни преодоления себя, а хорошо или плохо так говорить, насчет этого у него сомнения не возникает. Он, как папа, как Авторитет № 1, разговаривает!

И совсем другое дело, если папа показывает своим примером высокий образец аккуратности: ну, скажем, чистит ботинки до солнечного сияния и непременно убирает за собой щетку, обязательно в левый угол нижнего коридорного шкафчика, а гуталин кладет в правый угол, бархотку сначала засовывает в полиэтиленовый мешочек и только после этого прячет в ящик.

Чтобы подражать папе в этом случае, надо затрачивать известные усилия: преодолевать свою расхлябанность, возвышаться над собственной ленью, пусть и не очень, но все-таки утруждать себя...

Существует ли способ заставить ребят подражать только хорошему и не подражать плохому?

Существует!

Единственный способ, надежный и безотказный, — лишить их выбора!

Держать себя так, чтобы всякое подражание вашему поведению, манерам, обращению с другими людьми и прочая и прочая отмечались исключительно положительным знаком.

Трудно?

Да, очень! Но тут уж ничего не поделаешь, разве что посочувствовать можно: адская это работа — растить настоящего человека; ко всему еще она и без выходных, и без отпусков, и чаще всего — без шумных благодарностей...

И не отмахивайтесь, пожалуйста, от сказанного. Уверяю вас, в воспитательном деле пока еще не обнаружено более значительной, более убедительной силы, чем сила живого примера, особенно если она действует не импульсивно — вспыхивает и гаснет, — а строго направленно, ровно, постоянно.

Если только вы желаете убедиться, сколь действительна сила примера, прислушайтесь для начала к разговорам семи-восемилетних ребятишек, которые ведутся где-нибудь во дворе, по дороге из школы, предназначаются исключительно для ребячьих ушей и касаются оценки их отцов и матерей.

Ребята непременно хвастают своими родителями, их занятиями, наградами, способностями. Они вкладывают и свою фантазию, и подлинную творческую страсть, создавая наиболее привлекательные образы пап и мам.

Прислушайтесь...

— Когда мой папа на войне был, он ходил в разведку... на триста километров в тыл! Зимой, на лыжах!

И пусть на самом деле папа служил срочную службу в послевоенное, мирное время, Пете необходимо, чтобы его отец был если не Героем Советского Союза, то резко отличающимся от других людей человеком.

— А что я вам скажу, девочки! Молодой наша мама была такой красивой, такой, что ее пять режиссеров уговаривали в кино сниматься! — замирая от гордости и свято веря в каждое слово, рассказывает своим подружкам Лариса, только что сочиненную ею сказку...

Прислушиваюсь и, согретый теплом этого святого ребячьего восторга, этой наивной гордостью, большей частью улыбаюсь, но, бывает, словно ушатом ледяной воды обдаст вдруг:

— У меня батя, когда трезвый, когда не пьет, тоже ничего... нормальный... И добрый... — задумчиво, выцеливая слово за словом, говорит маленький Витек и, будто спотыкается: ну, добрый, так это же не удивительно, тут ничего особенного нет, нет никакого резкого отличия от многих, от других... А ему, Витьку, не меньше, чем всем остальным, хочется иметь особенного отца. И тогда голосом, поднимающимся вслед за каждым словом и начинающим напряженно звенеть, он почти выкрикивает:

— А уж когда он пить начинает, так никто на свете не может больше него выпить!..

И такая радость звучит в этих словах битого, «запущенного» Витька, когда он, наконец, находит «высоту» для своего непутевого отца-алкоголика.

Ужас? Конечно...

Но постараемся понять мальчонку. Он готов все забыть, все простить, все «списать», лишь бы и его отец хоть в чем-то превосходил других отцов.

Дети сочиняют нас, чтобы потом подражать.

В этой формуле скрыты громадные, практически неисчерпаемые воспитательные возможности. Как воспользоваться этими возможностями, с чего начать — сегодня, завтра?

Прислушаемся к словам Н. К. Крупской:

«Плохой воспитатель тот, который учит ребят сдерживаться, а сам не сдерживается, учит ребят товариществу, а сам держится с ними не как товарищ, а как начальство».

Эти слова я понимаю прежде всего как призыв к демократизму в отношениях взрослых с детьми и как установку на полную и обязательную искренность.

Всякий человек может и должен управлять собой, контролировать свое поведение. При общении с детьми это особенно важно.

Вы приветливы — и ребенок приветлив, вы хмуры — и ребенок напряжен.

Вы несуетливы, добросовестны в самой простой домашней работе — и ребенок старается быть сдержанным и деловитым.

Вы празднично, аккуратно одеты, хорошо причесаны — и ребенку хочется выглядеть нарядным и чистым; вы распушены и неопрятны — чего же с малыша спрашивать?

Вроде и самоочевидные вещи, а все-таки приходится говорить о них. Может быть, потому, что в собственном глазу и бревна порой не замечают. Сколько раз приходилось наблюдать: растрепанная мамаша, в несвежем халате, в растоптанных шлепанцах на босу ногу, выговаривает своей первокласснице-дочери: «Погляди, на кого ты похожа!..» А потом удивляется: говоришь, говоришь ей, и что в стену горох...

Маленький человек, словно бессонный локатор, постоянно и пристально следит за вами. И хотя он еще не все понимает в вашем поведении, не может в полной мере оценить все ваши поступки, все равно он их фиксирует и пропускает через свое сознание. А что из этого получается? Понаблюдаем.

— Это ужасно! В Москве совершенно невозможно одеться! — заявляет одиннадцатилетняя Маша и по-



ясняет: — Что ни купи, а у кого-то такая вещь уже есть...

— Да мне твой «Запорожец» даром не нужен! — заносчиво изрекает семилетний Сева и перечисляет явные и мнимые недостатки машины голосом старого маклера...

За этими изречениями видятся мне не славные мордашки Машеньки, Севы, а физиономии их родителей. Будто не сами дети предстают передо мной, а отражения их мамы, папы...

Общаясь с детьми, общаясь между собой при детях, нельзя забывать: ни жест, ни словечко наше не останутся незамеченными, не исчезнут бесследно.

Впрочем, из этого не следует делать ошибочный вывод, будто я советую вести при детях только специальные «детские» разговоры. Это было бы просто глупо. Как не закрыть солнце шапкой, так и не спрятать от ребятишек сложную, порой горькую правду жизни. И пробовать не стоит. Говорить при детях можно, я уверен, решительно обо всем: о высоком и низком, о чистом и грязном, о прекрасном и отвратительном, только не забывая, что наш взрослый опыт куда объемнее их детского опыта и то, что для нас очевидно, вовсе не так понятно им.

Короче говоря: не темы бывают неподходящими, а трактовка этих самых тем. То, что взрослому само собой ясно, ребенок может истолковать превратно. И наша забота — не допускать «кривых» толкований.

Постараюсь пояснить эту мысль примером.

Андрей Иванович пришел домой в отвратительном настроении. И было с чего: порядочному человеку нелегко и непросто сталкиваться с тем, что принято называть теневыми сторонами жизни. Пришел Андрей Иванович домой и чуть не с порога принялся рассказывать жене о чрезвычайном происшествии, потрясшем их отдел.

Некто Осипов, считавшийся до той поры нормальным, скромным сотрудником, вдруг открылся для своих сослуживцев с совершенно неожиданной стороны: он оказался автором гнусного анонимного письма, поносившего достойную женщину; был случайно разоблачен, схвачен, как говорят, с поличным...

Рассказ Андрея Ивановича был полон подробностей, звучал эмоционально, а местами даже патетически:

— И такой подлец жил среди нас! Это же уму непостижимо! Ужас какой-то!..

Супруга Андрея Ивановича воспринимала повествование мужа тоже не безразлично...

Все бы ничего, если б при этом не присутствовал их восьмилетний сын Вовка. Он слушал родительские речи и понимал их совсем не так, как мама или папа. В неокрепшем еще Вовкином мозгу постепенно складывалась его собственная схема: письмо без подписи — анонимное письмо. В таком письме можно написать все, что угодно, любые (!!!) слова.

Если, пересылая письмо адресату, ты не попадешься, все будут долго гадать, кто написал это письмо. Могут угадать, а могут и не угадать...

И получалось — анонимное письмо своего рода увлекательная, азартная игра. А всякая игра для мальчишки восьми лет желанна.

Не мудрствуя лукаво, не придав никакого значения взрослым оценкам происхождения, Вовка на другой же день написал на листе все самые невозможные слова, какие он только слышал, а случалось, замечал изображенными на стенках. Запечатал свое послание в конверт и подложил девочке Вале, которая, замечу кстати, очень ему, Вовке, нравилась. Настолько нравилась, что ребята даже дразнили их «жених и невеста»...

И был Вовка разоблачен. И выведен к позорному столбу. Был совершенно справедливо руган.

Спрашивается: а кто все-таки виноват в этом происшествии?

Услышь мальчонка дома все, что он слышал, но еще и четкую, рассчитанную на его уровень знания жизни, оценку: анонимное сочинительство — сочинительство позорное. Это — оружие трусов и негодяев! Никогда бы в жизни ему и в голову не пришло написать такое письмо. Все мальчишки хотят быть героями, а не подлецами.

Выходит, виноваты родители?

В той мере, в какой они не сумели оценить возможностей своего восьмилетнего отпрыска, не предугада-

ли последствий,— виноваты, но только в этом, а не в том, что вели разговор при ребенке.

Не сомневаюсь, что и в вашем арсенале найдутся аналогичные примеры, которые лишний раз подтвердят: говорить при детях можно обо всем, если помнишь: они нас слышат.

Мы очень охотно рассуждаем о шансах киевского «Динамо» в новом сезоне, готовы ночи напролет толковать об инопланетных пришельцах, обсуждаем каждый новый слух о чудесах Бермудского треугольника и часто избегаем разговоров о собственных детях...

Замечали?

Мы готовы похвалиться музыкальными успехами дочки, районным рекордом сына, можем поставить себе в заслугу академические успехи наших ребят и очень-очень неохотно делимся опытом воспитания. Вроде бы стесняемся этой темы.

Не потому ли это происходит, что нередко чувствуем себя виноватыми перед детьми, и прежде всего в том, что уделяем им мало внимания, перекладывая всю заботу на детский сад, на школу?

Примеров откровенного разговора между родителями о том, что мы делаем для детей как надо, а в чем ошибаемся и почему, я знаю, к сожалению, очень немного.

Николай Николаевич Фрязов, директор небольшой школы в железнодорожном поселке, беспокойный, постоянно озабоченный ребячьими делами человек,— мой добрый приятель. Как-то он позвонил мне и тоном, не допускающим возражений, сообщил, что я должен быть в поселке, где нам предстоит присутствовать на собрании в депо...

— На каком собрании? — не понял я.— Что там надо будет делать?

Николай Николаевич повторил только время, в которое он меня ждет, и распрощался.

Была пора золотой осени, робкой, в серебристых паутинках, дрожащих под ветром, с тем едва ощутимым чувством тоски, приходящим прозрачным, еще солнечным, но неверным сентябрем...

В предписанный Фрязовым час я приехал в поселок и очутился в комнате отдыха локомотивщиков.

В просторном уютном помещении было полно незнакомых мне людей. Собралось тут человек сто пятьдесят, а может, и все двести.

Судя по едва заметным признакам, собрание тянулось уже долго. Наше появление прошло незамеченным, пока председатель собрания не объявил:

— А теперь — слово директору поселковой средней школы Николаю Николаевичу Фрязову, и на этом закончим, товарищи.

В зале раздался шумок. Правда, я не успел оценить какой — недовольный, нетерпеливый, настороженный, но во всяком случае — за это могу поручиться — шумок был не радостно-приветственный.

Николай Николаевич поднялся со своего места и заговорил умышленно тихо, заставляя прислушиваться к его словам:

— Займу пять — семь минут. Хочу вам прочитать ученическое сочинение, написанное на прошлой неделе. Тема: «Лучший день минувшего лета».

Признаюсь, я ничего не понял: для чего читать школьное сочинение этим усталым людям, почему это делать на их рабочем, а, скажем, не на родительском собрании?..

— Значит, читаю,— сказал Фрязов и начал читать: — «Какого числа был у меня самый лучший день, я не запомнил. Или забыл. Но это, я так думаю, не очень важно — все равно день уже прошел...

Вообще-то отец мне всегда обещает: вот будет время, пойдем рыбу ловить. А то, говорит, можно в лес. Но потом его вызывают в депо. Он кого-то там подменяет. А я сижу и жду. Или еще, бывает, приходят люди. Ну, не гости, а так. У них разговор. Тогда он опять не может. И когда выпивает, не может. Если еще играет в карты или стучит в домино, то тоже не идет.

Когда отец ругает маму, он и на меня злится. Не разговаривает со мной и в это время и еще потом.

А когда он «в себе», сразу обещает: «Пойдем, пойдем!»

Один раз мама ему сказала: «Обещанного три года ждут. Три, а не десять!» Это потому она сказала, что мне как раз десять.

Но в тот день он пришел трезвый...»

Здесь я взглянул в зал.

Странное дело: те самые люди, что несколько минут назад выглядели и непринужденными, и нетерпеливыми, и достаточно уверенными в себе, сидели теперь понурившись, сосредоточенно глядя перед собой, а человек по крайней мере с десятков — и вовсе опустив головы, избегая чужих взглядов...

Подумал: видать, знакомая история. И не случайно читает Николай Николаевич ребячье сочинение именно здесь. Правда, не совсем ясно, чего именно он добивается: хочет разжалобить отцов, пристыдить?..

— «...он пришел трезвый и сказал: «Идем».

Я сначала не поверил, а потом поверил. И мы пошли в лес.

В лесу было много деревьев. Хорошо пахло. Я видел одну белку. Она сидела на елке, высоко. Красивая, как на картинке. Сидела и ничего не делала. Просто так смотрела на деревья.

Мы шли долго. Лес все не кончался. Отец стал спрашивать, устал я или нет.

Я врал и говорил: нет. А на самом деле устал. Еле ноги тащил, но не хотел ему говорить. Чтобы не дразнил. И чтобы не сказал: «Куда тебя в лес брать... То же мне ходок!»

Как мы пришли в деревню, я даже не заметил:

Проснулся от холода и увидел: лежу на сене, наверху — звезды, рядом спит отец. Я подполз к нему. И опять заснул.

Только не было на самом деле такого дня. И все это придумал, чтобы написать. А если бы такой день был, то он стал бы самым-самым хорошим, и такое число я никогда бы не забыл!»

Дочитав сочинение до конца, Николай Николаевич сказал:

— Все.— И сразу шагнул по направлению к выходу.

Из зала раздалось:

— Кто писал? Фамилия?

— Не скажу,— ответил Фрязов.

— Почему?



— А пусть вас совесть помучает! Папочки... Кто, по-вашему, детей должен воспитывать— школа? комсомол? А сами вы что делать будете?

В этот вечер мы еще долго разговаривали с Николаем Николаевичем у него дома, и я записал тогда на случайном листке бумаги, для памяти:

1. Не врите детям, не врите при детях!

2. Обещал — сделай. Не уверен, что можешь, — не обещай, скажи: попробую, постараюсь.

Позже я занес на этот же памятный листок слова члена-корреспондента Академии медицинских наук С. Я. Долецкого: «...очень большое влияние на становление человеческой личности имеет духовный микроклимат. Это — вся взрослая жизнь, идущая рядом и нераздельно с его детской жизнью. Упрощая, я скажу, что хорошие родители могут воспитать сына вора, хотя они сами никогда не позарились на чужую копейку, если будут постоянно твердить, что все вокруг воры».

Очень точная мысль!

В воспитании не только тон делает музыку, но даже ударение, перенесенное с одного места на другое...

И еще одна фраза сохранилась на том листке:

«Самому надо время от времени заглядывать в зеркало и ребят приучать к этому».

Пожалуй, это несколько необычное утверждение Фрязева нуждается в расшифровке. Вот как мне запомнилось его рассуждение:

— Вы, когда бреетесь, торопитесь? Большинство — торопятся. А я стараюсь начать пораньше, чтобы иметь время... Утром, на свежую голову, очень полезно, взглянув в зеркало и увидя собственные глаза, спросить: «Ну?»

И отвечать: был ли ты прав в споре с Марией Ивановной — по существу и по форме?

Не допустил ли ненужной резкости?

Почему не извинился перед Раей, хотя еще накануне решил — надо?

Отвечать без скидок, беспощадно...

И смысл такого разговора в том именно заключается, чтобы не искать оправданий — это самое опасное дело! — а четко и ясно находить корни своих оши-

бок, промахов, неудач и так же анализировать успехи и неожиданные озарения. Видеть себя со стороны, видеть, по возможности, правильно — вот к чему сводится в конце концов вся задача.

Человеку свойственно сомневаться. Это, кстати сказать, хорошо. Человеку свойственно радоваться своим достижениям. И это превосходно. Спрашивается, а как сделать, чтобы всем нам стало просто необходимо признавать и оценивать свои недостатки? Пусть молча, про себя, пусть только перед зеркалом?

Конечно, нужно и детей приучать поступать так же.

Простого совета тут мало, одними словами: «Давай, Василек, исповедуйся в грехах» — ничего не достигнешь. Но попробуйте поговорить с сыном хотя бы о том, как прошел его день в школе или на лыжне, поговорите не только для того, чтобы похвалить или поругать за какие-то конкретные достижения или провинности, но и заставить задуматься: все ли было как надо?

Эта мысль Фрязева нашла отклик в моей памяти. Вспомнился разговор с Сережей, имевший место еще предыдущей зимой.

Сережа тогда очень весело и весьма образно рассказывал, как они катались на лыжах в Измайлове, как толстая Зинка после каждой горки «ляпалась в снег», как все до отупения «ржали, а потом тоже стали ляпаться... ну просто умереть со смеху можно было...»

Я спросил:

— Это какая Зинка — Мироян?

— Ага! Знаешь, она как сядет на две точки, аж снег прогибается...

— По-моему, эта Мироян недавно у вас учится? — снова спросил я.

— Недавно.

— А откуда, Сережа, она приехала, ты вроде рассказывал, да я что-то позабыл?

— Из Красноводска...

Нет, я не стал доводить разговор до крайней точки, но возвращался к нему раз, другой и третий.

Цель при этом была совершенно четкая: надо подвести Сергея к мысли: девочка, выросшая на юге, в местах, где снега вообще не бывает, хорошо ходить на

лыжах не может. И так ли уж это весело — «ржать» над человеком, который, «ляпаясь» в снег, вынужден еще испытывать и ваш издевательский смех?..

Я бы мог, конечно, все это высказать Сергею прямо, но куда важнее было, чтобы он дошел до смысла происходившего сам.

Как обычно мы разговариваем с детьми, если не рассказываем им сказок?

В шести случаях из десяти мы их мягче или жестче ругаем: ты не вычистил ботинки — стыдно... Ты плохо застелил постель — лентяй... Ты забыл позвонить по телефону... Не сделал, перепутал, сломал, наврал... В трех случаях из десяти хвалим: молодец, Филипп, пятерочка — это вещь!.. Хорошо, Ирочка, ты сегодня стихи читала, очень хорошо... Мне нравится твой вид... Молодец, умница, радость моя... В оставшемся единственном случае мы подбрасываем своему ребенку какую-то информацию...

Можете не принимать мои слова на веру, но, пожалуйста, последите за собой, и вы непременно убедитесь — в сообщенной мною «арифметике» нет серьезных расхождений с жизнью.

Ну а почему мы редко советуемся с сыном или с дочкой хотя бы о том, как переставить мебель в комнате, если собираемся это делать?

Почему считается излишним говорить с детьми о предполагаемой капитальной покупке в дом?

Разве повредило бы кому-нибудь из членов семьи обсуждение — всеобщее! — планов летнего отдыха, включая маршрут, время поездки и материальную сторону дела?

Дети смотрят на нас и тайно мечтают о равноправии. Почему же не дать им этого равноправия — естественно, в разумных и доступных пределах?

Ну и что с того, если Ване только семь или восемь лет. Не позволяйте ему руководить вами, но высказать-то свое мнение он вполне может, а вы послушайте и, если не найдете нужным отвергать, примите целиком или, может быть, частично. Так, казалось бы, просто.

Но в нас, взрослых, укоренилось и плотно прижилось вреднейшее заблуждение: зачем давать волю

детям, зачем показывать ребятам, что их мнение может для нас что-то значить...

Почему?

Я утверждаю со всей ответственностью: к мнению детей не только можно, но и весьма полезно прислушиваться.

А если подумать о ребятах постарше, о тех, кто почти уже и не дети, но все еще состоят при нас, родителях? Им, этим молодым людям с пробивающимися усиками, должно быть оскорбительно, когда ни отец, ни мать не хотят считаться с ними.

Мне думается, что процентов на семьдесят, а возможно и больше, конфликты между родителями и детьми юношеского возраста происходят вовсе не из-за «органического» непонимания одних другими, не из-за неизбежной якобы розни «отцов и детей», а просто потому что взрослые даже не пытаются прислушиваться к детям.

Скажу больше... Но сначала сцена из жизни.

В семье моего друга произошла пренеприятная история. Дети — у него две дочери — уронили на пол поднос с посудой, с той самой, которую им «раз и навсегда» запретили брать в руки. Были подсчитаны убытки, оказавшиеся значительными, было проведено торопливое расследование, главным образом мамой, вынесено определение: виновата шестилетняя Тося. И папа принял решительные меры.

К вечеру старшая из сестер, студентка Галя, замученная угрызениями совести, призналась, что Тося была ни при чем, что она свалила все на малышку, думая — маленькой и попасть должно меньше...

А Тосе под горячую руку влетело, как говорится, по первое число.

Признание было сделано в половине одиннадцатого, когда пострадавшая, наревевшись и давно уже утихнув, спала.

Признание Гали резко улучшило плохое папино настроение.

Папа разбудил дочку, собрал все семейство и принес девочке свои извинения...

Не знаю, как вы отнесетесь к такому родительскому поступку, а я считаю его правильным. И хорошо,

что папа не отложил исполнения своего решения до утра: извинение поддержало в девочке веру в справедливость, показало, как важно признавать свои ошибки, признавать, не откладывая в долгий ящик...

И совершенно особое значение имеют отношения отца с сыном. Есть что-то неповторимое в содружестве двух мужчин — главы и продолжателя рода. Послушайте, что говорит об этом уже упоминавшийся мной доктор Бенжамин Спок.

«Мальчик не становится мужчиной по духу только потому, что он родился с мужским телом. Он начинает чувствовать себя мужчиной и вести себя, как мужчина, благодаря способности подражать и брать пример с тех мужчин и старших мальчиков, к которым он чувствует дружеское расположение. Он не может брать пример с человека, который ему не нравится. Если отец всегда нетерпелив и раздражителен по отношению к ребенку, мальчик будет испытывать неловкость не только в его обществе, но и среди других мужчин и мальчиков...

Итак, если отец хочет, чтобы его сын вырос настоящим мужчиной, он не должен набрасываться на ребенка, когда тот плачет, стыдить его, когда он играет в игры для девочек, заставлять его заниматься только спортом. Отец должен с удовольствием проводить время со своим сыном, давая ему почувствовать, что он «свой парень». Отец с сыном должны иногда отправляться вдвоем на прогулки или экскурсии. У отца с сыном должны быть свои, общие секреты».

Вы замечали: все дети в любом возрасте претендуют на взрослость и очень обижаются, когда вы их, пусть самым ласковым образом называете: маленький мой, крошечка...

Еще плохо выговаривая слова, они уже со всей решительностью заявляют:

— Я болсой!.. Я узе болсой...

Как же неразумно поступают те мамы, когда, сиюсуюкая, пытаются загнать своих самоходных ребятшек обратно в подгузники, в пеленки, в милые их материнскому сердцу кружевные конверты.



Маленький, подражая нам, хочет возможно быстрее стать большим!

Так радуйтесь и... гордитесь, старайтесь быть достойны подражания. А исподволь, деликатно втолковывайте ребятишкам, что быть большим и не легко, и не просто. Ну хотя бы потому не просто, что еще неизвестно, какой мерой определяется взрослость. Скажете — числом прожитых лет? Но ведь и так бывает: двенадцатилетний паренек — мужчина, а двадцатилетний дылда, хоть и студент, — маменькин сыночек...

И уж тем более ничего не определишь ростом, размером ботинок, весом или бойкостью речи.

Думаю, единственный и самый совершенный показатель взрослости — мера самостоятельности. Полная, стопроцентная взрослость невозможна без стопроцентной независимости.

Только приняв такую точку зрения мы, родители, сможем аккуратно, настойчиво и постоянно спрашивать с ребят: а что ты сделал, именно сделал, чтобы претендовать на независимость, на взрослость, на полное со мной равноправие?

И пусть каждый ребенок, добиваясь столь желанной независимости, начинает с того, что будет вносить какую-то долю своего труда, заботы, участия в общие дела родительского дома. Сколько может! Но обязательно ежедневно и без напоминаний со стороны взрослых. Пусть приучается: за ласку — ласка, за внимание — внимание, за труд — труд. Все, что ему, — все и с него.

Этот принцип важно соблюдать без мелочности, без постыдных счетов: ты вынеси мусорное ведро, а я тогда постираю твою рубашку. Но маленький человек должен знать, а еще того важнее — чувствовать: в этой жизни ничего даром не достается. Хочешь, чтобы к тебе хорошо относились все окружающие, так будь и сам внимательным к людям.

Берешь — отдавай! И это, кстати, одна из важнейших ступеней взросления.



## НЕ ЗАБЫВАЙТЕ СУВОРОВА

Начну лирическим отступлением.

Наконец-то мне исполнилось восемнадцать! Меня только-только зачислили в школу военных летчиков, совсем недавно я принял присягу, и вот — первый в жизни караул, первая боевая служба!

Сначала был, как водится, чисто выметенный, продутый холодным ветром плац, торжественные слова команд и медный оглушающий гром духового оркестра, а потом разводящий привел и поставил меня на пост номер семь — у интендантских складов.

Ночь, мороз с ветром, снег, противно скрипящий под ногами, и время будто умерло — не шелохнется.

Отсчитываю шаги: туда двадцать семь — и обратно двадцать семь; перекладываю из руки в руку «винторез», вслушиваюсь в тишину — и неуютно, и страшновато, и до ужаса, до немого крика одиноко...

Помнится, все повторял бессмысленно, словно бы уже сдавал пост смене: «Под охраной и обороной находятся дверей — шесть, замков — девять, печатей — девять».

А тени от фонарей покачивались на голубоватом снегу и вздрагивали, как в ознобе; и откуда-то с дороги, тянувшейся метрах в двухстах за складами, ползли подозрительные, едва уловимые шорохи... И на сердце накатывала холодная, липкая тоска, и в голове бродили непонятно откуда появившиеся отчаянные мыслишки — вот бы все бросить и рвануть к ребятам в казарму, там тепло, светло, там — люди...

Два часа на посту тянулись, как два года.

Никуда я, понятное дело, не ушел, знал — нельзя. А вот почему нельзя — об этом разговор особый.

Признаюсь, не об интендантском добре, не о девяти печатях и девяти замках я беспокоился. Нет. Понимал: уйду — выгонят из школы, отдадут под трибунал, и тогда — не летать.

И боялся.

Не летать было для меня в ту пору страшнее смерти.

Теперь гляжу на себя восемнадцатилетнего взрослыми глазами, мысленно рисую ту первую ночь в карауле и стараюсь понять: в чем же таился изъян, воспитательная «недоработка», если я мог думать так, как думал?

Не смею и не хочу бросать тень на память покойных родителей — они потратили немало сил на мое воспитание, не хочу виноватить и школу, стараюсь найти дефект в себе самом и, кажется, нахожу.

Все я тогда понимал: врать — стыдно, присваивать чужое — недопустимо, трусить — позорно, лениться — плохо, а вот что за штука ответственность, по-настоящему еще не осознал. Ну, не сказать, совсем не осознал, — поручи комиссар прочитать политинформацию на эту тему, я наверняка прочитал бы, и примеры подыскал подходящие, и более или менее глад-

кие слова нашел, но именно слова, а вот чувство ответственности во мне еще не появилось тогда. Чувства не было!

Несколько лет назад лауреат Ленинской премии, член-корреспондент Академии наук СССР Р. В. Хохлов опубликовал интересную статью, посвященную воспитанию молодежи. В этой статье он делился, в частности, и результатами опроса молодых, во время которого они должны были оценивать личные качества в порядке их престижности. «После подсчета и анализа опросных листков на первое место вышла смелость. К ней довольно близко подошли честность, доброта, трудолюбие, настойчивость, веселость. А вот чувство ответственности оказалось чуть ли не на самом последнем месте. Этот эксперимент лишний раз напоминает,— заключал Р. В. Хохлов,— что нужно взять под особый контроль воспитание в себе чувства личной ответственности, без которого просто немыслимо представить гармоничного человека нашего общества...»

Боюсь, что одним только, хотя бы и особым, самоконтролем в этом деле не обойтись.

Но попробуем сначала разобраться, в чем суть ответственности, как стимулировать развитие этого качества, что сделать, дабы оно вошло в плоть и кровь нашу?

Честность, известно, воспитывается прежде всего примером окружающих. И, как правило, таких примеров у ребят вполне достаточно. Смелость великолепно шлифуется в туристических походах, вообще в занятиях спортом. Трудолюбие становится чертой характера, если ребенка с малых лет нагружают осмысленной работой, поощряют его успехи.

Чего же не хватало мне когда-то и, увы, не хватает многим сегодняшним мальчишкам и девчонкам, чтобы чувство ответственности росло и развивалось без изъясна? Думаю, жесткого, придирчивого контроля со стороны воспитателей! Без спроса чувство ответственности само собой не возникает и не закрепляется.

Спрашивать — в смысле проверять исполнение — не легко. Куда проще дать очередное «ценное указание», красноречиво объяснить, для чего следует де-

лать то-то и то-то, и... успокоиться. Но если поступать таким образом, можно точно сказать: толку не будет. Желаете облегчить будущую взрослую жизнь своего подрастающего сына или своей пока еще маленькой дочери, не жалейте ни сил, ни времени на контроль исполнения.

Только не подумайте, что контролировать означает не сводить глаз с детей и надоедливо спрашивать. Ни в коем случае!

Спрашивать, проверять — обязательно, но — предельно деликатно, чтобы у ребенка никогда не возникало неприятного ощущения: ну ни в чем мне веры нет!

Ведь от подобных мыслей не далеко и до полного безразличия, до апатии или, напротив, до бунта: ах, не верите, и не надо — наработаю я вам, дожидайтесь!..

Значит, установили: мы, взрослые люди, соблюдаем деликатность, но ребята отчетливо понимают — исполнять порученное дело кое-как нельзя. Небрежность незамеченной не остается, за плохую работу по головке не гладят, спасибо не говорят. Короче: контроль даст результат, если он будет доброжелательным и... неотвратимым. Именно неотвратимым, как восход солнца!

И пусть никого не смущает, что на первый взгляд такой жесткий и последовательный контроль вроде бы не облегчает жизни ребенку, а делает ее суровой и строже. Это только видимость, а суть куда глубже: вовремя и надежно привитое чувство ответственности отнюдь не ограничивает развития личности, а лишь организовывает человека, делает его строже к самому себе, собраннее.

Надо ли доказывать, что умение управлять собой всегда и безусловно — благо?

Не так давно я был приглашен в судьи. Дело предстояло разбирать не совсем обычное и, на мой взгляд, крайне важное. Мальчишки, начитавшись книг про разведчиков, партизан, летчиков и танкистов, совершавших немыслимые подвиги на войне, пришли к несколько неожиданному выводу: на фронте было хорошо, хоть каждый день отличайся — бери языка, тарань противника, громи вражеский штаб. А теперь плохо: редко кому повезет спасти утопающего, ника-



ких условий для проявления героизма нет! Вот приблизительно какую позицию заняла группа ребят, и симпатичный, лет четырнадцати, паренек защищал эту точку зрения с пеной у рта.

Но это был еще не самый спор, а преддверие к спору.

Другой парнишка, представлявший меньшую группу, не соглашался с тем, что на войне было хорошо, и высказал, на мой взгляд, весьма здравую мысль. Дескать, и на фронте не каждый день языков брали и тем более не каждый день таранили, а вот лишения преодолевать приходилось, действительно, ежедневно, и голодать, и мерзнуть, и под открытым небом спать. Так вот, доказывал он, безропотно переносить все это, может, даже труднее, чем совершить сам подвиг.

Эту точку зрения поддержал и пионервожатый, кстати сказать, человек интересный — альпинист, рабочий завода, который шефствовал над школой.

И тут же был выработан план проверки на «героические данные», на «способность к подвигу».

Четверо — трое ребят-добровольцев и вожатый — решили отправиться в подмосковный лес, не запасаясь ни продуктами, ни хотя бы перочинными ножами, ни спичками, ни тем более спальным мешком или палаткой, и провести там субботу и воскресенье.

Выдержат или не выдержат?

Думаю, что эксперимент, выражаясь языком научным, ставился не вполне корректно, и судить о его целесообразности можно, вероятно, по-разному, но чисто по-человечески, да и по-родительски, мне весьма симпатична роль вожатого в этой истории: слова — в сторону, пробуем себя в деле!

Не стану пересказывать подробности, они интересны, но уведут нас в сторону от темы, скажу сразу, чем кончилось дело. Увы, испытание выдержали двое — один из ребят и вожатый, двое других мальчишек ретировались еще воскресным утром.

Дальше ситуация внезапно обострилась.

Вернувшийся с победой паренек прилюдно бросил в лицо товарищам: вы потенциальные предатели!

Обвинение серьезное. «Проглотить» такую пилюлю, согласитесь, не просто. Оправдаться тоже не легко. И конфликт обострился. В него оказались втянутыми не только ребята, но и взрослые.

Пожалуй, больше всех досталось водителю. Обвинили его во всех мыслимых и немыслимых грехах — он-де и здоровьем ребят рисковал, и права свои превысил, и детей оскорбил, и, что еще опаснее, подорвал в мальчишках веру в себя. Всего не перечислить.

И вот на этом этапе жестоких препирательств мне совершенно неожиданно предложили выступить судьей в споре и дать, как было сказано, «принципиальную и неллицеприятную оценку» поведению «заинтересованных сторон».

Поручение не из легких... Вот вы бы чью сторону приняли?

И снова, опуская подробности, говорю: я принял сторону победителя. Нет, не потому, что победителей, по известной поговорке, не судят. А потому, что я за формирование характеров в условиях реальных, а не книжно-словесных трудностей.

Нашим мальчишкам и девчонкам предоставлена почти ежедневная возможность смотреть на героических сверстников в кино, на экране телевизора, но ведь это не труднее, чем ратовать за блистательные победы отечественного спорта с высоты стадионных трибун, не выходя на дистанцию, не преодолевая тяжкого сопротивления штанги, не испытывая горячей дрожи предстартового напряжения. Аплодисментами, даже очень искренними, ни воля к победе, ни подлинное мужество не воспитываются.

Две голодные ночи без привычной мягкой подушки под ухом оказались для двух мальчишек, заученно звонко и уверенно болтавших о героизме, непреодолимой преградой. Так пусть казнятся! Вероятно, «предатели» о них, четырнадцатилетних, сказано слишком сильно, но в данном случае, я думаю, лучше «пересолить», чем не посолить вовсе. Пусть их помучит совесть, пусть поищут путь — и, я надеюсь, найдут, — как восстановить свою честь...

Но только ли сбежавшие из подмосковного леса ребята виноваты в своем малодушии, в своей неподготовленности к преодолению трудностей?

Увы, нет. Они лишь замыкающее звено длинной цепи.

И тут в самый раз вспомнить Суворова: «Тяжело в учении — легко в бою».

А что делаем, чем бываем ежедневно озабочены мы, воспитатели?

Мы же горы, эшелоны соломы изводим — тут подстелить, там подкинуть, еще добавить, еще — лишь бы ничего не случилось, а то вдруг синячок наше чадо схлопочет. И за этим подспудно и тревожно бьется мысль: за их синяки отвечать нам, и отвечать строго!

Странное положение возникает. Каждому из нас ясно: сытый голодного не разумеет; кто не изведаль никакого горя, едва ли способен по-настоящему ощутить радость, не преодолев трудностей, нельзя насладиться победой. Понимаем! И... изо всех сил стараемся оградить детей от малейших неприятностей, от нагрузок, от трудностей. И произносим при этом святые слова: они — наше будущее, им — все лучшее.

Правильно: любить и беречь детей надо, они, действительно, и наша надежда, и наш завтрашний день, но именно ради будущего мы не можем себе позволить растить их неженками и резонерами. А для этого характеры их должны формироваться в преодолении трудностей, обязательно испытывая сопротивление среды, иначе они не научатся хорошо жить, творить, подчинять себе обстоятельства.

При этом, разумеется, и речи не может быть о том, чтобы специально создавать трудности, возводить искусственные препятствия на их пути, жизнь сама об этом позаботится, а дело воспитателей — не оберегать молодых от соленого пота.

Без риска, без добровольно принятой на себя ответственности настоящее воспитание неосуществимо.

Все мы любим потолковать о дисциплине, и многие склонны считать, что любые беды случаются из-за отсутствия этой самой дисциплины, а все успехи — из-за хорошо налаженной дисциплины.

Напомню: само понятие дисциплина, в том смысле, в котором оно употребляется здесь, означает строгую подчиненность младших старшим, неукоснительное соблюдение правил поведения, выработанных и регламентированных специальными документами. Отрицать

дисциплину, умалять ее значение в деле воспитания было бы просто нелепо.

Беда происходит оттого, что многим дисциплина представляется такими сдерживающими путями, которые необходимо во что бы то ни стало накинута на ребенка. Хотя на самом деле подлинная дисциплина не приносится в готовом виде и не навязывается силой, а медленно развивается внутри человека, не сковывая, а лишь организуя его поведение, упорядочивая. Поэтому, между прочим, мы и подчеркиваем постоянно, что, в отличие от старорежимной, палочной, вколачивавшейся дисциплины, наше дело с заботливостью чутких садовников насаждать дисциплину сознательную.

Собственно говоря, сознательная, взращиваемая с самого детства дисциплина мало чем отличается от чувства ответственности, пожалуй, такая дисциплина — одно из наиболее зримых его проявлений.

Ошибаются те, кто думает, будто дисциплина воспитывается и поддерживается непременно грозными окриками. Кстати сказать, такое заблуждение весьма и весьма распространено.

Прежде всего человеку следует спокойно и вразумительно разъяснить, что он должен делать и для чего.

Объяснение задачи желательно подкрепить показом — как действовать. Но одного показа мало. Понял вас человек или не понял? Этот вопрос нельзя оставлять без ответа. Если понял — прекрасно, а нет — придется повторить и убедиться: понял. А дальше? Дальше остается контроль: как и когда выполнено задание? И — оценка. Если оценка окажется неудовлетворительной, воспитатель вынужден принудить человека повторить все сначала и добиться лучшего результата.

Примерно так выглядит схема усилий, направленных на воспитание дисциплины.

Как бы хорошо вы эту схему ни усвоили, шансов на то, что с первого раза все получится как надо, очень немного. «Повторение — мать учения», это с одной стороны. С другой же стороны, для успеха должна созреть атмосфера в коллективе, в семье, в бригаде — от требований дисциплины спастись некуда. А это тоже сразу не получается.

Да, дисциплина предполагает подчинение, она рассчитана в какой-то степени и на подавление личности

в интересах общества. Напрасный труд делать вид, что этого не существует.

Не обольщайтесь... и будьте готовы к срывам, неприятностям, непредвиденным обстоятельствам. Увы, в практике нарушаются даже самые осмысленные, самые разумные требования. Ну что может быть логичнее: туристы, следуя по маршруту группой, не растягиваются, ведут контроль друг за другом. Каждому ясно — растянется группа, и превратится организованный коллектив в неуправляемое стадо.

И все-таки группы растягиваются, и это далеко не всегда остается без последствий.

...На этот раз, правда, все завершилось благополучно, но сперва было очень-очень тревожно. Да чего там — тревожно, страшно было!

В одиннадцатом часу вечера, когда уже стемнело, вдруг выяснилось, что из туристической группы исчез мальчишка. Каких-нибудь полчаса назад ребят было двадцать шесть, а тут посчитали, и оказалось — двадцать пять...

А шли ребята глухими болотистыми местами, шли по следу партизанского отряда, историю которого изучали уже второй год. И цель была точная — добратся до северо-западной оконечности Долгого — узкого озера, где тридцать пять лет назад базировался партизанский штаб. И карту следопыты достали настоящую военную. И вообще все шло хорошо и толково, пока не пропал Володька.

Темнеет. Кругом болота. Что делать?

Первая мысль — бежать, искать, звать на помощь! Но бежать нельзя — с болотом, да еще впотьмах, шутки плохи, бежать бессмысленно. И помощи ждать неоткуда: до ближайшей деревеньки и по дневному времени не меньше трех часов хорошего ходу.

Бывают в жизни такие дикие, отчаянные ситуации, когда опыт и умение обуздывать собственные порывы настоятельно требуют: жди! Мы привыкли — мужество проявляется в поступке, в решительном действии, однако бывает и так — ожидание становится высшим проявлением разумной и расчетливой воли. Это невозможно высказать, сколь мучительно ожидать в безвестности, но когда кругом болота, темнота и лишь зыбкая тропинка, ведущая сквозь лес, — выбора не было, оставалось ждать...



На Долгое озеро ребят вела знаменитая женщина, в прошлом летчица, мировая рекордсменка, педагог и фанатичная сторонница всякого рода походов, ребячьих экспедиций, марш-бросков. Разумеется, не новичок в делах туристических.

Послушаем ее.

— Решать было трудно, и не решать нельзя. Объявила: ждем до рассвета. Надрожалась я, конечно. Но лучшего выхода, понимала, нет. Ну а утром, чуть свет, Володю привел пастух. Обошлось. А случись несчастье, и представить невозможно, что бы тогда было. Признаюсь, как увидела Володьку, подумала: «Хватит, находилась, довольно! У меня своих детей двое. И по должности я совсем не обязана этими походами заниматься. Все, точка!»

А потом отошла и сама себя спросила: ну, допустим, ты с ними больше не пойдешь, а кто пойдет?

И еще появилось соображение: не пойду, а что они тогда обо мне подумают? Ведь я их не просто рюкзаки укладывать учила, и по карте ориентироваться, и костер разжигать — это все техника! Я их учила смелости, преданности, ответственности. А теперь брошу, и все эти высокие понятия немедленно обернутся против меня.

Какие надо сделать выводы?

Хотя мы и обязаны все предусмотреть, не будем себя обманывать: предусмотреть все практически невозможно. От риска нам не уйти. Риск — это та самая неспрогнозированная или ошибочно спрогнозированная доля обстоятельств, которая не дается в руки. Чем она меньше, тем, понятное дело, лучше. Но в ноль ее загнать не представляется возможным.

Не будем обманывать себя. А что будем?

Стараться и... рисковать.

— А как вели себя ребята, — спросил я, — как они держались в те трудные ночные часы, пока не было ясно, что же с Володи́ей?

— У меня было такое чувство — на глазах мальчишки и девчонки мои взрослеют.

Вспомнилось, как писал Сухомлинский: «Умение быть стойким и мужественным как раз в те часы, когда тебя никто не проверяет и ни перед кем ты не отчитываешься, — это, можно сказать, уроки самовоспитания».

Конечно, они здорово переволновались той ночью. И пока сидели, тихие, затаившиеся, в их головенках, надо думать, шла отчаянная, форсированная работа.

Едва ли такой урок самовоспитания возможно провести в школьном классе, перед измеленной доской, тщательно отрепетировав потускневший набор общих слов, звучащих анемично и неубедительно даже не потому, что слова плохи, а потому, что износились они, стерлись от слишком частого употребления, утратили способность оказывать какое бы то ни было эмоциональное воздействие...

И еще раз вспомним Суворова: «Великие приключения происходят от малых причин».

Мы охотно рассказываем детям сказки. В сказках добро неизменно побеждает зло. В сказках действуют малосимпатичные злодеи и храбрые богатыри, отчаянные зайцы...

Особенно меня интересует храбрый заяц!

Сказки о нем имеют свою долгую историю, они давным-давно сделались традиционными, и хотя в эпоху научно-технической революции коэффициент полезного действия «заячьего фольклора» не может не падать, пожелаем все же храброму зайцу доброго здоровья и долгих лет жизни. Но детям совершенно необходимы сказки о трусливом зайце, который преодолевает ужасные трудности, прежде чем становится сначала нормальным, а потом и храбрым зайцем. Вообще показ того, как плохое превращается в хорошее — важнейшее звено воспитательного процесса.

Если вы не знаете таких сказок, придумывайте сами.

Не получается? Ничего. Обратитесь к своему опыту, к своей биографии, напрягите память и, не боясь выставить себя в невыгодном свете, рассказывайте, как вы сперва боялись грозы, а потом преодолели страх и давно уже не боитесь; рассказывайте, как вы не умели плавать — вас дразнили сверстники, на вас показывали пальцем, но вы не сдались и научились плавать, и никто больше не смог дразнить вас, подсмеиваться, издеваться; постарайтесь припомнить, как, впервые попав в лагерь, вы робели, как вам было трудно ладить с чужими ребятами, но вы все-таки на-

учились и с тех пор всегда находите общий язык с незнакомыми людьми...

Ребятам куда важнее видеть не конечный результат события, истории, происшествия, а динамику, движение к цели. Пусть они поймут: трудности неизбежны, преодоление преград — естественно и закономерно...

Вася не может толком забить гвоздь. Он старается, но почему-то у мальчонки ничего не выходит, молоток все время норовит угодить по пальцам, а не по шляпке гвоздя.

Самое простое — взять молоток и показать, как правильно его держать, не зажимая в руке слишком сильно, не ухватывая его слишком высоко...

Можно нарисовать на деревянном брусочке кружок величиной с копеечную монету, и пусть Вася постучит по «мишени». Пусть научится попадать в цель, не задевая пальцы. Вроде игра, а польза от нее будет самая что ни на есть практическая.

Можно приготовить гнездо (наколов шилом или подсверлив дрелью), вставить в него гвоздь, и Вася для начала добьет его...

Последовательность и неторопливость!

И Вася обязательно сможет, если, конечно, сможете вы.

Еще одна важная родительская забота — научить ребенка любую работу делать непременно хорошо, основательно.

Скажем, пришло Нинино время самостоятельно чистить картошку.

С чего начинать? Лучше всего дать ей холодную, сваренную в мундире картофелину, дать ножик и показать, как правильно снимать шкурку, как вычищать «глазки». И похваливать...

А Колю решено допустить до мытья посуды.

Но почему-то у него плохо отмылись чашки, почему-то на внутренней их поверхности остались коричневые пятна...

Вероятно, Коля не знает, что желтизна легко снимается обыкновенной солью, что пятна лучше всего от-

тирать жесткой щеткой. Впрочем, недостаток информации восполняется легко, труднее сделать скучную работу привлекательной. Может быть, попробовать присвоить Коле звание «лучшего чашкомоя», изобрести игру вокруг этой работы, чтобы дело шло веселее?..

«Для того чтобы научиться хорошо работать,— писал М. И. Калинин,— надо искренне увлекаться работой, без увлечения работать не научишься».

Хорошая, тщательная работа прекрасна не только сама по себе, она еще экономит время, которого всегда так не хватает ребятам постарше, школьникам. И это они легко усваивают.

И я, грешным делом, думаю, что привычка основательно исполнять всякое дело куда более надежный источник экономии времени, чем вывешенный над кроватью красочно оформленный «Распорядок дня», хотя я вовсе не против толкового распорядка.

Всякое представление о трудностях, встречающихся на жизненном пути ребенка, разумеется, относительно. И, чтобы правильно оценить возможности именно этого маленького человечка, важно учитывать не только его возраст, но и образ жизни, и тренированность, и индивидуальные данные...

Большинство родителей, особенно матери, склонны недооценивать возможности своих детей.

Восемь из десяти мам отказываются верить, когда я их клятвенно заверяю, что видел в Болгарии на лыжных трассах в Пампорово трехлетних горнолыжников!

— Ну, бросьте,— неизменно слышу я,— этого не может быть...

Меня склонны осуждать и папы, когда я их убеждаю, что двенадцатилетний мальчик может, если у него только достаточно длинные ноги, водить автомобиль. Сам учил...

И уж ни мам, ни пап не удастся уверить, что ребята, приученные с малых лет к туристским походам, ходят, как правило, лучше взрослых, даже по горным трассам...

Мы постоянно опасаемся перегрузить ребят, а ведь куда опаснее — и для здоровья и для воспитания характера — недогрузка.

Почему-то принято тащить к врачу худого, жилистого мальчонку. Вот-де, доктор, взгляните на нашего

скелета. Растет, а не ест толком. Что делать? А толстыми, рыхлыми детишками умиляются, хотя в первую очередь надо бы показывать врачам не худых и жилистых, а раскормленных ребятишек. Толщина во все не признак превосходного здоровья, она скорее свидетельствует о неправильном обмене веществ и должна служить не предметом умиления, а сигналом тревоги!

Разумно «нагруженный» ребенок растет активным, деятельным, шустрым. Он развивается и в умственном отношении быстрее своих «недогруженных» сверстников, и болеет меньше, чем они.

Очень важно, конечно, правильно направлять энергию маленького человека, вовремя менять его занятия, разнообразить их. Не дело гонять футбольный мячик с утра до заката. Погонял — займись чем-то другим: рисованием, лепкой, конструктором. И домашние дела не должны выпадать из круга ребячьих занятий: уборка комнаты, натирка полов, «марш-бросок» в булочную и так далее, и так далее.

«Недогруженный» ребенок развивается вяло, все жизненные процессы в его организме протекают как бы с замедлением, человек делается со временем все пассивней, все ленивей.

Думаю, и вам приходилось наблюдать, как сонного вида мальчонка, едва ворочая языком, тянет:

— Ма-а, мне ску-учно...

И если мама отвечает на такой ленивый стон осуждающим тоном:

— Шел бы и поиграл с ребятами, как не стыдно нудить «скучно», «скучно»! Большой уже! — мама совершает серьезную ошибку.

Ребенок болен. И его нужно не стыдить и упрекать, а лечить. Правда, доктор тут не потребуется. Лечить придется самой маме. Как? «Нагружать», «нагружать» и еще раз «нагружать». Давать мальчику дело, придумывать занятия. И завтра нагружать непременно больше, чем сегодня, а послезавтра — еще больше.

Ребенок, не приученный преодолевать препятствия, не подготовлен к настоящей жизни. Не допустить такого положения в наших, родительских силах. Только деятельная жизнь радостна и приносит настоящее удовольствие человеку — и большому, и маленькому.



Соне подарили на день рождения: мама — куклу, папа — кукольную посуду, бабушка — мебель для куклы, тетя Лиза — мячик, тетя Нина — ведерко и лопатку, дядя Кирилл — кроватку для куклы, соседка из сто пятой квартиры (она в Сонечке души не чает!) — колясочку; вторая бабушка привезла замечательный разноцветный конструктор, а дедушка — электрическую, прямо как настоящую, железную дорогу...

Я пришел к Сонечке с медвежонком.

Девочка стояла посреди всего этого игрушечного великолепия и без восторга, а как-то, я бы сказал, заторможенно, скучно хвасталась — вот-де, сколько у меня всего...

Игрушек у Сонечки прибавилось много, а радости — никакой!

Стремление взрослых дать детям все — вполне объяснимое стремление, но вот что опасно: как бы и тут не утратить чувства меры! Ну для чего маленькой девочке целая лавка игрушек? Куда ей?

Вы обратили внимание: дети, заваленные игрушками, очень скоро теряют к покупным, красочным, самым вроде бы дорогим вещам всякий интерес, а занимаются какими-то катушками от ниток, коробками — словом, на взрослый взгляд, барахлом и утильсырьем?

Детские психологи установили, что ребенку нравится играть вовсе не потому, что это легкое занятие, а именно тогда, когда игра дается ему с трудом, требует усилий. И отказ от дорогих игрушек не сознательный протест против взрослой расточительности, просто ребенка привлекают к себе предметы, которые позволяют изобретать, выдумывать, сочинять занятие потруднее, кстати сказать, занятие и себе, и вещи...

Часто ребенок, не вполне даже сознательно, выходит на преодоление все новых и все больших препятствий. Придумать коробке из-под ботинок «биографию» автомобиля или придать ей облик грозного танка — работа, и далеко не такая простая, как воображают некоторые скучные дяди и тети.

И главное, не мешать играть детям по-своему.

Как ведь бывает: папа принес сыну электрическую железную дорогу. Между прочим, папе, не знавшему благополучного детства, и самому не терпится запу-

стить это чудо. Оттесняя сына, папа аккуратно собирает рельсовый круг...

А что сын?

Сначала смотрит, потом пытается протиснуться ближе к железной дороге. Не добившись успеха, хватает вагончик и запускает его по комнате, просто так, без рельсов. Вжик, поехали...

И:

— Балбес, что ты делаешь? Кто так играет?

Папа ставит вагончик на рельсы, папа проверяет сцепку, папа берется за реостат, а у Сани тем временем пропадает всякий интерес к дороге, к папиной игрушке. Он чувствует себя лишним...

Трудно ли понять Саню?

А ведь не понимаем. И, случается, возмущаемся:

— Я ему помочь стараюсь, а он, неблагодарный, еще и обижается, и характер показывает.

Видите, сколь не простой может оказаться ребячья игра, сколь нелегко наши самые добрые намерения могут доходить до мальчишек, доходить, меняя по дороге свой изначальный знак на обратный.

«Лень души — вот что происходит, если радости детства даются в готовом виде. Происходит самое страшное — человек разучается хотеть. Лень души рождает лень мысли». Так писал В. Сухомлинский. И пусть эти глубоко справедливые слова послужат нам предупреждением, как дорожный знак «Прочие опасности»!

О праздниках разговор впереди. Подробный и особый разговор. А пока замечу — слишком много праздников плохо, и совсем плохо, если праздники эти готовые, когда ребенка приводят, сажают — в театральное ли, в цирковое ли кресло, к телевизору ли, — а он смотрит, пропускает зрелище «через себя», никак в нем не участвуя...

И если все мы легко соглашаемся ограничивать ребят в сладостях, разумно нормируем еду, то почему же столь многие удивляются, услышав, что и телевизионные и прочие радости и развлечения безусловно нуждаются в известных ограничениях?

Перекормить Сашеньку или Леночку можно не только леденцами и мороженым, но и... удовольствиями. И еще неизвестно, что хуже.



## ПРО САМОЕ ГЛАВНОЕ

Анна Андреевна пришла ко мне в полной растерянности и долго жаловалась на своих ребят — сына Спартака четырнадцати лет и дочь Аллу двенадцати с половиной лет.

Жалобы ее оказались не слишком неожиданными: грубят, не слушаются, не признают родительского авторитета, ленятся, манкируют своими обязанностями по дому.

Вся трудность нашего объяснения заключалась в том, что Анна Андреевна была... педагогом. И, смею уверить, хорошим опытным учителем. Жалуясь на

собственных детей, она совершенно разумно и в достаточной степени объективно оценивала и свои и ребячьи промахи, вовсе не пыталась выгораживать ни себя, ни мужа.

— Ну представляете, я спрашиваю у Спартака, откуда у него новые радиодетали взялись — он с ума сходит со своими транзисторными приемниками, — и он, глазом не моргнув, отвечает: — Купил! Конечно, я догадываюсь — у кого... Есть в нашем поселке один отвратительный тип, с утра до ночи трется около школы, снабжает ребят какими-то деталями для радиоприемников, фотошпаргалками и кое-чем похуже... Такой, знаете, мелкий, гнусный предприниматель. К сожалению, инвалид, так что ни мы, школа, ни милиция ничего сделать не можем. Спартаку миллион раз было сказано: «Не смей с этим спекулянтом дела водить». А он — ноль внимания...

Анна Андреевна продолжает рассказывать, а я пытаюсь мысленно выстроить схему ее поведения, вообразить, как все происходило. Только не подумайте, будто я не оказываю доверия Анне Андреевне. Нет! Просто мало кто из людей способен объективно оценить себя. Все мы этим грешим — предпочитаем замечать то, что нам видеть приятно, и не сосредотачиваться на неприятном. А Ленин как учил: о человеке судят не по тому, что он о себе говорит или думает, а по его делам.

Вот я и пытаюсь «увидеть дело».

Говорила Анна Андреевна сыну «не смей»? Наверняка говорила. И, конечно, не один раз.

Но как говорила? Вероятно, более или менее гневно. А в общем-то больше для порядка. И как она могла иначе? Инвалид вне ее власти и вне власти милиции. Радиодеталей в поселковом магазине нет. Как и где их можно купить законно, никто толком не знает.

Что ж выходит? Хоть и говорила мать сыну: не води дел с этим типом, да знала — толку от ее слов чуть, больше Спартаку достать детали негде...

Ну а теперь попробую назвать вещи своими именами, не вслух, конечно, тихонечко, про себя: неискренне вы действовали, Анна Андреевна, и гнев ваш и возмущение спекулянтом и проходимцем были напускными, для порядка...

Вот так-то.

Все это — я думаю.

А хорошо поставленный, вытrenированный голос Анны Андреевны накатывает на меня новую волну информации:

— И Алла, на брата глядя, ни во что нас — ни меня, ни мужа — ставить не желает. Отец ей говорит: «Мне не нравится, что ты допоздна гуляешь, дочка». — «Все девочки гуляют, а я, по-твоему должна, как дура, в половине восьмого домой бежать, да?» — «Беги, как умная, почему — как дура?» — «Можно подумать, я домой когда-нибудь пьяная приходила... Чего ты придираешься?..» — «Как ты разговариваешь с отцом?» — «Больно надо мне с тобой разговаривать! Это ты завелся». Можете себе представить, как она разговаривает. Я нисколько не преувеличиваю, не сгущаю краски... Что ж будет дальше? Федор Федорович — вы-то его знаете — ничего, кроме добра, ей не желает, и вот такой афронт...

И снова я стараюсь мысленно не то что расшифровать услышанное, а на основании фактов, сообщенных Анной Андреевной, реконструировать картину, чтобы хоть частично обнажилась суть отношений между отцом и дочерью.

Да, я очень давно знаю Федора Федоровича. Хотя раз в жизни заходил он в школу, где учатся его ребята? Нет. А спроси у него, почему, — удивится до крайности. Чего там делать? Разве мало того, что Анна Андреевна завуч этой школы?

Интересно было бы выяснить, когда он в последний раз гулял со своей дочкой.

И он снова удивится: чего с ней гулять, когда она и самостоятельно готова с утра до ночи гонять по двору? Не гулять с ней надо, а домой ее загонять!

Допустим. Ну так когда он последний раз загонял Аллу домой?

Если говорить честно, если строго следовать фактам и не щадить самолюбия, то придется признать: наплевать вам на детей, Федор Федорович. Конечно, ничего плохого вы им не желаете, только уж очень давно все заботы и всю ответственность за Спартака и Аллу переложили на жену. И даже в тех редких случаях, когда вдруг начинаете учить их уму-разуму



лично, нет в ваших словах и тени истинной заинтересованности, так, фикция...

Мне душевно жаль Анну Андреевну. И я хорошо понимаю ее переживания, чувствую ее обиду и боль — это очень горько, это страшно, когда дети вдруг начинают выскользывать из твоих рук, когда они удаляются, удаляются, удаляются, а ты не знаешь, что делать... Но я решительно ничем не могу помочь этой женщине.

Не сомневаюсь, Анна Андреевна великолепно усвоила тысячу правил воспитания; в своей школьно-педагогической деятельности она руководствуется новейшими научными достижениями, наверняка умеет находить убедительные слова и вроде бы безупречные примеры. Только одна беда — сама Анна Андреевна не верит ни в теории, ни в примеры, ни в собственные правильные, слова...

А там, где нет искренности, нет и не может быть серьезного воспитательного успеха...

Мне рассказал следователь: к нему попало совершенно невероятное дело — директор школы надавал по физиономии девятикласснику, надавал публично, при свидетелях.

О чрезвычайном этом происшествии узнали родители пострадавшего и потребовали судебного разбирательства. Шутка ли — рукоприкладство! И где — в нашей столичной школе!

Опускаю подробности, суть не в них. Попробуем выяснить, что же могло побудить директора школы, а точнее, что довело его до столь крайней и, скажем прямо, весьма рискованной формы «самовыражения»?

Девятиклассник нахамил старой женщине и, когда та, пристыдив парня, в частности, сказала:

— Трое моих сыновей головы на фронте сложили, чтобы ты человеком рос, а не шпаной...

Мальчишка бесцеремонно перебил ее:

— При чем тут покойнички, бабуся? И кому это интересно, где они растеряли свои головы?..

Вот тут случайно оказавшись поблизости директор и вмешался. Участник войны, старый солдат, он строго приказал парню:

— Извинись!

А когда тот вместо извинения понес о живых и о мертвых такое, что и в милицкий протокол не запишешь, не удержался старый солдат и съездил парню по физиономии — раз и два, пояснив:

— Это тебе от имени живых, а это — за мертвых...

— И представьте, — рассказывал следователь, — вот сюда, в кабинет мой, каждый день приходили и приходили ребята — по-моему, вся школа явилась — «заступаться» за... директора, хотя, как я понял, ребята его скорее боятся, чем уважают. Но чувство справедливости у них, чертей, я вам скажу, надо всеми прочими верх берет. Они считают, что директор действовал искренне, по справедливости, а для них это превыше всего.

Последним — не знаю уж как воздействовали на него ребята — пришел сам пострадавший, с папашей, кстати сказать, пришел, вместе просили закрыть дело...

Поведение мальчишки, жестоко оскорбившего память солдат, — не типичное. Это — точка, выпадающая из графика. А вот поведение коллектива — естественное.

Ребята очень высоко ценят справедливость, это верно почувствовал следователь, назвав справедливость ребят справедливостью высшего класса. Скажу больше: дети почти никогда не ошибаются, сталкиваясь с нашей взрослой неискренностью, равно как и с нашим взрослым лицемерием.

Мне могут задать вполне резонный вопрос: а как воспитать в себе столь необходимую искренность, если чувствуешь, что тебе ее не хватает?

Попытаюсь ответить. Искренность в нас, взрослых, прекрасно воспитывают... дети.

Искренность — понятие необыкновенно емкое и далеко не такое простое, как порой кажется.

— Вы своих детей одинаково, я хочу сказать — поровну, любите? — спрашивает женщина в разговоре. Вроде вопрос как вопрос, почему бы не поинтересоваться? Но я чувствую, что ответить: этих меньше, а эту больше — не могу... И мужества у меня не хватает, и, пожалуй, убежденности, что дело обстоит именно так, тоже.

А отвечать на заданный вопрос придется, особенно, когда в глаза тебе смотрят с нетерпением.

Вот и складываю, и вяжу слова в более или менее убедительные предложения. А самому совестно... неловко самому за резиново-обтекаемый этот ответ...

— Ну ладно, не мучайтесь,— внезапно прерывает собеседница,— наверное, я неправильно вопрос сформулировала... Попробую спросить иначе: в каких случаях родители могут любить одного ребенка больше, а другого меньше и почему? Пожалуйста, если можете, ответьте с вариантами — мне нужно много вариантов, чем больше, тем лучше...

Ну, гора с плеч!

Как ни преклоняйся перед этим великолепным, конечно, понятием «искренность», а «раздеваться» на публике, распахивать душу перед посторонними — удовольствие не самое большое. То ли дело отвлеченный, абстрактный значит, разговор!

Предлагаю вариант первый:

Мальчик растет вылитым дедушкой, мать смотрит на сына, и все, накопленное за годы тяжелой слепой неприязни к свекру, вспенивается в ее измученной душе и готово излиться на ни в чем, естественно, не виноватого малыша...

— Представляете?

— Вполне,— с готовностью говорит женщина и просит: — А еще варианты...

Предлагаю вариант второй.

В семье две дочери. А папа — он, прямо скажем, не оригинален — и в первый раз желал сына, и во второй. Однако пережил, постепенно смирился и к дочкам своим относится вполне нормально.

Но вот становится известным: в семье должен появиться еще ребенок. Мама сомневается — оставлять или не оставлять беременность, все-таки трое — это проблема, и нешуточная. Папа настаивает — оставлять!

Довод папы?

Ну должен же быть у меня сын, не может, в конце концов, не быть!

В положенный срок родится третья дочка.

Отец воспринимает случившееся как серьезное несчастье, больше того — как откровенный и беззастенчивый обман.

Проходит время, крошка становится симпатичной, милой девочкой, кстати сказать, «папиной дочкой»,

но отец относится к ней с едва скрываемой неприязнью.

И так случается.

— Еще,— требует женщина.

Предлагаю вариант третий... четвертый... пятый...

Бывает, что дети с удивительной, я бы сказал, фотографической точностью повторяют своих родителей. И не только внешне, но и поведением, привычками. Повторяют и в слабостях. Как ни странно, но такое почти всегда вызывает не родительское умиление, а откровенное раздражение и мам и пап. Старшим начинает казаться, будто ребенок — упрек им.

— И что тогда делать? — спрашивает женщина, и голос ее становится, я замечаю, напряженно-ожидательным.— Что делать?

— Что? А ничего... Во всяком случае, ничего специально предпринимать не надо. Затаиться, не выставлять своих чувств напоказ. Ждать.

Во-первых, ваше отношение к «нелюбимому» может со временем измениться само собой; во-вторых, и это родительский долг — не увеличивать числа без вины виноватых, не перекладывать своих огорчений на детские плечи.

— А как же тогда быть с вашей теорией искренности? — не без яда в голосе спрашивает моя собеседница.

— Очень просто! Осознав положение зрелым умом взрослого человека, не так уж трудно со всей искренностью следовать велению разума.

Мой дед, по своему времени вполне уважаемый, достигший даже некоторого положения в обществе человек, остановился в математическом развитии на... таблице умножения. Это обстоятельство никакой тени на его авторитет не набросило, ведь он поднимался на ноги, когда большинство людей, его окружавших, вместо подписи ставили крестик.

Мой отец виртуозно считал на пальмовых счетах. Это был шик среди старых бухгалтеров дореволюционной еще выучки — пальмовые счеты. И лишь на склоне лет пристрастился к арифмометру, а логарифмической линейке не доверял, хотя, случалось, и брал ее в руки...

Мне довелось пройти курс высшей математики, но споры моего сына с его коллегами — инженерами «эвээмовского времени», увы, мне недоступны.

Но к чему этот автобиографический экскурс?

Дело, разумеется, не в моей семье и не в математических познаниях. Есть известная закономерность, и сказанное о таблице умножения, счетах, логарифмической линейке лишнее тому подтверждение: дети на определенном этапе своего развития обязательно обгоняют родителей.

Спрашивается, как же сохранить авторитет папе, как оставаться на высоте маме, если отпрыск вырвался вперед и откровенно лидирует?

Не стоит делать вид, будто вы что-то знаете, на самом деле не зная. Это вернейший путь к крушению всякого к вам уважения.

Призвав в поддержку своей искренности все ваше мужество, скажите открыто: «Отстал я тут, этого мы не проходили». Гарантирую, такое признание всегда зачитывается в актив.

Но в предельной откровенности таится известная опасность.

Представьте себе: в чем преимущество транзисторной схемы перед ламповой, вам точно не ведомо, как переводится хотя бы обычная цифра сто в двоичную систему, вы не знаете, ни одной книги Станислава Лема не читали, о поп-музыке судить не можете, она вас просто раздражает, как впрочем, раздражает и рок-н-рол...

Чувствуете, что происходит? Над вашей головой сгущается и нависает угроза...

Только не подумайте, пожалуйста, что я требую приспособливаться ко времени, к его велениям, капризам и моде. Ни в коем случае! Вы можете считать пределом совершенства джаз вашей молодости и преклоняться перед мастерством и артистизмом Леонида Осиповича Утесова. Вы вправе относить к числу самых лучших песен земли «По долинам и по взгорьям». И длинные волосы сына можете считать ярко выраженным атавизмом.

Но если при всем этом вы не хотите выглядеть ископаемым в глазах ребят, отстаивайте свои позиции, спорьте, непременно сравнивая ваши ценности с их ценностями. А для этого вам совершенно необходимо



хоть что-то понимать в электронике, пусть самую малость разбираться в звуковоспроизводящих системах, иметь какое-то представление о современной литературе, пусть не «балдеть» от сегодняшних ритмов, и все-таки представлять себе, что они такое, и не жить одними воспоминаниями...

Скорее всего, ребят вы не переубедите, но по крайней мере они увидят в вас не примитивного брюзгу-пустомелю, а оппонента!

— Ох и силен у меня дед спорить!..

Если услышите такое, прошу вас, не ударяйтесь амбицию; согласен, внук ваш еще не овладел тонкостями дипломатического обхождения, но понимания с его стороны явно намечается!

А чего вам еще надо?

Знаю: хочется всегда оставаться авторитетом. Трудно и обидно уступать лидерство. Так не слезайте с коня, оставайтесь молодым.

Это вполне возможно и в шестьдесят, и в семьдесят и даже, как показывает опыт наиболее выдающихся современников, в девяносто лет.

Для этого прежде всего надо расчетливо сжигать душу так, чтобы до конца, до последнего вашего вздоха, горела она, не чадая, ровным, спокойным пламенем. Другого способа оставаться нестареющим и не устаревающим родителем я не знаю...

«Я понял, что легко научить человека поступать правильно,— писал А. С. Макаренко,— в моем присутствии, в присутствии коллектива, а вот научить его поступать правильно, когда никто не слышит, не видит и ничего не узнает,— это очень трудно».

Научить поступать правильно, «когда никто не слышит, не видит и ничего не узнает» — значит, воспитать в человеке чуткую совесть. Прав, конечно, Макаренко, задача эта из самых трудных. И самых необходимых!

Вот взгляните на классический пояснительный текст к самому термину «совесть»:

«Нравственное сознание, нравственное чутье или чувство в человеке; внутреннее сознание добра и зла; тайник души, в котором отзывается одобрение или осуждение каждого поступка; способность распозна-

вать качество поступка; чувство, побуждающее к истине и добру, отвращающее ото лжи и зла; невольная любовь к добру и к истине; прирожденная правда, в различной степени развития».

Обратите внимание — это на редкость многословное для Даля объяснение, обычно, чтобы обнажить смысл и охарактеризовать с исчерпывающей полнотой то или иное понятие, ему хватает двух-трех слов. В чем же дело? Видимо, в емкости, в значимости, в широкоохватности слова «совесть».

И вот на какую мысль невольно наводит это странное далевское объяснение: совесть трудно воспитать только тем, что подробно, доходчиво, интересно рассказывать о ней ребенку. И умело подобранные сказки, и занятные случаи, и жизненные примеры, и прицельно снятые фильмы едва ли продвинут нас далеко вперед.

А что может гарантировать успех?

Только общий стиль жизни семьи, в которой ребенок начинает осознавать себя личностью, способен пробудить в нем «нравственное сознание, нравственное чутье» и все прочие компоненты чистой совести.

Вообразите: в доме гости. Родители очень хороши с ними — угощают, развлекают, озаряют улыбками. Все это видит малышка Фаина, все это она слышит и бессознательно настраивается на общую волну благожелательности...

Но кончен бал, погасли свечи, гости притворили за собой двери, и папа спрашивает маму:

— Скажи, Рая, ну когда они перестанут к нам таскаться?

— Можно подумать — это мои приятели! Ты же сам привадил своего Петра Филипповича и его Зинаиду Анатольевну к нашему столу.

Фаина это слышит. Пусть она до конца не улавливает даже смысла слов, но интонации-то до нее обязательно доходят!

И уверяю вас, очень скоро ребенок поймет: взрослые приспособляются к обстоятельствам, они думают одно, а говорят совсем другое. Вывод не заставит себя ждать: значит детям так можно!

Можно потому, что так ведут себя взрослые. И не вообще большие, а самые главные из них — мама и папа.

Мы часто и с охотой говорим о дурном влиянии на наших ребят улицы, подворотни, внешкольных приятелей и совсем не хотим принимать во внимание наше собственное влияние. А между тем оно может быть и положительным, и мощным, и даже всепобеждающим, если в основе этого влияния будут заложены высоконравственное сознание, чувство справедливости...

Короче говоря, как огонь зажигается от огня, так и совесть порождается совестью. Это человеческое качество не бывает половинчатым, частичным, более или менее развитым, подобно другим качествам, скажем отваге, храбрости, смелости, не робкости — вон сколько оттенков! А совесть — или она есть, или ее нет. И точка.

Да, конечно, хотелось бы, чтобы наши дети, подрастая, предъявляли к этой человеческой добродетели еще более жесткие и бескомпромиссные требования, чем предъявляем мы, родители.

И может быть, это и есть самая главная задача — наградить наших ребят чуткой, обостренной СОВЕСТЬЮ.



## СКАЖИТЕ, ЧТО ДЕЛАТЬ!

Неровные фиолетовые строчки, разрывающиеся многоточиями. Множество восклицательных и вопросительных знаков. Пишет женщина.

«Развожусь с мужем... О нем речи нет! Он — кусок отломленный, и вспоминать не хочется, как было, что было! К чему? Для чего? Беречь незажившую рану? Нет! Все равно нам не подвести баланса взаимных обид, оскорблений и унижений. И какая теперь разница, кто виноват — я, он, она?..

Беспокоит иное — у нас ребенок, сын! Валере шесть лет. Может быть, сегодня он еще не все понимает, мал. Но, во-первых, хочу я того или нет, поймет. Во-вторых, не приходится сомневаться, если не поймет сам, ему объяснят! Кто? Муж. Свекровь. Соседи. Позаботятся!

А я бы хотела сделать так, чтобы он, Валера мой, вообще позабыл об отце! Пусть не знает его.

Я согласна отказаться от всякой материальной поддержки, то есть от положенных по закону алиментов. Не надо мне ничего, ничего не надо. Пусть только отстанет от нас он, бывший муж! Пусть не приходит, не пишет. Ему ведь это и не нужно, раз есть другая женщина. И наконец-то появились настоящие (представляю!) чувства, как он сам мне любезно сообщил!..

Но люди злы. И он не исключение. И при каждом представляющемся случае старается кусануть.

«Развожусь я с тобой, а не с сыном!» — нахально заявил он на днях. Представляете? Как будто я и сын существуем отдельно?

«У меня на Валеру такие же права, как у тебя...» — и это из его новейшего репертуара!

«Ты по закону не имеешь права препятствовать моим встречам с ребенком!» — Обратите внимание, теперь он стал первым «законником» в Союзе!..

Может быть, в моем письме кое-что лишнее и даже наверняка кое-что ошибочное. Не судите строго! Посочувствуйте брошенной женщине.

И посоветуйте, как сделать, чтобы он никогда не смог пересечь Валерочкиной дороги?!»

Считаю своим долгом выразить сочувствие женщине, которой предстоит грустная процедура развода, женщине, мужественно переживающей случившееся. Надо признать — такие женщины встречаются не каждый день.

Пожалуй, на этом и заканчивается комплиментарная часть моей оценки происходящего...

А вот прежде чем говорить о том, как уберечь сына от общения с его законным отцом, как сделать это общение невозможным, попытаемся ответить на вопрос: а следует ли к этому стремиться?



Мать убеждена — следует. Ее в какой-то степени можно понять. Ее! Только будет ли такой шаг в интересах ребенка?

А ведь именно ребенок должен занимать нас в первую очередь.

Вопросы: — По какой причине разводятся люди, правы они или нет, кто виноват больше, а кто меньше, — оставим в стороне. Это совершенно другая тема. Печальная, горькая, согласен, но сейчас разговор не о причинах развода: сейчас надо понять, как вести себя матери в момент, когда она решилась расстаться с мужем или узнала, что муж решил уйти из семьи.

Отвечая на письмо, я, в частности, говорил:

«Понимая, как неприятно вам сейчас слышать о муже и тем более хоть в чем-то признавать его правоту, должен обратить внимание на его, мужа, утверждение: «У меня на Валеру такие же права, как у тебя».

Да. Такие же.

И тут возражать нечего, если, разумеется, ваш муж не совершил деяний, за которые он должен быть лишен родительских прав. Не вами, разумеется, лишен. И даже не общественным мнением, а — судом. И только судом.

Значит, права на сына у отца есть.

А теперь попробуем заглянуть немного вперед, ну хотя бы лет на пять.

Валера подрастет и непременно станет спрашивать: где папа? Почему он не приходит? Когда придет? Он захочет повидаться с отцом...

И можно ли запретить сыну спрашивать об отце, знать про него?

Что вы будете отвечать сыну?

Папа уехал в командировку? Папа занят на работе?

Деваться некуда: встав на путь полуправды, перемешивающейся с осколочками правды и крупинками откровенной лжи, вы не из злых намерений, но объективно будете калечить Валеру. Он ведь очень скоро почувствует фальшь, недоговоренность, неискренность вашего поведения.

Возможно, вы пожелаете действовать иначе. Более решительно и более откровенно. Ребенок-то остается в ваших руках. И настройте его против отца, объясните и докажете мальчику, что человек, стоявший у

истока его жизни, как ни горько сознавать это, подлец, негодяй и недостойн звания отца.

Предположим, Валера поверит во все, что вы ему внушите. Но станет ли он счастливее, сознавая, какой у него был отец?

А если он не поверит или поверит не вполне, начнет выяснять, узнавать, так сказать, устанавливать личность папы (не в шесть, разумеется, лет, а попозже) и вдруг поймет, что, мягко говоря, вы умышленно вводили его в заблуждение? Можете ли вы вообразить, что вас ожидает в подобном случае?

И еще вариант.

Сын ваш вырастет, не уважая отца, не испытывая потребности встречаться с ним. Разве это пойдет вам на пользу? Какая гарантия, что Валера, обязанный всем только вам, в один несчастный день не рассудит так: раз можно обходиться без уважения к отцу, обойдусь и без уважения к матери...

Это не обязательно, разумеется, но, как показывает опыт, вполне возможно.

Поднимитесь над собственной болью и обидой, мама! Совершите еще один материнский подвиг, подвиг души, ради сына сделайте это — предоставьте мальчику возможность общаться с отцом, бывать в его обществе, научите его, пусть не сразу, понимать, что бывают в жизни и трудные повороты...

У Сони Сазоновой есть мама, есть папа, бабушка, даже две бабушки, один дедушка и не поддающееся учету число более дальних родственников — тетей, дядей, двоюродных сестер и братишек. И все, решительно все, любят Соню. Может быть, потому, что она самая маленькая в разветвленном сазоновском клане — ей всего пять лет, может быть, потому, что очень уж она хорошенькая.

И все стараются показать Соне, как они к ней привязаны и неравнодушны.

А больше всех старается папин брат дядя Семен. Никогда он не придет в дом без подарка, непременно усадит Соню на колени и будет ее гладить и целовать в шейку, щекоча усами, и сюсюкать какие-то словечки на каком языке...

Приняв рюмку-другую, дядя Семен и вовсе тает.

Может даже, без видимой к тому причины, и слезу пустить.

Сонечкина мама мне объяснила:

— Жалко его: третий раз женат, а детей нет и нет, а он так детей любит, так любит, просто не может спокойно на них смотреть...

И вот в очередной раз пришел дядя Сеня, с гвоздиками — маме, с куклой и конфетами — Соне, с приветливой улыбкой — папе; уселся в своем любимом кресле около окошка и засюсюкал:

— Иди ко мне Нюнечка, манюсенькая, лапусенькая... иди поцелуй дядю. Угадай, что дядя принес Нюнечке?..

Соня надулась, склонила головенку к плечу — и ни с места.

Мама сказала:

— Соня, перестань фокусничать, тебя зовет дядя Сеня...

Девочка нагнула головенку еще ниже и словно оледенела.

А дядя щебетал:

— Ню-ню-ню, дикарик. Иди, манюсик-лапусик! — И напоминал, подчеркивал — не с пустыми руками пришел дядя.

Но напрасно.

Тогда папа сгреб Соню в охапку и со смехом, шутками и прибаутками усадил на широкие колени дяди Сени.

Потом папа пояснял:

— Родственник он самый близкий. Всегда такой внимательный. Щедрый. Соню любит без памяти. Своих-то пацанов у него нет. Ну как откажешь? Обидишь. Да и что ей сделается, если посидит на коленях у дяди? Ну, пощекочет он ее усами за ушком. Что такого?

Получив племянницу в руки, дядя Сеня, словно голодный на хлеб, набросился на Соню со своими ласками и тут же стал предлагать ей принесенные гостинцы.

Соня молча отчаянно боролась с дядей Сеней и все, что он совал ей в руки, отбрасывала. Поняв, что из дядиных лапищ ей не вырваться, девочка неожиданно стихла и сказала отдельно и ясно:

— Пусти меня, противный.

Но так как дядя не сразу оценил напряженность ситуации (это его более позднее объяснение), он и после этих слов старался удерживать Соню на руках — и был укушен девочкой.

Опуская подробности домашнего скандала, взорвавшегося с внезапностью брошенной из засады гранаты. А вот причины отчаянного поступка Сони понять надо, вероятно, не только ее родителям.

В. Сухомлинский писал: *«Учить чувствовать — это самое трудное, что есть в воспитании»*. К этой мысли он возвращался многократно.

Понуждая ребенка в более мягкой или более решительной форме обнимать, целовать, выражать приязнь изредка приходящему дяде, вы на самом деле не помогаете малышу преодолевать смущение, а обучаете его чистосортной фальши и беспардонному лицемерию.

Если маленький человек испытывает потребность приласкаться к кому-то, он это сделает — пусть робко, пусть не сразу — и без посторонней помощи.

Совершенно недопустимо ласкать детей насильно, против их воли.

Обидятся дядя, тетя, сослуживец, ваша приятельница. Пусть! Разумные взрослые люди не могут в конце концов не понять, что обижаться тут не на что!

И думать надо не столько о них, взрослых, сколько о ребенке. А он либо будет все сильнее и сильнее отчуждаться от вас, родителей, чинящих насилие над его личностью, либо покорится, но тогда помните, что наследник ваш может вырасти подлизой, расчетливым подхалимом, человеком без нравственных принципов.

И это не преувеличение! Всякое движение начинается с первого шага, потом шаг прибавляется к шагу, и незаметно формируется жизнь.

— Объясните мне, как это могло случиться, что девочка, моя дочка — ну ладно бы сын, а то она, — расположена к отцу и совершенно не желает признавать меня? Порой мне кажется, честное слово даю, что Людмила меня просто ненавидит...

Прошу маму успокоиться. Предлагаю воды. Спрашиваю:

— Сколько лет Людмиле?

— Четырнадцать будет осенью.

— Когда вы стали замечать первые признаки отчуждения?

— Да с самого рождения, наверное. Она теле-еле ходила еще — и уже от меня боком, скоком, ползком — и бегом к папочке. Его слово — закон, а я скажу — сто возражений, и каких! Грубость на грубости...

— Пожалуйста, не волнуйтесь. Значит, вы давно уже заметили отчуждение дочери; а какие вы предприняли меры, чтобы как-то приостановить, смягчить этот процесс?

— Меры? Ну, я просто не могу даже перечислить, чего только не пробовала. И так старалась и этак, и пряником, как говорится, и кнутом. Но больше похорошему, лаской, да все без толку. Кстати, вы не думайте, что муж с ней очень носится. Как гаркнет другой раз, аж я вздрагиваю. А она не обижается, но стоит мне слово сказать, и тут же — фр-р-р... полетела!

Понимаю: односторонний разговор ничего не даст. Сколько бы вопросов я ни задал, как бы хитроумно бы пытался проникнуть в глубь взаимоотношений матери с дочкой, расстроенная мама будет все время, словно флюгер, поворачиваться лицом «к ветру» и делиться своими обидами, приумножать число подробностей, припоминать словечки, жесты, интонации.

Надо выходить на общение с дочерью.

Но как? Допустим, я сумею познакомиться с Людмилой, возможно, войду к ней в доверие — все равно я не вправе спрашивать у девочки-подростка, что она думает про свою мать и тем более что ей в матери не нравится. Такие вопросы задавать детям категорически недопустимо.

К счастью, Людмила учится в школе, где моя приятельница работает библиотекарем. Эта предприимчивая женщина часто устраивает всякие опросы, занимательные встречи, вечера вопросов и ответов, беседы. Обычно, когда я прошу ее о помощи, она охотно откликается.

Чаще всего я не настаиваю, чтобы опросные листки были персональными, прошу только указать возраст отвечающих или класс, в котором они учатся.

На этот раз условия «игры» несколько иные, мне нужен именно персональный ответ, и, если он окажется-



ся особенно интересным, хорошо было бы продолжить беседу, повести разговор с глазу на глаз. А вопрос такой: «Какую черту характера вы постараетесь привить своим будущим детям в первую очередь?»

Ответ Людмилы гласил: «Ребенок должен быть прежде всего самостоятельным, это позволит ему расти смелым и сильным, готовым к преодолению любых трудностей, какие могут помешать, затруднить, испортить жизнь».

И ответ этот дал мне основание для прямого разговора с девочкой.

Ничего не выпрашивая, ничего не вытягивая, я очень быстро понял, что произошло в Людмилиной семье и почему она, испытывая сильнейшее «притяжение» к отцу, с трудом терпит мать.

Люде был годик, она подходила к стулу и слышала: «Осторожно, Люда, не урони на себя стульчик»; она тянулась к цветку — «Не опрокинь вазу»; она бралась за ручку двери, приподнявшись на цыпочках и превратившись в натянутую струнку — «Не ударься, Людочка»...

Шло время, девочка делалась взрослее, самостоятельнее, а аккомпанемент не ослабевал: не пей воду из-под крана, не ходи без ботинок, надень шарф, застегнись, порежешься, заразишься, позвони, когда выйдешь и когда дойдешь и, если удержишься...

А отец? Он усмехался, почти не вмешивался, а когда вмешивался, то совсем иначе:

«Смотри, как надо ножик держать... Ясно? Давай».

«Ревешь? Ладно, когда кончишь, зайди скажи, я не спешу...»

«Записку получила от парня, говоришь. Ну что ж, все девчонки получают записки. Хочешь, чтобы я прочел... Ну давай. Хочешь, чтобы высказался? Ох, Людка, много он ошибок насажал. Несерьезный, боюсь, человек...»

И опять мама сидела передо мной, и опять нервничала, и мне было трудно, потому что я обязан был говорить правду, а правда была не из приятных.

Людмила в свои четырнадцать лет из-под материнского влияния ушла и вернуть ее одними разговорами было уже невозможно. Поводом для сближения могла

бы стать необыкновенная ситуация, резко меняющая привычное течение отношений.

Скажи, например, мать Люде, что она завтра выходит на работу (до этого женщина не работала) и просит дочь принять часть забот об отце и братишке на свои плечи, возможно, это возымело бы какой-то эффект; объяви мама, что она в положении, что у Люды будет еще один братишка или сестра,— и такое могло бы сыграть решительную роль в отношениях между матерью и дочерью, а просто слова, даже и самые складные, едва ли...

У этой истории оказался неожиданный, незапланированный счастливый конец. Примирение и взаимное «раскрытне» состоялось из-за внезапной и тяжелой болезни матери. Она лежала в больнице. Люда вела самолично дом, видела, как нервничает отец, возмущалась беспечностью семилетнего брата Славки, старалась не отставать в школе, возила передачи в больницу. Ей было очень трудно, она справилась, стала больше уважать себя, и вот тут произошло «открытие» матери.

— Она у нас такая терпеливая,— сказала Людмила и покровительственно добавила: — хотя и не совсем от мира сего...

Если бы Людмила мать знала раньше, если бы могла предположить до того, как очутилась в больнице, что ее дочь очень даже от сего мира, может быть, она и не стала бы дрожать над ней. Хотя, как знать, матери часто бывают слепы, когда дело касается их детей.

— Мне на сыновей жаловаться грех. Не озорные, уважительные у меня ребята, с пониманием,— обстоятельно рассказывал Рафаил Дмитриевич.— Если, скажем, матери нездоровится, все по дому сами без напоминаний сделают, если я не в настроении с работы вернусь, не пристают, не цепляются, дают в себя прийти. Короче, живем мы дружно и согласно. Но есть у меня забота.

Саше сравнялось четырнадцать — переходный возраст. И все меня пугают: дескать, жди фокусов, без номеров этот период не обходится, все они становятся нетерпеливыми, грубыми, чуть что не так — на дыбы.

А мне и верится и не верится. За собой я особых взбрыкиваний не замечал в те годы. Или в своем глазу и бревна не видно? Или запомнить успел? Сомневаюсь, а все-таки беспокойство есть: как бы дров не наломать?

Тревога Рафаила Дмитриевича понятная и, я бы сказал, тревога радующая. Радующая, как всякое проявление повышенной ответственности отца за свои родительские обязанности.

Да, переходный возраст — беспокойное время. Он существует, этот особый период; одни ребята вступают в него несколько раньше, другие чуть позже. И у всех он сопровождается вполне стабильными внешними признаками: у мальчишек ломается голос, пробиваются усишки, девочки приобретают плавно очерченную фигуру. Изменения внешние сопровождаются значительными сдвигами в психике подростка, в его характере.

И все-таки я должен заметить: если ваша дочь или ваш сын получили нормальное, правильное, спокойное, доброжелательное воспитание в первые годы жизни, никакие особые потрясения вам не грозят. Правда, кое-что потребует своевременной деликатной корректировки.

Переставая быть ребенком, человек торопится получить признание своей взрослости. Ради этого признания он готов, задыхаясь от отвращения, курить самые дрянные сигареты, «хлопнуть» с удалью заправского прожигателя жизни стопку водки, готов сцепиться в словесном поединке с самым отпетым сквернословом, ввязаться в драку. И все это для того только, чтобы все видели: он не пай-мальчик, не маменькин сынок, он уже сам по себе — взрослый, самостоятельный, независимый...

Наиболее распространенная родительская ошибка: стараясь удержать «дитё» в рамках, ему усиленно напоминают: ты еще мал, ты не дорос, тебе рано...

Слова эти — что керосин на огонь! Таким рефреном добиваются лишь все увеличивающихся отклонений от нормы, отклонений естественных и в принципе не страшных.

Какой бы я рекомендовал сделать профилактический вывод?

Прежде всего согласимся — подрастающие дети нуждаются в большей мере нашего родительского доверия. И дадим им это доверие. При этом не откажемся от контроля, но форму изменим — прямого спроса будем применять поменьше, а советоваться — «как нам быть?» — станем значительно чаще.

И что еще важнее — это вовлекать подростков в круг наших взрослых интересов, наших взрослых забот, семейных проблем. Вовлекать не понарошку, как говорят дети, а на основе честного партнерства...

Веню уже и к врачу водили. А толку пока никакого. Вся жизнь у него — в спорте, точнее, в футболе. Он успешно сражается за мальчишескую команду при клубе Советской Армии и болеет с такой яростью, что, когда у его фаворитов случается неудача, мальчишку охранять надо, глаз с него не спускать.

Однажды отец, рассердившись на сына, строго-настрого запретил Веньке уходить в одну из суббот на стадион. И сколько мальчишка ни объяснял, что в четыре часа начинается самый важный, самый решающий матч армейских футболистов, отец его доводам не внял, запрещения не отменил, а уходя из дому, для большей надежности, запер квартиру.

И что вы думаете?

Венька вылез в окно, спустился с третьего этажа по зачаленному о радиатор парового отопления электрическому проводу и все-таки удрал на стадион.

Мать от Веньки плачет. Учителя страдают. Отец — лупит.

И теперь к врачу водили, но толку все нет: переживает каждое поражение так, что неизвестно, чем все может кончиться.

Думаю, вспоминаю годы, когда сам занимался спортом, советуюсь со старыми, опытными педагогами, замечаю: как-то не очень всерьез принимают люди мой разговор.

— Болельщик! Чего вы хотите...

— Видно уж такой характер, сангвиник мальчик, подрастет, пообкатается — спокойнее станет.

— А невропатолог что говорит? Практически здоров? О чем же тогда волноваться? Утрясется, дайте срок.

Наконец я встречаюсь с Венькиным тренером. Мсгучий, начавший седеть мужчина, хорошо мне улыбается, и выслушав с полным вниманием, убежденно говорит:

— Так это же хорошо! Это — отлично! Патриотом клуба растет! А повышенную эмоциональность мы снизим, точно, снизим: вот только чуть повзрослеет, сейчас еще рано, увеличу ему нагрузки, прибавлю общефизическую подготовку, и, не беспокойтесь, за три месяца станет мальчик как мальчик...

Почему-то мне приходит в голову спросить симпатичного тренера:

— Скажите, а как вы учите своих мальчиков проигрывать?

— Не понимаю. Я учу их побеждать, это грудная и долгая наука, в двух словах не расскажешь...

— Простите, но ведь так не бывает, чтобы вся жизнь проходила по вершинам славы — от победы к победе, особенно в спорте. Если кто-то всегда побеждает, значит, другой должен всегда и непременно терпеть поражение, и непонятно, почему постоянно терпящий поражение вообще соглашается участвовать в соревнованиях. Борьба без надежды — ну может ли быть что-нибудь нелепее? Мне кажется, мальчишек надо учить побеждать и одновременно готовить их к возможным и даже неизбежным поражениям...

— Поворот несколько неожиданный. Но, откровенно говоря, что-то разумное в подобной постановке вопроса, пожалуй, имеется.

Предлагаю: попробуем разобраться по порядку и не спеша.

И мы разбираемся.

Это отнимает уйму времени: наблюдаем за мальчишками, беседуем с прославленными мастерами спорта, обращаемся за консультацией к ведущим психологам. Постепенно вырисовываются главные рекомендации, которые можно адресовать всем причастным к воспитанию ребят. Установка на победу — правильная! Однако такая точка зрения не может автоматически исключать возможности неудачи. Победитель, ведущий себя благородно, — дважды победитель. Проигравших не унижают ни словом, ни намеком. Это — закон! Всякое хвастовство, высокомерие победителей — величайший позор!



Это наш общий с тренером вывод. А вот что я хотел бы добавить особо: проигрывать приходится не только в спорте. Несостоявшаяся дружба, ошибочное знакомство, неуспех на работе, наконец, двойка за очередную контрольную работу — все это тоже поражения. Чаше или реже, но они неизбежны, и переносить их, не теряя собственного лица, не впадая в панику, оставаясь оптимистом не для публики, но, что куда важнее, перед самим собой, — искусство, дающееся не сразу.

К бесконечному списку наших родительских обязанностей — ничего не поделаешь! — приходится приплюсовать: учить детей достойно проигрывать.

Не овладев этим умением, трудно, очень даже трудно прожить по-настоящему счастливую жизнь...

Вид у этого человека растерянный, взвинченный и одновременно такой несчастный, что невольно хочется погладить его по голове и сказать:

— Ну, не надо, не огорчайтесь так ужасно; что бы ни случилось, жизнь все-таки продолжается и совершенно безвыходных положений почти не бывает. Кто вас так расстроил?

Оказывается, сынок. Маленький, худенький, с льяняной головкой, с ресничками, как у девочки, длинными и загнутыми вверх...

— Понимаете, врет, беспардонно врет, смотрит мне в глаза своим ангельским взором, и хоть бы ему что! А у нас никто в семье не врал. И что дальше с ним будет, если с таких лет врет?

— А еще у вас какие претензии к сыну?

— Еще? Нет-нет, больше никаких. Но это ужасно — врет и не смущается, даже глаз не отводит, — снова начинает горячиться и выходить из себя папа.

— Вы ошибаетесь, — говорю я, — ваш Валька не врет. Только не горячитесь, папа, и постарайтесь понять.

— Ну что вы говорите, как не врет?! Пришел из школы и сообщает, что ребята поставили его смотреть за улицей, когда сами собирались грабить квартиру. Меня, знаете, чуть инфаркт не хватил. А оказалось, никто никакой квартиры грабить не собирался и Вальку никуда не ставили. Навыдумывал, а для чего?..

— Вот видите, вы же сами подтверждаете: не врет ваш Валька, а сочиняет. Сочиняет неправду. И свято верит, что так могло быть, или еще будет, или должно быть, или хорошо, если бы было. Это фантазия!

— Ничего себе фантазия! Плетет неизвестно что. И откуда такие заскоки, откуда такое странное направление мысли?

— Поймите, в том, что рассказывает, сочиняет, выдумывает ваш сын, нет злонамеренного обмана, это осечки воображения.

— И что же мне делать? Он будет плести, с осечками или без осечек, а я — слушай и радуйся?

— Ну зачем же так? Разоблачайте, только с осторожностью — без крика и без оскорблений, не навешивая на ребенка бирок отпетого вруна, или брехуна, или чего-то еще в подобном роде. Заметьте, папа, один выдающийся педагог сказал так: «Оскорбление поднимает из тайников человеческого подсознания грубые, иногда звериные инстинкты». Будьте терпеливы. А вообще-то это необузданное «сочинительство» чаще всего проходит самой собой, если не придавать ему особого значения и драматической окраски.

Многие самые выдающиеся педагоги утверждали, что процесс воспитания личности завершается в первые три—пять лет жизни ребенка. Все, что происходит в последующие годы, — перевоспитание. У меня нет данных, чтобы опровергнуть или подтвердить точность названного срока, но одно несомненно: воздействие, оказываемое на маленького ребенка, оставляет чрезвычайно прочный след во всей его последующей жизни.

Между прочим, это одна из причин, по которой я в этой книге уделил больше внимания малышам, чем подросткам. Прочное начало должно иметь хорошее и спокойное продолжение! Чем надежнее удастся поставить на ноги малышей, тем меньше огорчений они нам доставляют, превращаясь в отроков и отроковиц...

Кстати, мне лично неизвестны никакие особые воспитательные приемы для подростков.

Искренность, спокойная доброжелательность, последовательность... — все эти качества универсальны, применимы и к дошкольникам и к студентам.

В общении с подростками, с теми, кого нам приходится не столько воспитывать, сколько перевоспитывать, особое значение приобретают лишь нюансы, полутона. Если вам удастся найти такую линию поведения, что ребята признают вас «своим парнем» (конечно, без подлаживания, без заискивания перед младшими), вы наверняка сумеете достичь большего, чем десять других формально авторитетных взрослых.

И к овладению этой «высотой» есть одна важная обходная тропа.

Вы замечали: взрослея, почти все ребята приобретают особый вкус к спорам? Они готовы ввязываться в любые словесные перепалки, заходит ли речь о пришельцах из иных миров, о тайне Атлантиды, НЛО — неопознанных летающих объектах, сути клинической смерти, возможности моделирования деятельности головного мозга...

В этот период становления им нередко все равно о чем спорить, важно — спорить, самовыражаться, быть в центре внимания.

Спорить с ребятами трудно — недолго и сорваться, недолго применить запретный прием, вроде: малы еще толковать об этом!..

Но спорить с ними необходимо!

Каждому понятно: дети не вырастают здоровыми, если им не давать ежедневную порцию витаминов. Точно так же подростки не мужают, как следует, если они не спорят, не учатся отстаивать свою точку зрения, формулировать свое мнение, утверждать свои самостоятельно выношенные мысли...

Спорить без запальчивости, не оскорбляя собеседника, даже если он твой яростный оппонент, не переходить на личности и, главное, быть всегда доказательным — на это способны далеко не все взрослые, как же овладеть этим искусством подросткам? Выходит, научить ребят спорить — тоже наша задача. И не просто спорить, а вести спор правильно.

Я думаю, это не менее важно, чем привить ребятам навыки обращения с ножом и вилкой. И мне совершенно непонятно, почему так называемым правилам хорошего тона мы готовы уделять и время и силы, а от обучения искусству спора большей частью уклоняемся? Может быть, потому, что не чувствуем себя готовыми? Но это не оправдание.

Давно уже замечаю: родители, не преуспевшие в чем-то, очень стараются, чтобы их подрастающие дети «приняли эстафету» и пробежали дистанцию лучше, чем в свое время это сделали мама или папа...

Тамара Наумовна не стала в свое время пианисткой. Слышали бы вы, как она корит за это своих семидесятилетних родителей и с каким энтузиазмом приучает к инструменту восьмилетнюю дочку Эллочку, хотя у бедной Элочки музыкальные данные — как у дятла...

Леон Павлович не сделался гордостью футбольной команды тбилисского «Динамо», и эту его боль не могут утишить звания доктора технических наук, заслуженного деятеля науки, лауреата. Вся надежда на Гоги, на сына.

Леон Павлович лично руководит Гогиной зарядкой утром. Руководит с балкона, в то время как Гоги бегают по двору, приседает, поднимает водопроводную трубу (вместо штанги), отжимается, упираясь в край садовой скамейки, и исполняет ряд других «номеров».

Леон Павлович не реже двух раз в неделю заезжает в спортивную школу и с пристрастием допрашивает старшего тренера детской секции, как успехи Гоги и в каком направлении надо (конечно, надо!) на него поднажать.

Леон Павлович лично контролирует питание сына и даже изобрел особую систему подсчета компенсации энергозатрат начинающего спортсмена...

Все идет так, как задумал фанатик папа. Но папа не все замечает. Или, может быть, не хочет замечать.

А я вижу. Гоги ладный, жилистый мальчишка, такой, знаете, молодой скакун, и глаза у него чем дальше, тем грустнее становятся, как у заарканенного жеребенка...

Пока он еще повинуется — и бегают, и приседает, и толкает трубу... Но уже без радости. И мне жаль мальчишку, потому что я знаю: «Спорт становится средством воспитания тогда, когда он — любимое занятие...» — это заметил В. Сухомлинский, очень точно заметил...

Не выдерживаю, иду к Леону Павловичу. Мы обмениваемся обычными любезностями, принятыми между добрыми соседями, потом, выдержав приличествующую случаю паузу, я спрашиваю:

— Скажите, пожалуйста, Леон Павлович, какая разница между ключом и отмычкой?

Он взглядывает на меня с подозрением, но я сохраняю полную невозмутимость и стараюсь всем своим видом показать, что интерес к проблеме у меня чисто технический.

Леон Павлович объясняет, увлекается, смеется, и я узнаю: функциональной разницы в этих двух предметах нет, оба служат единой цели — открывать запертые замки; разница в инструментах конструктивная, методологическая — в эксплуатации, ну и, так сказать, правовая: ключ — хорошо, а отмычка — плохо. Хотя, если захлопнулся сейф, если потерян ключ, есть специальная служба вскрытия...

Все идет очень мило. Благодарю папу, перевожу разговор на сына.

— Так, знаете, хочется из него человека сделать, не могу передать. Гоги хороший мальчик. Послушный, умный, нормальный ребенок, — говорит папа. — Но что это за мужчина? Мышцы ему еще качать и качать. Я, когда молодым был, очень хотел за тбилисское «Динамо» играть, но у меня отец был строгий, старых понятий человек был. «Это что такое, — сказал, — без штанов бегать, мячик пинать? Не будешь. Учиться будешь, головой работать будешь!» Испортил мне жизнь мой уважаемый отец, пусть земля ему будет пухом. Но я этого по отношению к моему сыну не допущу, я все для Гоги сделаю...

— Леон Павлович, дорогой, извините, что я вмешиваюсь, но я очень хорошо отношусь к вашему сыну и потому не могу не сказать: все-таки двери лучше открывать ключом, а не отмычкой. А вы к Гоги с отмычкой подступаете. Не обижайтесь, я от души, от чистого сердца это говорю.

Гоги хороший мальчик, но он не родился футболистом, и мне его очень жаль...

— Собственно, мне жаловаться не на что: для своих лет Борис человек как человек — учится нормально, безобразий никаких не устраивает, претензий особых нам, родителям, пока не предъявляет... И все-таки... — Антон Гаврилович молчит какое-то время, смотрит вдаль, хмурится, будто припоминает что-то чрезвычайно важное, ускользающее.



Стараясь помочь собеседнику, говорю:

— Скажите, пожалуйста, а Боря ваш читать успевает или цикл «школа — телевизор — школа» у него, как у многих теперь, получается замкнутым?

— Нет, отчего же замкнутый. Он читает...

— Не припомните, какой именно литературой увлекается?

— Да разные, знаете, книжки Боря читает. Вот недавно я у него Станислава Лема на столе видел, Бальзака — том из собрания сочинений, коричневый такой, с красным кирпичиком на корешке... И этого, ну, все им увлекаются... как же его? А-а, Юлиана Семенова читает...

— Насколько я могу понять, Боря читает без программы и дальнего прицела — что попадает под руку, то и читает?

— Пожалуй, — соглашается Антон Гаврилович.

— Скажите, а как Борис проводит время вне школы и вне дома: где бывает, с кем общается, куда и к кому его тянет?

— Иногда, но не часто, ходит в кино. Если в школе организуют экскурсии, большей частью принимает участие. Вот в прошлом месяце брал у меня трешник, ездил с ребятами в Монино, там какой-то авиационный музей есть; а перед этим, жена говорила, посещали они всем классом Третьяковку. Что касается товарищей Бориса, ничего определенного не могу сказать — мальчики, девочки... Заходят, уходят... Обычные вроде ребята.

— Значит, ярко выраженных увлечений, отчетливых склонностей вы за Борисом не замечаете? Или все-таки вам что-то известно, Антон Гаврилович?

— Бывают мальчишки — ну целиком и полностью на виду. Один — собак гоняет, другой — рыбок разводит, третий — марки собирает или в летчики собирается. И весь двор знает, кто собаковод, кто филателист, а кто — Покрышкин. Про Бориса нашего так не скажешь. Что-то, я думаю, он про себя, конечно, сообщает. Как-никак большой уже, семиклассник. А ежели открыто признаться, то, как говорят в народе, чужая душа — потемки. Мало чего определенного я про него знаю.

— Как вы сказали, повторите, пожалуйста?

— Что повторить?

— Как говорят в народе...

— ...чужая душа потемки.

— Это худо, Антон Гаврилович! Не хочу пугать, но это очень худо: «То, что упущено в детстве,— следую за Сухомлинским,— никогда не возместить в годы юности и тем более в зрелом возрасте». Если вы, милый человек, в ближайшие месяцы не сумеете узнать душу вашего сына, понять, чем он живет, позже это вам уже не удастся. А тогда вам предстоит превратиться... ну, как бы это сказать, в... однофамильцев.

Антон Гаврилович ушел от меня с опущенной головой, а я решил еще раз проверить себя по Сухомлинскому, и вот что нашел: «Воспитание, лишенное повседневного духовного общения детей с родителями,— ненормальное, уродливое воспитание, как ненормальна, уродлива жизнь родителей без постоянной заботы о детях».

Все мы, родители, собственники.

Мой сын! Моя дочь! В этих словах и гордость наша, и надежда, и, разумеется, абсолютная убежденность в праве влиять на детей, наставлять их, руководить ими.

Все в общем-то верно, но...

Когда жизнь текла размеренно и неспешно, ремесла, полученного смолоду, хватало на всю жизнь. Скажем, отец-кузнец, воспитавший сына-кузнеца, наследника и продолжателя своего, мог быть совершенно спокоен — сын проживет не хуже отца. Это время ушло и теперь представляется идиллической страничкой наивного прошлого.

Три-четыре раза за жизнь вынужден менять современный человек свою квалификацию; инженерного диплома едва «хватает» на пять — семь лет, если знания не пополняются ежедневно. Нынешние выпускники ПТУ начинают свою самостоятельную трудовую жизнь на том профессиональном уровне мастерства, к которому их деда поднимались в течение всей жизни шаг за шагом, умываясь соленым потом, сбивая в кровь руки...

Но почему я говорю об этом здесь?

Мне кажется, что едва ли не половина конфликтов, возникающих между родителями и детьми, особенно

детьми взрослеющими, возникает по нашей вине, вине взрослых.

Мы нажимаем на собственническое, старинное восприятие детей: мой сын, моя дочь! И стараемся не замечать, как стремительно они растут, развиваются, как отрываются от нас...

Мой сосед осуждает своего сына за то, что тот день-деньской возится с проигрывателями, магнитофонами, транзисторными приемниками. Учиться не успевает.

Спрашиваю соседа:

— Все музыку слушает?

Отвечает:

— Больше поет...

И невдомек моему соседу: это же электронный век пришел к нему в дом. Это само время явилось на постой в его квартиру. И мальчишка у него не лоботряс, просто он дитя своего времени.

Мы охотно учим наших детей. И это естественно, нормально. Но почему бы нам не поучиться у них кое-чему?

Пятнадцатилетняя дочь моего близкого друга вернулась из двухнедельной обменной поездки в Англию. Весь ее класс ездил. Смею уверить, ее путевые впечатления, особенно те, что касались организации школьного дела в Великобритании, представляли несомненный интерес...

Я охотно общаюсь с мальчишками из технической секции Дворца пионеров. Эти ребята делают прекрасные, вполне серьезные и современные вещи — модели, приборы, настоящие механизмы...

Но интереснее и поучительнее самих работ для меня тот яростный максимализм, с которым юные техники обсуждают, так сказать, взрослую, каждодневную технику.

Они готовы переделать все — от огородной лопаты до космического скафандра. И что примечательно: в этом своем стремлении они вовсе не разрушители, как нам, взрослым, порой кажется, а созидатели, неутомимые усовершенствователи.

И я очень ценю эту их критическую отвагу...

Очень советую всем поотставшим от спорта, огруженным взрослым побывать в обществе спортсменов-подростков, и не обязательно чемпионов, рекордсменов. Побывайте в среде юниоров. И если вы не зара-

зитель от них оптимизмом, не ощутите прилива сил и радостного изумления — откуда что берется у этих ребят, — значит, с вами что-то не в порядке...

Наше высокомерие по отношению к собственным подрастающим детям вредит, конечно, в первую очередь им, но и нам тоже. Оно отнимает у нас огромные порции радости, рождаемые настоящим честным партнерством, которое в силу принятого порядка на свете можем установить только мы.

Мы — можем, а они — нет!..

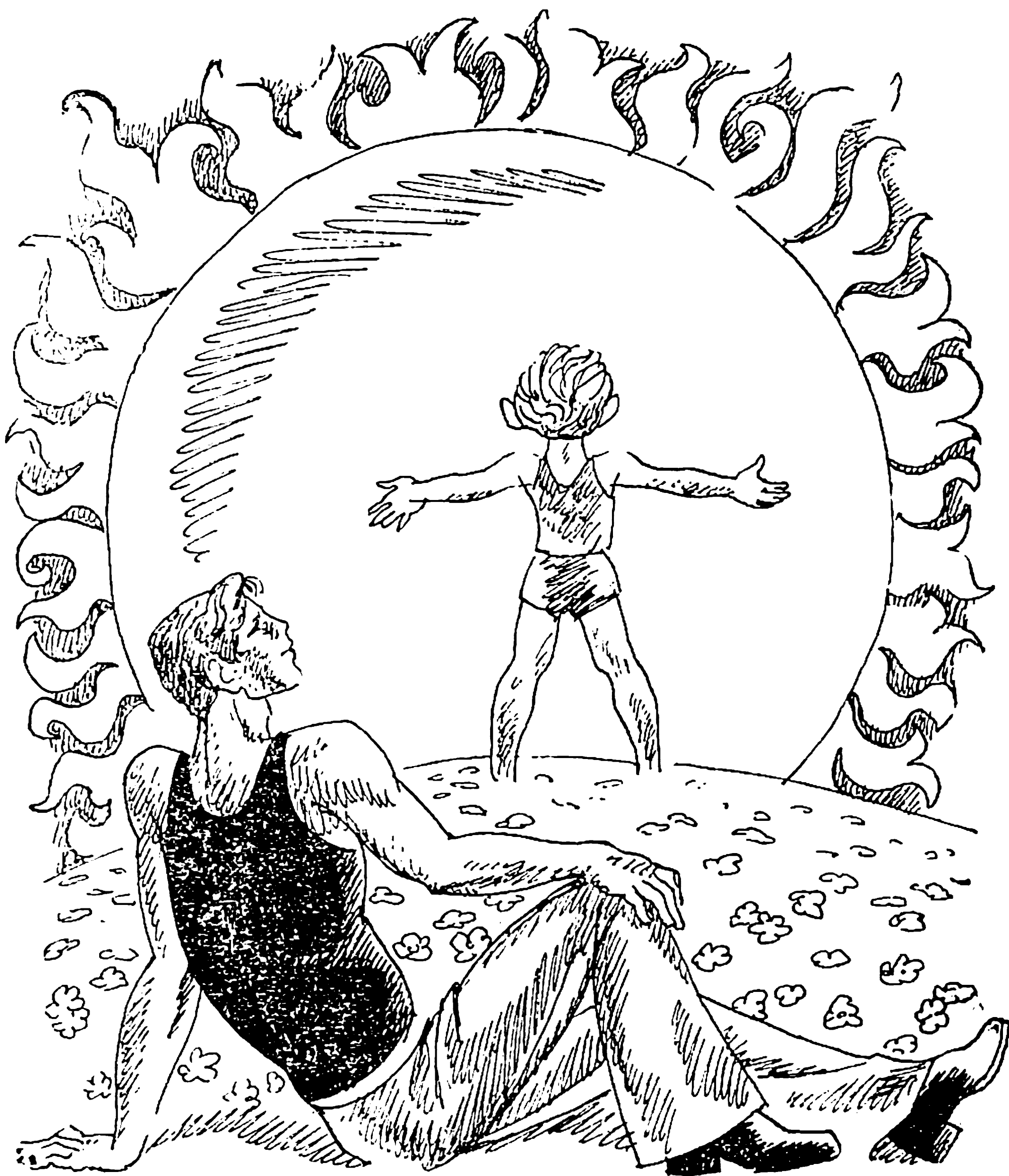
Не трудно предположить: кто-то из читателей на этой ли, на другой ли странице решит притормозить и спросит автора:

— Вот, рассказываете вы про Вовок, Петечек, Тань и Нин, показываете бестолковых родителей — и того не понимают они, и это не так делают, а дальше что? У меня вот тоже свой балбес растет, каждый день с ним что-нибудь да случается. И раз уж вы взялись давать советы, то, будьте любезны, скажите, что мне делать, а чего не делать в том или другом случае. Я чего хочу? Чтобы можно было открыть книжку, справиться и поступить в соответствии с научной рекомендацией. Вот такая книжка нужна. А рассуждать вокруг да около каждый может.

Если принять точку зрения моего гипотетического оппонента — боюсь, что такой книжки не написать. Воспитание ведь лишь отчасти наука, а в большей степени, пожалуй, искусство. И как всякое искусство, оно не поддается слишком строгой регламентации.

Воспитывать — значит творить, то есть сжигать собственное сердце и всякий час искать, думать, сравнивать, переживать, волноваться.

Вот почему я стараюсь дать в этой книге возможно больше примеров, шире показать порой и противоречивый опыт разных людей, осветить наиболее яркие случаи из воспитательной практики. Факты — первооснова мыслей, в том числе, разумеется, и ваших мыслей...



## ПОКАЖИТЕ ИМ РАДУГУ

Приехал я, как было договорено, ровно к двенадцати. И первое, на что обратил внимание, даже не вступив еще на территорию, а только приблизившись к воротам пионерского лагеря,— подозрительно тихо было кругом и — безлюдно.

Вскоре, однако, живая душа обнаружилась, и был у этой души весьма смущенный вид:

— Понимаете, как неловко... Предупредили. Объявления еще на той неделе развесили. Список книг — то-



же. Все, как полагается, сделали, а они, дети... Только вы не обижайтесь — дети же...

— Где дети, что-то я их не вижу? Случилась какая-нибудь неприятность? — встревожился я.

— Да вот сбежали... Мы уже приняли меры, сейчас все будет в порядке...

Не без труда и не сразу удалось выяснить: весь лагерь — весь! — сбежал на совхозную конюшню смотреть, как будут впервые запрягать молодых лошадок. Городские ребята, выросшие на асфальте, стиснутые каменными берегами столичных улиц, такого никогда, естественно, не видели, и я вполне понимаю их выбор: лошадь, сопротивляющаяся первому хомуту, или обыкновенный писатель? Конечно, лошадь!

Я и сам бы выбрал лошадь!

Потом они вернулись.

Потом я выступал.

Потом ехал домой.

И удивительно хорошо мне было в этот день.

Пока в ребенке живет любознательность, еще ничего не потеряно!

«Гвоздь» первого праздника, который мы, взрослые, устраиваем малышам, вовсе не обязательно в конфетах, пирогах, вообще в угощении и атрибутах наших собственных развлечений. «Гвоздь» первого ребячьего праздника, я убежден, — в параде ликующей любознательности!

Наде было два года, когда я взял магнитики, один положил поверх газеты, а другим стал двигать под газетой. А в комнате в это время звучала тихая магнитофонная музыка, и мы с внучкой радовались, удивлялись, приходили в ужас...

Чему удивлялись?

Да ведь магнитики исполняли номер из таинственного и непостижимого балета!

И какое это было событие — дотронуться до «живого» магнитика! Надо же было решиться...

Потом, расхрабрившись, Надя сама меняла магнитики местами и сама водила ими. И долго-долго не было конца ее маленькой радости.

Я вовсе не пытался объяснять двухлетнему ребенку физическую суть магнетизма или растолковывать,

что есть полюса и как укладываются силовые линии в спектр. Для начала хотелось лишь удивить девочку, расшевелить в ней чувство живой любознательности. Кажется, мне это удалось!

Праздник начинается в семье, в общении с близкими, в открытии их — мамы, папы, бабушки, дедушки, сестры, брата...

Праздник такого открытия будет непременно нарушен, если маленький человек, чуть раньше или чуть позже, обнаружит, что между родителями нет единого мнения. Ну, скажем, папа считает, что Вову «возмутительно кутают» и стелят ему «как какому-нибудь принцу», а мама и бабушка придерживаются прямо противоположного мнения...

Будьте уверены, обнаружив, что единого мнения в доме нет, Вова очень быстро сообразит, как извлечь выгоду из создавшегося положения. Он непременно станет просить у отца то, в чем ему отказывает мать, а к маме с бабушкой обращаться в случаях, «не проходящих» у папы...

Ясно, что у родителей могут быть разногласия. Но если только вы желаете счастья своему ребенку, старайтесь находить компромиссы, делайте это, разумеется, без его участия и не в его присутствии, чтобы он даже не догадывался о «тайном сговоре» мамы с папой...

В большинстве семей о призвании ребенка начинают думать много раньше, чем сам он оказывается способным что-то сказать по этому далеко не маловажному поводу. Случаются тут и удачи, случаются и огорчения. Прежде чем пытаться понять, почему бывают неудачи, прежде чем говорить, как их избежать, снова сошлюсь на пример.

Лене было шесть лет, когда родители решили поставить девочку на коньки.

Ясно, чтобы поставить человека на коньки, нужны прежде всего коньки.

Какие?

Решили: пусть у нашей Лены будут самые-самые. И купили фигурные.

Дальше вроде само собой получилось: раз есть фигурные коньки с ботинками, надо из девочки делать фигуристку. Старались, делали. Но не вышло.

Причин было много, но главными оказались две: во-первых, школа фигурного катания находилась далеко от дома и трудно было возить Лену на занятия, а во-вторых, там, в школе, особого таланта у нее, к сожалению, не обнаружили...

К тому же кончилась зима. За лето Лена выросла из ботинок, и к «вопросу фигурного катания» никто больше уже не возвращался.

Осенью взяли напрокат пианино.

Почему вдруг пианино?

— Как знать, а может, у ребенка способности, вдруг — слух? Бывают же такие случаи?!

К тому же соседка по лестничной клетке — музыкальный работник — предложила родителям: давайте позанимаюсь с вашей девочкой. И вознаграждение за домашние уроки назначила самое умеренное.

Но и тут ничего не вышло.

Во-первых, пианино занимало слишком много места в тесноватой квартире; во-вторых, Лена проявляла слишком мало энтузиазма; в-третьих, внезапно обнаружилось, что компетенция преподавательницы музыки более чем сомнительна. Словом, родители отказались от услуг любезной соседки, все начинание лопнуло.

С восьми лет Лену стали обучать английскому языку, плаванию, брали девочку во взрослые туристические походы.

А время шло. И пробы продолжались.

Что представляется мне самым огорчительным во всей этой истории?

Лена подросла, вполне сложилась и к пятому классу научилась весьма бойко пересказывать воспитательные идеи своих родителей:

— Если не перепробовать всего-всего, — скрипучим голосом объясняла она в свои двенадцать лет, — то можно пропустить как раз самое главное...

Нет, я не возражал девочке. Какой смысл возражать, когда и слова были не ее и интонации чужие?

Я возражаю Лениной маме теперь, здесь:

— Скажите, а не приходило вам в голову: чтобы «перепробовать все-все», может просто не хватить жизни? Это раз.

И как определить момент: когда пора остановиться? Вы не опасаетесь, что ваша дочь может так и про-

прыгать год за годом от одного увлечения к другому, пока не упустит главного — времени? Это два.

Вы пытались понять: для чего вообще человеку нужны фигурное катание, лыжи, плавание, занятия музыкой, иностранным языком и прочая и прочая?

Конечно, можно ответить — для укрепления здоровья, для гармоничного развития личности. Формально такой ответ будет правильным. Но есть ведь и другая, необыкновенно важная сторона дела: катаясь на коньках, спускаясь с заснеженных холмов на лыжах, исполняя Шопена, общаясь с заокеанским гостем на его родном языке, человек празднует! Он утверждает-ся в радостной мысли: могу!

А для того чтобы действительно мочь, необходимо достигнуть какого-то уровня совершенства хоть в чем-то. Когда же человек там нюхнул, тут лизнул и помчался дальше, о какой радости говорить?

И виноваты в этом вы, мама.

Не нарочно, но все-таки это вы отняли праздник у собственной дочери.

Попробуем без обид спокойно разобраться: почему так случилось?

Здесь мне невольно приходится вступать в область предположений. И я постараюсь быть осторожным.

Возможно, фигурные коньки купили Лене потому, что у мамы, когда она была маленькой девочкой, таких коньков не было. Не исключено, что, сидя перед телевизором и наблюдая за очередной Леной Водорезовой, мама неожиданно подумала: «А чем моя Лена хуже?» И померещился маме пьедестал почета, сияние золотой медали, алый стяг, всплывающий к вершине флагштока...

Людам свойственно мечтать о большем, чем они имеют. И желать этого большего, и если не для себя — для себя поздно, — то для своих детей.

Могли быть, разумеется, и другие побудительные причины. А чем все кончилось — известно.

Стоит ли продолжать? Едва ли. Число предположений может быть бесконечно большим, но какой смысл в них, если суть и так открывается: не о становлении характера Лены думали родители, не о ее призвании и способностях, они просто тешили свое честолюбие, грезили о реванше за нереализованные мечты собственной юности.

Конечно, ни мама, ни папа даже друг другу никогда в этом не признаются. Но зачем кривить душой перед своей совестью? Было ведь так или приблизительно так.

А как бы должно быть?

Допустим, вы решили: пора приобщить сына (или дочь) к спорту.

Тут много «за», и прежде всего — полезно.

С чего, однако, начинать?

Первейшая задача: наставляя Колю на спортивную дорожку, не ориентировать сына на будущие лавры — будут они или нет, этого ведь никто сказать пока не может, а сделать так, чтобы ребенок получал удовольствие от преодоления барьеров, буквальных и фигуральных, без которых спорт существовать не может.

Спортивные занятия, не приносящие радости, непременно превращаются в наказание, в каторгу. И радость на первых порах куда важнее, чем выбор вида спорта, чем первые достижения.

Да-да, ни вид спорта, ни успехи в начале пути не самое главное.

Вполне возможно, начав с гимнастики, перейти в секцию самбо или сменить занятия лыжами на баскетбол. Но прежде всего — это задача № 1 — подчинить себе собственное тело!

Пусть ваш ребенок испытает растущую уверенность, втянется в регулярные занятия, поймет, что такое спорт. И тогда можно будет скорректировать первоначальный выбор. Но не раньше!

Увлечение спортом всего лишь пример.

Скажем, вступление в любой технический кружок или приобщение к самодеятельности, должно, я полагаю, происходить по той же «схеме»: окунувшись, сколько-то проплыви, чему-то научись, достигни известного рубежа и только потом решай: мое это дело или не мое?

Конечно, ребенок может ошибиться, и обязанность родителей — помочь ему разобраться...

Совсем маленькая девочка сидит на скамейке и, задржав головенку, смотрит на быстро бегущие весенние облака. И тут с ней происходит то, что происходит с каждым, кто смотрит из окна стоящего вагона на



встречный поезд: представляется вдруг, что поехал твой вагон. Девочка радостно восклицает:

— Ой, дом пошел!

И как это важно — не буркнуть раздраженно:

— Не болтай глупостей! Дома не ходят! Это облака перемещаются над крышами...

Что такое относительность движения девочка узнает в школе, да и сама она очень скоро научится отличать истинное движение от мнимого. Об этом беспокоиться нечего. А вот не спугнуть первой радости — пусть и ошибочного — открытия действительно важно.

Когда шестилетний Вадим впервые в жизни увидел радугу в половину неба, он пустился в пляс и пел, импровизируя какой-то совершенно немыслимый текст; в нем поднялось и выплеснулось наружу нечто дикарское, первобытное...

Мальчик так радовался, так торжествовал по случаю этой встречи с радугой, что все окружавшие взрослые люди готовы были пуститься в пляс вместе с ним.

Радуга — праздник жизни! Невесомый мост в неизвестные и уже потому замечательные радости. Так, вероятно, воспринял этот феномен природы Вадик.

Помнится, я рассказал о Вадике старому, опытному педагогу, воспитавшему на своем веку не одну сотню ребят, и он понял меня, я это почувствовал сразу по выражению лица, по сгустившимся вокруг глаз морщинкам, и тихо сказал:

— Жаль, радуга так редко бывает...

— Но кто нам мешает, — сказал я, — придумывать и зажигать для них наши собственные радуги?

И он снова понял меня и так же тихо сказал:

— Только не стоит делать это слишком часто, чтобы не привыкали...

Давно уже было замечено: каждый ребенок — поэт. Чем дольше нам удастся сохранить в ребенке поэтическое, отзывчивое на красоту внешнего мира чувство, тем, конечно, лучше: поэзия учит доброте и непременно возвышает человека...

«Человек стал человеком, когда услышал шепот листьев и песню кузнечика, журчанье весеннего ручья и звон серебряных колокольчиков жаворонка в бездонном летнем небе, шорох снежинок и завывание выюги за окном, ласковый плеск волны и торжественную тишину ночи, — услышал и, затаив дыхание, слу-

шает сотни и тысячи лет чудесную музыку жизни,— так пишет Сухомлинский. И заключает свою мысль, обращаясь к своим воспитанникам: — Умей и ты слушать эту музыку, умей наслаждаться красотой».

Мне представляется очень важным устраивать для ребят, особенно тех, что растут в городских кварталах, праздники — встречи с открытым миром природы.

И не так важно, как именно вы организуете этот праздник — многое тут зависит от реальных условий,— как вы его проведете, важно — чего достигнете.

Мне видится, например, ранняя, очень ранняя пробудка, поспешный завтрак, пеший «бросок» к вокзалу по совершенно пустынным, продутым холодным ветром улицам, унылый стук колес, качающийся вагон электрички, озноб и слипающиеся веки...

Ради чего?

Чтобы, поднявшись на холмик, впервые в жизни увидеть, как встает из-за реки не загороженное скучными коробками домов его величество Солнце!

И никаких слов при этом! Никакого комментария, насыщенного полезными астрономическими, метеорологическими, литературными и прочими сведениями, которые сами по себе очень хороши,— но...

Информацию оставить на потом, отложить до дома или до класса.

А в это утро пусть ребенок переживает восход солнца. Первозданный. Естественный. Такой восход, каким он был сто миллионов лет назад, и, хочется верить, будет еще бесконечно долго.

Пусть маленький человек прикоснется к вечности.

Встреча с солнцем или Праздник Весеннего Восхода, естественно, всего лишь один из бесчисленных вариантов, который можно предложить нашим ребятам.

Сколь старательно ни проводились бы уроки эстетики в школе, сколь значительно ни произносились бы самые верные слова о природе красоты и чувстве прекрасного, все они «не сработают» до конца, если будут ложиться на «лист чистой бумаги».

Сознание ребенка нуждается в подготовке к восприятию прекрасного. «Лист чистой бумаги» ждет предварительного покрытия чувствительным слоем, особой «эмульсией».

Как это сделать?

Прежде всего сталкивая ребенка с чудесами живой природы, ставя его лицом к лицу с лесом, рекой, небом...

Пусть впитывает без всяких «отметок» за успехи или неуспехи.

Хороший вкус, как и способность не просто пересказывать содержание живописных полотен, а ощущать их, входя в мир чувств художника, проникаясь его настроением, его тревогой, болью, радостью и сомнением, невозможно ввести с такого-то числа такого-то месяца. Эту способность приходится растить долго, последовательно, с любовью. И как ни грустно признаться, успех гарантирован не всегда.

Многое зависит от природных данных. Пожалуй, лучшее, что можно сделать, чтобы увеличить вероятность успеха,— прививать маленькому человеку чувство меры. Исполдволь и во всем.

И снова старайтесь, чтобы он чаще встречался лицом к лицу с природой.

Перспектива пронизанной солнцем лесной просеки. Дремлющая речная заводь. Скромные одуванчики на зеленой луговине. Колышущаяся под ветром рожь. Облака, в удивлении застывшие над дорогой. Подлинники природы, а не лучшие копии — вот образцы для воспитания чувства меры.

Хороший вкус — это на всю жизнь. Однажды воспитанный, он проявляется не только в оценках внешнего мира. Чуткая душа, с детства познавшая чувство меры, непременно найдет литературу Бунина, Стендаля, Лонгфелло, Чехова, Экзюпери, а не станет довольствоваться дешевыми заменителями, пусть даже и с очень занимательными сюжетами, пусть со стрельбой, погонями и детективным туманом...

И это тоже праздник, который мы, взрослые, можем начать готовить в ребенке, еще не научившемся читать.

Никогда не забуду той встречи: он уставился на меня и с абсолютной убежденностью произнес:

— Ну неужели я стану читать такую «кирпичину», когда все это можно спокойно посмотреть по «телеку»?

Он — Алька. Шестиклассник. Славный малый.

«Кирпичиной» он именовал классика (опущу имя, чтобы не срамить мальчишку).

И Алику было совершенно невдомек, что читать и смотреть далеко не одно и то же.

Совершенно нелепо отрицать или приуменьшать достоинства и заслуги телевидения — крупнейшего достижения не только технического, но и общечеловеческого прогресса. Но постоять за книгу, вступить за «старомодное» чтение, если мы не хотим обездолить Альку, отняв у него один из главных праздников, рожденных цивилизацией, я бы советовал.

Главное достоинство и безусловное преимущество печатного слова перед любым иным способом «массовой информации» — книгу ты выбираешь сам!

А с телепередачей как чаще всего бывает?

Включил приемник, взглянул мельком на экран и... прилип к стулу.

Кстати, поиск, выбор, первое знакомство с книгой — увлекательнейшее занятие. И если человек никогда не испытывал волнения, перебирая в каталоге одну карточку за другой, значит, он еще далеко не все познал в жизни...

Найти нужную, по душе книгу — радость, сравнимая разве что с открытием нового товарища, единомышленника, друга.

Ты выбрал книгу, ты погружаешься в нее, и это тоже надо обязательно растолковать Алику: процесс чтения — управляемый процесс: хочешь — поплывешь быстрее, хочешь — медленнее, желаешь — останавливаешься, возвращаешься несколько назад. Ты — хозяин! Захочешь — можешь выписать заинтересовавшую тебя мысль, неожиданно острую фразу, какую-то цифру. Иными словами, с книгой ты можешь работать.

Почему-то все родители бывают куда больше озабочены не тем, что читает их подрастающий ребенок, а достаточно ли бегло он воспроизводит текст, с выражением ли декламирует стихи, прочно ли запоминает прочитанное.

А ведь нельзя забывать, что XX век дал нам уже 50 миллионов книжных изданий! И разобраться в этом океане — задача далеко не простая.

Я глубоко убежден: с малых лет необходимо воспитывать в детях читательскую культуру, учить их пользоваться каталогами, справочниками, вести дневники прочитанного, делать заметки.

Если вам удастся приучить своих детей не просто «проглатывать» книги, а трудиться над ними, извлекать из книг возможно больше — считайте, что вы сделали очень много!

Представьте, ваш Алик читает книгу «Беседы об автомобиле». При этом он не ленится выполнить небольшую дополнительную работу: на карточке размером с почтовую открытку записать в правом верхнем углу: «АВТОМОБИЛЬ», а чуть ниже — фамилию автора: Ю. Долматовский. И рядом название книги, издательство, место и год выпуска...

И дальше делает пометки, передающие основное содержание книги:

1. История создания автомобиля.
2. В мире бизнеса автомобиль не только транспортное средство, но и «визитная карточка» хозяина.
3. Влияние автомобиля на человека.
4. «Форд» модели «Т» — первый массовый автомобиль.
5. Как улучшают автомобильные схемы... и т. д.

Алик знает — вы его приучили, — подобные заметки пригодятся, когда спустя какое-то время ему придется делать доклад о развитии техники или он захочет помочь товарищу, интересующемуся историей автомобиля...

Заполнение карточек не требует больших усилий, а польза — и прямая и косвенная — неоценима: ведь привычка систематизировать, хранить и «выуживать» информацию — важнейший навык современного человека. Пока Алик делит все книги на две категории. К первой он относит те, которые «проходят» в школе, их он желал бы увидеть экранизированными. Ко второй причисляет фантастические и приключенческие книги, которые он отыскивает среди прочей «лабуды» (это его словечко!).

О словарях, справочниках, вообще о подсобной литературе у Алика представление чисто теоретическое: такие книги тоже есть.

Как-то я спросил Алика:

— Скажи, пожалуйста, фары — это что? Откуда пошло такое название?

— Фары? — до чрезвычайности удивился Алька. — Ну, ясное дело, у автомобиля есть... дорогу освещают. Ну, и про глаза говорят — во «фары»!



Тогда я взял «Политехнический словарь», открыл его на слове «фара» и прочел: фара — первоначально — маяк, огонь маяка, от греческого «Фарос», название острова близ Александрии, знаменитого в древности своим маяком. Фара — электрический фонарь, устанавливаемый в передней части транспортной машины для освещения дороги. Оптический элемент фары состоит, как правило, из двухконтактной лампы с двумя нитями (для включения ближнего и дальнего света), стекла-рассеивателя и рефлектора-отражателя...

— Учись,— сказал я Алику,— во всей заметке восемнадцать строчек, а видишь, как все сжато, толково и обстоятельно рассказано.

Кажется, Алик призадумался. Похоже, словарь ему понравился.

Помню на одной из читательских конференций по моей книге «Мужчинам до 16 лет» мальчонка, весьма напоминавший Альку, задал вопрос:

— В вашей книге три раздела советов, в каждом по сто штук, значит, всего триста советов. Вот я и хочу спросить: вы все эти советы наизусть помните?

И он был, по-моему, очень удивлен, когда я честно ответил: всего я не только не помню, но и не стараюсь помнить. С меня достаточно того, что я знаю, где какой совет можно найти.

Между прочим, для этого я много лет вел и теперь веду картотеку (очень похожую на ту, о которой только что рассказал).

Словарей, справочников, энциклопедий существует множество. Чем скорее мы познакомим ребят с ними, привьем вкус и доверие к такого рода литературе, тем лучше.

О роли и совершенно особенном значении книги в человеческой жизни высказали свое мнение все великие предшественники. И едва ли сыщется теперь мракобес, способный призывать к ниспровержению или развенчанию книги. Однако это хорошее отношение, даже подкрепленное четкими и ясными высказываниями лидеров человечества, предстоит снова и снова переводить из теории в практику — практику каждого нового поколения читателей.

И тут усилий одних только учителей и библиотекарей явно мало, забота о ребячьем чтении — всеобщая забота: и мам, и пап, и бабушек, и дедушек...

Никогда не устану повторять: праздник не только день рождения! Если ребенок правильно воспитан, праздник для него — всякий взлет над обыденностью, всякое открытие нового, всякое удивление...

В связи с этим — несколько слов о романтике.

Принято считать: романтика — это алые паруса, бригантины, берущие за душу песни у походных костров, прославленные геологи с гитарами, это суровые ледовые капитаны или улыбающиеся с экранов телевизоров космонавты...

Верно, конечно, где романтика, там всегда исключительность.

Но вот как говорит об этом Константин Петрович Феоктистов, ученый, космонавт, герой:

«Романтика — это лишь тень, которая таится в неизведанном, в нерешенном, в неисхоженном мире. Она отступает по мере того, как человек ставит точки там, где еще недавно стояли вопросительные знаки. Так будет всегда».

Ощущаете ли вы в этих великолепных строчках не только исчерпывающую современную характеристику самого понятия «романтика», но еще и лучший рецепт детских праздников?

Праздновать — это высвечивать тени. Стирать вопросительные знаки. Открывать неведомое. Лучшего мы просто не можем предложить ребятам...

Не буду здесь пересказывать ни одного образцово-показательного сценария пионерского гулянья, спортивного празднества, школьного развлечения.

Почему?

Да потому, что убежден — никакой готовый сценарий не может служить образцом именно потому, что он уже готов и, значит, не требует особых усилий для своего воплощения, если только не считать усилий исполнительских...

А настоящий праздник чем начинается?

Прежде всего волнением: как сделать его интереснее, как придумать, чтобы никто не догадался, что будет дальше? Получится — не получится? Словом, эле-

мент неопределенности — обязательный элемент в празднике.

А вот «картинки», кое-какие фрагменты, отдельные подробности праздников, которые мне случилось наблюдать, приведу. И думаю, они могут заинтересовать вас, могут прозвучать своего рода камертоном.

В туристическом пионерском лагере проводили соревнование на звание лучшего мастера по чистке картофеля. Порядок был такой: человек сам отвешивал себе ровно килограмм картошки, сам предварительно точил ножик.

Потом судейская коллегия занимала места, раздавалась команда: «Марш!» — и бежала неудержимая стрелка секундомера...

Судьям сдавалась вычищенная картошка и кожура.

В соревновании определились три чемпиона.

Тот, кто заканчивал работу первым по времени, объявлялся чемпионом-скоростником.

Тот, у кого оказывалось наилучшее соотношение между весом чистой картошки и весом шкурки, становился чемпионом-экономистом.

Ну а представивший судьям наименьшее число картошек возводился в ранг чемпиона-хитрована.

Это были очень веселые соревнования. Азартные. И, смею вас уверить, в них скрывалось куда больше смысла, чем может показаться на первый беглый взгляд.

«Принято, заведено... не знаю даже, как еще сказать,— дети дарят цветы родителям, учителям, почетным гостям конференций, совещаний. Вероятно, это хорошая традиция, во всяком случае умилительная, и я не собираюсь набрасывать тень на установившийся обычай. Хочу только поделиться своим, личным, семейным. Когда я первый раз — признаюсь, это произошло совершенно случайно — принес цветы моей шестилетней Светке, с ней едва не сделалась истерика, она вопила от счастья и все спрашивала:

— Это — мне? Мне? Цветы? Да?!

Никогда я не видел более счастливой девочки. Никогда!

С тех пор я время от времени дарю дочке цветы.

Советую вам, посмотрите на лицо просыпающегося ребенка, когда он, малыш, вдруг обнаруживает склонившийся над ним цветок.

Извините, я, конечно, не поэт и не умею этого выразить в словах. Поставьте эксперимент — и тогда убедитесь сами...»

Это были строчки из письма тридцатидвухлетнего Светинога папы. Строчки, я думаю, не нуждающиеся ни в каких комментариях. Разве только сказать: вот бы всем Светам так повезло с папами!

Люблю с ребятами уходить в лес. И лучшее там время — вечер. И лучшее место — костер. Видно, в каждом из нас живет что-то очень древнее: в жизни я еще не встречал человека, которого бы тяготил живой, жаркий, озорной огонь на просторе. Сидишь, смотришь на трепещущие языки синевато-рыжего пламени, и такая охватывает тебя тишина, такое счастье, будто еще ничего и не потеряно в жизни, будто все-все впереди и обязательно сбудется, придет в назначенный час...

Мы сидим у костра с ребятами до глубокой ночи.

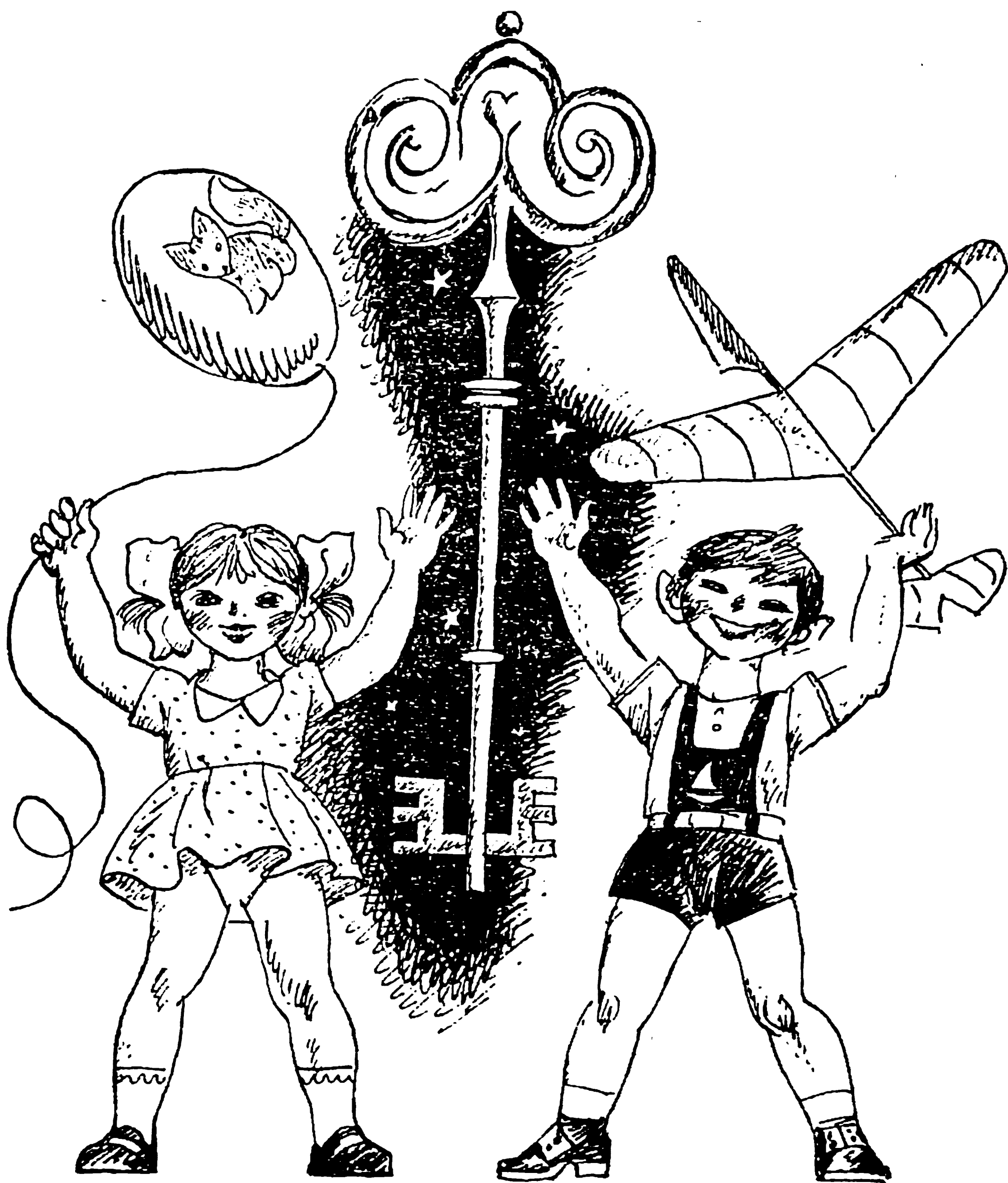
На этот день отменяются все ограничения: не желаешь спать — не спи хоть до рассвета!

И мы сочиняем... сочиняем жизнь, что будет, что должна быть у каждого. Как-то само собой получается, что в эту ночь все делается добрее и мягче, никто не зубоскалит, не подковыривает другого. Вероятно, огонь сближает нас, может быть даже чуточку заколдовывает.

Мы празднуем долго.

Потом обязательно долго спим.

И, отдохнувшие, движемся дальше. Замечаю: в этот день мы проходим всегда больше, чем во все предыдущие дни, и почти не устаем...



## **ПЕРЕД «ОТХОДОМ ПОЕЗДА»...**

А не пора ли остановиться? И оглянуться? И попробовать как-то суммировать главное?

В предшествовавших главах я приводил примеры или, лучше сказать, жизненные ситуации, постоянно возникающие между нами, взрослыми, и ребятней, пытался анализировать этот совершенно подлинный материал, показать крупным планом ошибки больших, реакцию маленьких. И не к тому я это делал, чтобы



осудить одних и найти оправдание другим; единственная цель, которую преследовал, была: дать тому, кто держит в руках мою книгу, пищу для размышления, представить ему, скорее всего молодому родителю, возможность обсудить поведение других, прежде чем он будет судим сам...

Мне хочется верить, что, когда я закончу этот разговор и поставлю последнюю точку,— завершится книга, но не прекратится, а, напротив, расширится общение с читателем. Но это еще в будущем.

А пока признаюсь чистосердечно: труднее всего оказалось выудить из безбрежного моря воспитательных проблем и поставить над прочими самые, как мне казалось, важные: например, воспитание взаимного уважения ребенка и взрослого, наказания, денежные отношения в семье...

Не сразу отважился я привести рядом с высказываниями родителей суждения ребят. Пугало привычное: «дети должны слушать, внимать и сначала набираться ума...» (словом, то самое пресловутое «ваш номер восемь, вас после спросим»).

И еще я старался предложить читателю кое-какие «тактические» приемы, а проще сказать, наметить (надеюсь, не слишком навязчиво) некую пунктирную линию поведения, особенно в затруднительных положениях.

И я совсем было приготовился к расставанию, к тем самым торопливым вокзальным словам, когда понимаешь — все уже сказано, но хочется выразить что-то еще — необыкновенное, значительное, а стрелки часов гонят и сбивают с толка. Но тут пришло письмо, резко изменившее мои намерения.

Послание было пространнейшее, и я цитирую лишь избранные строки.

«...Еще прежде, чем родился наш, т. е. моей жены и мой, первый ребенок, наименованный впоследствии Ефимом, что, между прочим, означает на греческом — благодетельный, я, человек от воспитательных проблем бесконечно далекий, обратился к специальной литературе и попытался вникнуть в суть этого ответственного процесса, выдержать испытание в котором должен каждый родитель...»

Прочитав такие строки вступления и особо подчеркнув про себя, что отец начал готовить себя к исполнению родительских функций загодя, что ответы на новые для него вопросы он искал в специальной литературе, не скрою, я возликовал. Основательный подход к решению всякой задачи непременно вызывает симпатию и уважение к любому исполнителю.

«...Мне показались несколько устаревшими воззрения, изложенные в весьма велеречивой книге прошлого века, хотя... хотя и в них можно было без особого напряжения откопать кое-какие рациональные зерна. «Воспитание — искусство сообразно с природою развивать физические, умственные и нравственные способности детей, устраняя все вредные влияния к успешному развитию», — говорилось, например, в этом труде. И невольно хотелось спросить давно усопшего автора, а как практически можно устранить все вредные влияния на ребенка? Даже если растить его в инкубаторе, и то, пожалуй, не убережешь ото всех...»

Признаюсь, мне сразу понравились въедливость и охват, с которыми будущий папа принялся за «самоподготовку», понравилось и то, что даже у старых авторов он искал рациональные зерна, а еще больше — его готовность спорить хотя бы и с усопшим авторитетом, не принимая на веру готовые, тщательно разжеванные истины.

Однако это было не все, дальше — больше.

«...теперь и Сократ с его главной наукой — о добродетели — и великолепной системой преподавания стал мне симпатичнее. Он молодец! Такие хитрые способы возбуждения самостоятельной умственной деятельности ученика придумал!..

Если же говорить о продолжателях и последователях Сократа — и в первую очередь о Платоне и Аристотеле, — то мое сердце больше расположено к реалисту Аристотелю. Импонирует его мысль о добродетели — единственном источнике человеческого счастья и разделение этой добродетели на нравственную (этическую) и умственную (дианоэтическую)... Как прав был старик, доказывая, что нравственная добродетель приобретается в упражнениях, а умственная — обучением!..

...Так, перепрыгивая через века, я добрался до Бэкона и Яна Амоса Коменского. Скажу сразу: справедливо, что Коменскому присвоили титул отца современной педагогики, очень справедливо. Ведь в его время требовать, чтобы воспитание соотнобразовывалось с естественным ходом духовного развития ребенка, чтобы обучение было конкретным и наглядным, свидетельство просто-таки гениальной смелости...

Как радостно было увидеть под знаменами Коменского не столько Жан-Жака Руссо (все-таки он порядочно поднапутал!), сколько наших Н. И. Пирогова и К. Д. Ушинского. Достойные оказались преемники, ведь и сегодня они не устарели...»

Было что-то удивительно трогательное в этом папе, который так запросто обращался к великим предшественникам, перешагивал через века, снисходил к заблуждениям и горячности Руссо, будто тот был его племянником, готов был выставлять отметки Пирогову и Ушинскому...

Однако во всем, что я прочитал, еще не обнаруживалось предмета для обсуждения. Письмо было, так сказать, познавательной любопытностью.

Предмет этот не то что вдруг всплыл или неожиданно вынырнул, он прямо-таки громыхнул внезапным обвалом:

«...Все шло хорошо, увлекательно, интересно, все замечательно «сходилось», пока не родился сын и не начал выражать своего личного (конечно же, непросвещенного) и очень бурного отношения к науке воспитания. Отношения большей частью яростно негативного...»

Совсем крошкой Ефим, которого я мысленно, с легкой руки его родителя, сразу стал называть Благонравным, с ожесточением выплевывал соски-пустышки, зато тянул в рот все подряд, даже окурки из пепельниц.

Но самое несносное для родителей было впереди: чем взрослее становился их сынок, чем больше он понимал (или должен был понимать), тем нахальнее отвергал все нормы и правила, извлеченные его отцом из сокровищницы человеческого опыта.

«...Он сплошное исключение, исключение отнюдь ничего не подтверждающее, а лишь опровергающее,— писал огорченный родитель.— Я приведу только самый

краткий перечень задач, которые этот ребенок заставляет и заставляет нас с женой решать. Может быть, кто-то сумеет ответить хотя бы на десятую долю наших вопросов? Если сумеет, я думаю, это сильно облегчит жизнь — нет, не нашу! — а тех, кто только-только еще вступил на родительский путь...»

Дальше следовал длинный перечень аккуратно пронумерованных и сведенных в колонку вопросов.

Все вопросы медицинского характера, те, что касаются самого нежного возраста и связаны с кормлением, купанием, соблюдением гигиенических правил, я сознательно опускаю. Полагаю, что эти безусловно важные проблемы достаточно подробно и компетентно освещены в специальных пособиях для молодых матерей, да и детские консультации работают у нас повсеместно и хорошо.

«...Он плачет. Начинаешь успокаивать — орет! Хочешь взять на руки, пытаешься приласкать, памятуя, что лаской можно добиться большего, чем строгостью, извивается ужом, норовит укусить, вообще звереет. Что делать?

...Если говоришь: «Кушай, сынок, а то расти не будешь» — ноль целых и ноль десятых внимания. Но стоит матери сказать: «Не ешь, не ешь, мне больше достанется...» — тут же хватается за ложку и начинает ковырять в тарелке. Только это, вероятно, неправильно действовать «от противного»?

...Перед сном требует, чтобы около его кровати кто-нибудь сидел. Иногда засыпает сразу, а другой раз и два и три часа выматывает душу. Пока сидишь рядом, его не слышно, едва-едва сопит, но стоит приподняться со стула, чтобы отойти, — крик, слезы... Как отучить его от такого безобразия?

...Что означает слово «дай», он усвоил прекрасно. И все, что желает получить, способен вырвать из горла. Но попробуйте попросить у него прутик, засохший листик — моментально насупится. Я так боюсь, что из него вырастет жадина, и не могу понять, как действовать, чтобы не допустить до этого несчастья...»

Один только взгляд на отмеченные маленькими восклицательными знаками вопросы — добросовестный родитель постарался, отметил самые, на его взгляд, трудные — заставил меня подумать о предварительном и неизбежном отступлении.

Столь распространенное словосочетание «индивидуальный подход» вовсе не абстракция, не формальность, а понятие совершенно практическое.

Давайте взглянем вместе на такой пример: стоит прикрикнуть на одного ребенка — и тот моментально, безропотно подчиняется; другой, напротив, закусывает удила и будто норовит все делать назло; третий от окрика становится вялым, рассеянным и хотя и подчиняется, но делает то, что ему велят, кое-как, а четвертый начинает просто реветь. Этот самый простой пример с полной неопровержимостью доказывает: каждый ребенок требует особого подхода. А чтобы этот подход найти, необходимо понять ребенка, присмотреться к нему как следует, тщательно проанализировать его поведение.

Это отступление вот для чего: помеченные восклицательными знаками вопросы я не считаю слишком сложными; мне кажется, добросовестный родитель несколько драматизирует обстановку, но должен предупредить: мои ответы не универсальны. У каждого сейфа свой ключ, и далеко не каждый замок поддается отмычке.

С ребятами еще сложнее.

А теперь можно обратиться и к вопросам.

Ребенок плачет. Если вы убеждены, что он здоров, что он только что не ушибся, не испугался чего-то, а просто капризничает, не стоит торопиться с утешениями. Сами по себе слезы никакой опасности для малыша не представляют. Постарайтесь отвлечь ребенка, переключить его внимание на какой-то посторонний, новый объект...

Молодые мамы обычно говорят недовольно:

— Отвлечь, отвлечь! Он будет фокусы свои показывать, а я перед ним на голове стой. Ну уж!

Понимаю: вы устали, вы раздражены. Но никто ведь не советует вам и впрямь становиться на голову. Отвлечь ребенка (это зависит, конечно, и от его возра-



ста, и от его темперамента) чаще всего удастся совершеннейшим пустяком.

Он ревет, а вы, слова не говоря, включаете проигрыватель с пластинкой про доктора «Айболита»... Слезам конец, во весь рот улыбка.

Он ревет, а вы спокойно так, будто и слез его не замечаете, говорите: «Не знаю, что и делать, папы нет, ни одного мужчины в доме нет, кто мне поможет...» И тут называете какое-то дело, каким ваш сын обычно охотно занимается.

И снова слезам конец, во весь рот улыбка.

Он ревет, а вы, наливая в стакан компот, спрашиваете: «Ты не мог бы попробовать — сладко или нет?..»

Он ревет, а вы достаете пылесос и готовите машину к работе (вообще-то это его обязанность). И никаких слов, оказывается, произносить не требуется.

Подчеркиваю: ни одна из приведенных только что рекомендаций может не подойти, не подействовать на вашего сына, но это все равно не опорочивает принцип «отвлекать, а не утешать». Просто вашему чаду требуется иной подход.

Какой?

Поищите, вы же лучше знаете своего ребенка...

Из моей личной практики: стоило в свое время сказать «Зой, тебя к телефону!» — и слезы мгновенно высыхали. Топала глупышка к телефону, говорила раз другой «аллё», не получала, естественно, ответа, но успокаивалась вполне надежно...

А соседского Витюшку достаточно было поставить на подоконник, дать мальчишке увидеть улицу и, главное машины, как все капризы с него будто рукой снимало...

Детей, не поддающихся отвлечению, не бывает. Увы, встречаются нетерпеливые, лишенные воображения и не желающие утруждать себя родители, но это, как говорят, из другой оперы.

Действовать «от противного», дразнить, «подначивать» ребенка: «не ешь, не ешь» — разумеется, нельзя. Как он будет есть при этом — хорошо, плохо, с большей или меньшей пользой, — не столь существенно, куда важнее, какие качества будут поощряться у него таким обращением...

Ну а как быть, если ребенок ест плохо?

Дайте ему хорошенько проголодаться. Раз, другой, третий. Для многих детей — это лучшее средство.

Отсадите малыша от общего стола. Возможно, он отвлекается, когда рядом видит других людей.

Но случается и по-другому: в одиночестве он ест плохо, а в компании нормально, особенно если чуть-чуть подыграть: «а ты быстрее Павлика суп кончаешь, молодец!..»

Костя быстрее засыпает с зайцем в руках... Вера — с куклой. Мите — хоть какуюнибудь тряпку дайте, лишь бы у него руки были заняты, иначе извертится, бедняга.

Тоша с первых дней приучена засыпать в полной темноте, а Мишутка — он вообще не трус — не может без притемненной лампочки.

Если ребенок привык, что около него сидят перед сном мама или бабушка, нельзя и не надо отучать его сразу: точка, баста, конец! Ты уже большой, изволь спать без наблюдателей! Постарайтесь утомить ребенка, успокоить, немного посидите с ним, вставая, скажите: «Я сейчас вернусь»... И вернитесь.

В следующий раз отлучку свою продлите, потом — еще и еще. Трех-четырех, ну, пяти вечеров окажется вполне достаточно, чтобы ребенок забыл привычку, вами же в нем воспитанную.

Как приучать ребенка к щедрости? Прежде всего примером: делитесь с ним своей конфетой, своим яблоком, осуждайте тех, кто не делает так.

Станет побольше, рассказывайте, читайте человеку о щедрости людей. И, конечно, оценку этому качеству давайте самую восторженную.

Отказывая в исполнении его просьбы (а такое будет, и много раз!), потрудитесь объяснить, почему вы отказываете.

Не купил мороженое — холодно на улице.

Не разрешил взять свои лыжи — они тебе велики, и ходить на них толком ты не сможешь.

Не купил модную рубашку — денег нет, будут — куплю.

Щедрость, однако, воспитывается не только и, я бы сказал, не столько специальными, рассчитанными на это поступками, сколько общей атмосферой, царящей в семье, в доме.

Если вы рады гостю, готовы поделиться последним с другом, если к вам идут люди и за стаканом сахара в долг, и за советом, и за утешением, то, подумайте сами, с чего бы вашему сыну вырасти жадinou? Щедрость прежде всего передается по наследству...

Не исчерпать вопросов, задаваемых нам жизнью, не перечислить проблем, возникающих каждый день, и все они важные.

Девочка растет нетерпеливой — думаю, каково достанется ей во взрослости? Как привить ей терпение? Хоть в принципе-то это возможно?

Когда я был совсем маленьким, мой отец постоянно приносил в дом ужасно запутанные веревки и объяснял мне, что для каких-то весьма секретных и важных надобностей их необходимо распутать, не пользуясь ножницами...

Это было кошмарно! Но я старался, должно быть, налет таинственности и секретности действовал магически.

У меня много недостатков, но те, кто со мной знакомы, утверждают единодушно: он терпелив, как осел на мельничном приводе.

Терпение привить можно. Трудом! А если в это занятие внести еще долю игры, какой-то элемент занимательности, все пойдет куда быстрее и успешнее.

Взрослея, сын делается грубым, совершенно не переносит ласки, не считается с мнением родителей...

Некоторая грубость в подростках, так сказать, знак переходного периода от детства к юности. И ласка в это время принимается мальчишками как оскорбление. Сдерживайте свои порывы, и все довольно быстро наладится.

Самоутверждение подростков происходит быстрее и легче там, где их с родителями связывают не только формальные узы родства, но еще и общие увлечения, интересы, совместный труд.

Если отец охотник и сын охотник, очень маловероятно, чтобы молодой охотник пренебрегал мнением старого.

Когда мама рукодельница и дочь рукодельница, они могут, естественно, и спорить, и состязаться, но всегда при этом над родительским авторитетом будет подниматься еще и авторитет мастера.

Если в доме много детей и старшие вынуждены принимать на себя хоть малую часть родительских обязанностей, заниматься малышами, они обычно бывают человечнее, мягче и совестливее, чем дети, растущие в одиночестве.

Присутствие любой живой души в доме — хоть собачьей, хоть кошачьей, хоть голубиной — чаще всего, способствует смягчению ребячьих нравов, правда при условии, что он, ребенок, о чужой душе печется.

Старайтесь, как это ни трудно, хотя бы в особо острых ситуациях, ставить себя на место ребенка.

Допустим, вам ясно — он соврал. Соврал нагло и глупо. Ложь не заслуживает снисхождения. Это всегда отвратительно. И все-таки очень прошу вас, не распляйте себя в справедливом гневе, не будите негодования в душе.

Попробуем подойти с другого бока: а почему он соврал?

Бывает ведь, что лгут из лучших намерений, например дабы не огорчать мать.

Бывает, скрывают правду из трусости, опасаясь последствий.

Врут из ложного понимания чувства товарищества.

Уклоняются от истины из корыстного расчета, стремясь выгадать.

Врут просто так, по легкомыслию, нечаянно, даже не задумываясь, для чего.

Обманывают, приукрашивая себя, — так хочется казаться лучше, чем ты на самом деле!

Как видите, у лжи много оттенков, и пусть в любом случае ложь заслуживает безусловного осуждения, но

все-таки есть разница в том, когда человек не сказал правды, надеясь не расстроить больную мать, и когда он нахально обманул товарища.

Чуть раньше или чуть позже у каждого молодого человека вызревает свое увлечение, своя мечта: один собирается в электронщики, другой не мыслит себе иной жизни, кроме жизни летчика, третья решила стать обязательно учительницей или врачом. И чаще всего ребята весьма охотно рассуждают о будущей профессии, более или менее убедительно отстаивая ее преимущества перед всеми другими занятиями на свете.

И тут чрезвычайно важно спросить у будущего летчика, электронщика или врача: «А что ты уже сделал на пути к своей цели?»

И в двенадцать и в четырнадцать лет можно вполне практически приблизиться к своей мечте.

Предположим, ваш сын собирается в летчики. Помогите ему понять, что никакие разговоры об очаровании пятого океана не приблизят его к небу. Начинать надо в спорте. Ведь в летчики берут людей здоровых, физически хорошо развитых, тренированных. Но этого мало. Тренируйся еще легко и без натуги — это вы должны непременно внушить мальчишке — сдавать... экзамены. Ведь нет в мире такого летчика — седого генерала или безусого лейтенанта, — который постоянно и регулярно не подвергался бы строжайшим экзаменам по аэродинамике, материальной части самолета и двигателя, навигации, радио-электронному оборудованию, метеорологии, инструкциям, наставлениям и многим-многим другим дисциплинам. Все летчики на протяжении всей своей летной жизни сдают бесчисленное множество экзаменов — плановых, внеплановых, сезонных, инспекторских, связанных с повышением класса и продвижением по должности...

Если ваша дочка решила стать учительницей, пусть не дожидается окончания школы, поступления в институт, распределения на работу, а идет к малышам в вожатые, пусть руководит кружком первоклассников, привыкает к детворе, учится любить ее не на словах, а на деле. Ведь нет ничего ужаснее, чем учитель, ненавидящий своих учеников.



Практическое приобщение к будущей работе имеет еще и потому смысл, что позволит, если случится ошибка в выборе, обнаружить ее заблаговременно. А это ох как важно, не потратить годы на изучение дела, которое потом окажется вдруг совсем не столь привлекательным и манящим, каким оно казалось из юношеского розового далека.

Словом, старайтесь приобщить ваших ребят к делу, которое они себе избирают делом жизни, как можно раньше. Приобщаться не бывает никогда рано, а вот поздно, увы, случается...

Выработав какую-то систему поведения, какие-то нормы воздействия, хуже или лучше, более или менее успешно воспитывая своего ребенка, старайтесь следовать постоянным курсом, не позволяя себе суетливо хвататься то за одну рекомендацию, то за другую, то за третью...

Воспитание, как ни одна другая деятельность, требует постоянства, стабильности. Ни резкое маневрирование, ни силовые приемы тут к добру не приводят и привести не могут.

Однажды меня спросил очень искушенный, многоопытный педагог:

— Вот вы в одной из своих книг утверждали, что для летчика-испытателя такие качества, как смелость, способность идти на риск, мужество, сами собой подразумеваются, а делает летчика настоящим испытателем абсолютная, гипертрофированная честность. Вероятно, вам виднее, так ли это. А скажите, что, по-вашему, делает воспитателя настоящим, с большой буквы Воспитателем?

Не решаясь ответить сразу, я подумал: доброта? Но этого явно мало.

Терпение? Тоже мало. Ты упорно бубнишь свое, а они резво несутся мимо.

Чувство ответственности? Так без него нигде нельзя — и в бухгалтерии ответственность, и за операционным столом тоже.

А мой собеседник помалкивал и посмеивался, и я вдруг подумал: «А сами-то вы знаете, что нужно?» Но спросить не отважился. Он был стар, опытен...

— Может быть,— осторожно нащупывая почву, сказал я,— мудрость?

— Тогда почему бы не сказать сразу — гениальность? — тут же нокаутировал он меня. И сжавшись, пояснил: — Не мучайтесь. Надо уметь находить компромиссы между самыми лучшими вашими решениями и готовностью ребенка следовать этим решениям.

Бескомпромиссное воспитание — штука невыносимая и злая, совершенно для нас непригодная. Бескомпромиссность всегда приводит к муштре, к насилию.

Так что не старайтесь заранее поставить все точки над всеми «и», и читателям постарайтесь доказать: в жизни нет и не может быть заранее приготовленных ответов на все возможные вопросы.

Кто хочет преуспеть в воспитании, пусть ищет компромиссы, учится выходить из непредвиденных ситуаций и честно отвечать на самые неожиданные вопросы.

## Содержание

Пожалуйста, извините...	5
Шаг за шагом	22
Мы и дети	37
Бить или не бить?	53
Они смотрят на нас	67
Не забывайте Суворова	84
Про самое главное	100
Скажите, что делать?	111
Покажите им радугу	132
Перед «отходом поезда»...	147

*Анатолий Маркович*  
*Маркуша*  
**ВНИМАНИЕ — ДЕТИ!**

Заведующая редакцией А. Т. ШАПОВАЛОВА  
Редактор Ю. Н. ЧЕРНЫШЕВА  
Младший редактор Н. М. ЖИЛИНА  
Художник А. Г. ТАМБОВКИН  
Художественный редактор В. А. ТОГОБИЦКИЙ  
Технический редактор М. И. ТОКМЕНИНА

ИБ № 1771

Сдано в набор 28.04.79. Подписано в печать 30.07.79. А00408. Формат  
84 × 108<sup>1</sup>/<sub>32</sub> Бумага типографская № 1. Гарнитура «Литературная».  
Печать высокая. Условн. печ. л. 8,4. Учетно-изд. л. 8,16. Тираж 200  
тыс. экз. Заказ № 3891. Цена 35 коп.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий»,  
103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

35 коп.

В серии «Библиотечка семейного чтения»  
вышли из печати следующие книги:

**Р. Коваленко**

**Добрая сила доверия**

**Г. Дмитрин**

**Когда сын выбирает профессию**

**Л. Пинчук**

**Моим детям — вместо завещания**

**И. Кошелева**

**Возьмем его в союзники**

**И. Печерникова**

**Величие души**

